

Подписано электронной подписью:

Вержицкий Данил Григорьевич

Должность: Директор КГПИ ФГБОУ ВО «КемГУ»

Дата и время: 2024-02-21 00:00:00

471086fad29a3b30e244c728abc3661ab35c9d50210dcf0e75e03a5b6fdf6436

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Кемеровский государственный университет»
Новокузнецкий институт (филиал)

Кафедра истории и обществознания

Е. Б. Макарчева

ИСТОРИЯ СИБИРИ
Часть 2. Сибирь с середины XIX
до конца XX в.

методические указания к изучению лекционного курса

Новокузнецк
2020

УДК 94(571)(075.8)
ББК 63.3(253)я73
М 15

Макарчева Е. Б.

История Сибири : методические указания к изучению лекционного курса / Е. Б. Макарчева ; Новокузнец. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та. – Новокузнецк : НФИ КемГУ, 2020. – ч.2. – с.

В методических указаниях к изучению лекционного курса «История Сибири ч. 2» представлены методические и теоретические материалы к изучению учебной дисциплины «История Сибири», охватывающие период с середины XIX до конца XX в. Материал изложен по проблемно-хронологическому принципу. Текст включает вопросы для самоконтроля по темам и библиографический список. Издание предназначено для студентов направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» с двумя профилями «история и обществознание».

Рекомендовано
На заседании кафедры
Истории и обществознания
Протокол № 7 от 27.03.2019 года
Заведующий кафедрой
И.Н. Заводская

Утверждено
методической комиссией
факультета истории и права.
протокол № 9 от 20.05. 2020 года
председатель методкомиссии
А.Г. Борин

©Макарчева Е. Б., 2020

© Новокузнецкий институт (филиал)
Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Кемеровский государственный
университет», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Тема 1. Экономическое развитие Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.....	5
Тема 2. Административная политика и управление Сибирью во второй половине XIX – начале XX вв.....	26
Тема 3. Социальные процессы, образование и просвещение во второй половине XIX – начале XX в.	42
Тема 4. Революция 1917 г. в Сибири: от февраля к октябрю	68
Тема 5. Установление Советской власти и гражданская война в Сибири...	82
Тема 6. Восстановление экономики Сибири после гражданской войны.....	101
Тема 7. Сибирь в конце 1920 – 1930-е гг.: становление социалистической экономики	114
Тема 8. Социалистические преобразования в быту, культуре и социальной сфере в конце 1920-х – 1930-е гг.....	129
Тема 9. Основные направления и тенденции экономического развития Сибири в 1940-е – 1980-е гг.....	143
Тема 10. Социальные и демографические процессы, условия жизни населения Сибири во второй половине 1940-х – начале 1980-х гг.....	156
Литература	168

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории своего региона, в данном случае – Сибири, является важным компонентом общегуманитарной подготовки бакалавров, независимо от направления и профиля подготовки. Тем более значимое место оно должно занимать в образовательных программах педагогического направления. Педагог, независимо от преподаваемой дисциплины, в силу своей профессии участвует в формировании у учащихся региональной идентичности, местного патриотизма, что невозможно без переживания эмоциональной связи с прошлым своего региона и живущих в нем людей. В силу этого дисциплина «История Сибири» является важной частью профессиональной подготовки будущих учителей истории и обществознания.

Предлагаемое издание представляет собой методические указания ко второй части учебного курса «История Сибири» и предназначено для студентов, обучающихся по направлению подготовки бакалавров 44.03.05 «Педагогическое образование» с двумя профилями «история и обществознание». Учебная дисциплина Б.1.В.ОД.2.5. «История Сибири» входит в вариативную часть учебного плана ООП по данному направлению подготовки. Изучение дисциплины направлено на формирование у студентов специальных компетенций историка:

- способности описывать и интерпретировать исторические факты, явления и процессы, выявлять и характеризовать региональные особенности исторических процессов; способностью отбирать содержание исторического материала в соответствии с образовательными и исследовательскими целями;
- готовности применять на практике классификации исторических источников; способностью отбирать источники и оценивать их информационный потенциал в учебно-исследовательской деятельности; готовностью применять основы источниковедческого анализа в научно-исследовательской деятельности;
- способностью различать и критически оценивать различные историографические подходы и направления; готовностью проводить историографический анализ по проблеме учебного исследования; готовностью применять методы историографического анализа в научно-исследовательской деятельности.

Дисциплина связана содержательно и методически с такими дисциплинами учебного плана как история, археология, этнология, историческое краеведение, и опирается на сформированные в рамках этих учебных курсов компетенции.

Вторая часть учебной дисциплины охватывает период со второй половины XIX до конца XX вв. Материал изложен в соответствии с проблемно-хронологическим принципом и сгруппирован по темам. К каждой теме предложен список вопросов и заданий для самоконтроля, позволяющих студентам проверить уровень освоения материала и формулировать свое мнение по некоторым проблемным вопросам. Методические указания к лекционному курсу составлены с учетом современных подходов в

отечественной исторической науке и историческом сибиреведении – историко-антропологический, цивилизационный, теория фронта – и призвано восполнить недостаток учебной литературы по данной дисциплине.

Структура и содержание курса обусловлены спецификой организации изучения данной дисциплины в учебных планах бакалавров профилей «история и обществознание». В частности, учитывается ограниченный объем аудиторных занятий, проводимых в лекционной форме по сравнению с объемом практических занятий. В этой связи тематика семинарских занятий в большинстве случаев не совпадает с тематикой лекций, но расширяет и дополняет ее. Таким образом, предлагаемое методическое издание направлено на усвоение теоретического материала по учебной дисциплине и не претендует на освещение всех аспектов истории региона, что не представляется возможным при ограниченном объеме лекционного курса. Часть тем, предполагаемых к изучению учебным планом дисциплины, вынесена исключительно на практические занятия, не изучается на лекциях и не нашла своего отражения в пособии. Некоторые темы представлены в пособии на уровне общего обзора и предполагают углубленное изучение отдельных аспектов на практических занятиях. Такой подход делает возможным более глубокое изучение в лекционной форме избранных проблем истории Сибири.

При составлении данных методических указаний было использовано значительное количество научных работ по различным темам и проблемам истории Сибири, публикации в сети Интернет. Научные публикации, использованные в работе и рекомендованные студентам для углубленного изучения тем представлены в библиографическом списке.

Тема 1. Экономическое развитие Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

1. Развитие сельского хозяйства и влияние переселенческого движения

2. Направления и особенности развития промышленности

3. Транспорт и торговля

1. Развитие сельского хозяйства и влияние переселенческого движения

Отмена крепостного права 19 февраля 1861 г. в значительно меньшей степени повлияла на развитие сельского хозяйства Сибири по сравнению с европейской Россией. Она затронула ничтожную часть сибирского населения, поскольку помещичьи крепостные крестьяне составляли лишь 1/1000 долю жителей Сибири. По X ревизии 1858-1859 гг., в Сибири насчитывалось только 36 помещиков, владевших населенными имениями, и 70 беспоместных дворян, имевших дворовых людей. При этом подавляющее большинство из них располагалось в Западной Сибири – на Восточную приходилось лишь 2 помещика с имениями и 9 беспоместных дворян с дворовыми людьми. Общее количество крепостных составляло около 3700

чел., в том числе 900 дворовых. После отмены крепостного права в Сибири не осталось ни одного помещичьего имения.

Более значительную группу зависимого населения, на положении которой отразилась отмена крепостного права, представляли крестьяне и мастеравые, приписанные к кабинетским и казенным заводам в Алтайском и Нерчинском горных округах. ***Ко времени отмены крепостного права в Сибири было около 150 тыс. приписных крестьян и около 30 тыс. мастеровых и урочников.*** По указу 8 марта 1861 г. все они получили освобождение от принудительного труда. В течение 3 лет крестьяне переводились с «издельной горнозаводской повинности» на оброк. Они были обязаны платить по 6 руб. с души, из них 4 руб. 50 коп. - в пользу императорского Кабинета и 1 руб. 50 коп. в казну. Кроме того, крестьяне уплачивали земские (уездные) и общественные сборы, несли казенные повинности. За приписными крестьянами закреплялись в пользование усадебные и полевые земли. Мастеровые освобождались от обязательных работ в течение 2 лет. Раскрепощение этих категорий подневольных работников способствовало распространению наемного труда, росту капиталистических отношений.

Хотя отмена крепостного права не затронула основную массу сибирского крестьянства, она способствовала росту переселения в Сибирь и ускорению социально-экономического развития. Особенность пореформенного развития сельского хозяйства Сибири, как и до крестьянской реформы, определялась отсутствием помещичьего землевладения, распространением «захватного» землепользования и большим количеством свободных земель. По данным 1899 г., на долю частного землевладения в Сибири приходилось всего 524 тыс. десятин, что составляло 0,04 % пространства всей Сибири. Преобладание «принципа государственной собственности на землю» питало надежды либерально-народнических публицистов и сибирских областников на то, что Сибирь будет «спасена от стремительного потока развития капиталистических форм». Но процесс расслоения крестьянства и концентрации земли в руках зажиточных крестьян проходил и здесь. Это происходило в форме захватного землепользования, благодаря которому земельные угодья богатых крестьян достигали 100-200 и более десятин земли. Частичные, а местами общие переделы земель до некоторой степени регулировали «захватно-родовую» форму землепользования, но не устранили ее.

Государственная собственность на землю в Сибири носила до некоторой степени формальный характер. Собственность на землю включает право пользования, владения и распоряжения. По законам право пользования принадлежало крестьянину, владения – крестьянской общине, а право распоряжения оставалось за государством. Но фактически крестьяне не только пользовались и владели землей, но и распоряжались ею. Они захватывали свободные участки, не только пользовались ими пожизненно, но

и передавали по наследству. Происходила также сдача в аренду, продажа и покупка земли как общинами, так и отдельными крестьянами.

Специфика Сибири заключалась также в том, что она по-прежнему была колонизуемой окраиной. Масштабы развития переселенческого движения определялись в первую очередь политикой государства. В 1861 г. правительство встало на путь поощрения заселения Амурской и Приморской областей; в 1865 г. были приняты правила о переселении крестьян на кабинетские земли Алтая. Но это были только частичные мероприятия. Правительство в 60-80-х годах XIX в. колебалось между политикой поощрения и сдерживания переселения, рассматривая движение крестьян за Урал как угрозу для развития сельского хозяйства Европейской России. Речь шла об утечке дешевой рабочей силы из крупных помещичьих хозяйств, которые являлись основным поставщиком товарного хлеба. В конце 80-х и в 90-х годах политика сдерживания переселения сочетается с предоставлением некоторых льгот переселенцам. Правительство, наконец, признало переселение безвредным для экономики метрополии. ***Основные положения переселенческой политики определялись законом 1889 г., распространенным на Восточную Сибирь только в 1892 г.*** В нем предусматривались выдача лицам, получившим разрешение на переселение, путевых пособий и ссуд на заведение хозяйства, а также предоставление льгот по отбыванию повинностей на новых местах. Разрешение можно было получить только при общем согласии министерств внутренних дел и государственных имуществ. Такое согласование чрезвычайно затягивало и усложняло процедуру. Поэтому и после издания закона абсолютно преобладало самовольное переселение. В 1894 г. оно достигало 78%. В последующие годы оно несколько снижалось, но к концу XIX в. (в 1898 г.) составляло 44% всего переселенческого движения.

По социальному составу большинство переселенцев относилось к середнякам. У себя на родине они стояли на грани перехода в группу бедноты, но от продажи своего имущества могли собрать средства на переселение в Сибирь. У бедняка не было средств на переселение, а кулак не имел в этом нужды. В Сибирь переселялись крестьяне почти из всех губерний Европейской России, но подавляющее большинство составляли переселенцы из черноземных губерний, где крепостнические пережитки были особенно сильны. Выходцы из черноземных губерний составляли в 1882 г. 70%, а в 1887-1893 гг. - 81%.

Переселенческий поток в Сибирь начали систематически учитывать лишь с 1885 г. С 1861 по 1891 г. в Сибирь переселилось около 450 тыс. переселенцев, из них в Западную Сибирь - до 350 тыс. чел., в Восточную - до 100 тыс. Таким образом, большинство переселенцев оседало в Западной Сибири, расположенной ближе к европейской части страны. Здесь основным районом водворения переселенцев был Алтай. Только за 9 лет, с 1884 по 1892 г., на его землях поселилось почти 196 тыс. чел. Сюда привлекали более благоприятные почвенно-климатические условия. В Восточной Сибири

основной поток приходился на Енисейскую губернию – 50 тыс. переселенцев, на Иркутскую – 20 тыс., на Амурскую и Приморскую области – 30 тыс.

Переселенцы стремились поселиться в старожильческих селениях. Там легче было найти квартиру до постройки собственного дома, приобрести удобную землю и продукты питания до получения собственной земли и урожая, найти заработки. Но обосноваться в старожильческом селении не всегда удавалось. Старожильческое общество назначало высокую сумму за покупку приемного приговора, либо отказывало переселенцам в приеме.

По мере продвижения с запада на восток и сокращения плотности населения число переселенцев, водворившихся в старожильческих селениях, возрастало. В Алтайском округе в 1884 – 1890 гг. они составляли чуть больше половины общего числа водворившихся переселенцев, в Енисейской губернии в 1865 – 1890 гг. – 85%. В Иркутской губернии все переселенцы водворились в старожильческих селениях. Исключение представляли малонаселенные или незаселенные места Амурской и Приморской областей. Здесь переселенцы создавали новые поселки.

Не во всех районах Сибири одинаково наделяли переселенцев землей. В Амурской и Приморской областях, которые правительство стремилось как можно скорее заселить русским населением, переселенцам продавали землю в собственность по 3 руб. за десятину без ограничения площади или отводили в пользование за повинности по 100 десятин на семью. В остальной части Сибири переселенцам и ссыльнопоселенцам отводили землю в пользование за повинности по 15 десятин всех угодий на душу мужского пола. Это была максимальная, постепенно сокращавшаяся норма надела. При этом участки земли отводились не каждой семье в отдельности, а всему переселенческому селению, внутри которого каждый домохозяин в 1860 – 1880 гг. пользовался землей на захватном праве. Переселенцы были вынуждены одновременно работать на кабальных условиях у старожилов и вести собственное хозяйство. Формы найма были многообразны: срочные работы на день, сезон и год, ссуда под работу деньгами, продовольствием, скотом и т. п.

Несмотря на трудности с обустройством и созданием устойчивого хозяйства, в конечном итоге большинство переселенцев оставалось в Сибири. Часть из них возвращалась обратно, но до проведения Сибирской железной дороги обратное переселение не получило широкого распространения, так как обратный отъезд на родину требовал значительных средств. Из почти 300 тыс. переселившихся за 10 лет (1884 – 1893 гг.) в Томскую губернию, вернулось обратно менее 2%.

Массовое переселение способствовало экономическому развитию Сибири тем, что переселенцы создавали широкий рынок дешевой рабочей силы, расширяя тем самым старожильческое хозяйство, организовывали собственное хозяйство на ранее не использованных землях, увеличивали спрос на сельскохозяйственную продукцию. Они привезли в Сибирь семена

новых культур (пшеницу бело-турку и др.) и свои приемы ведения хозяйства. Многие переселенцы создавали более крепкое хозяйство по сравнению с тем, которое было у них на родине. Но все же большинство из них составляло основную массу бедняцких слоев сибирского крестьянства.

С 1858 по 1897 г. за счет естественного прироста старожилов и массового переселения крестьян из Европейской России после отмены крепостного права население Сибири значительно увеличилось – с 2 936 000 чел. до 5 760 000, т. е. почти в 2 раза. Наибольший прирост населения, естественно, наблюдался в тех районах, куда направлялся основной поток переселенцев.

При слабом развитии промышленности в Сибири преобладала вольная земледельческая колонизация. Приток неземледельческого населения происходил в гораздо меньших масштабах. В Сибирь прибывали для заработков на золотые прииски, на постройку Сибирской железной дороги (с 90-х годов), для торговых целей, занятий промыслами и ремеслами.

Рост населения, в том числе – городского и заводского, и развитие рынка способствовали развитию сельскохозяйственного производства. Продукты сельского хозяйства и скот закупались для золотых приисков, извоза, для жителей городов и заводских поселков. Хлеб потребляли винокуренные заводы, сельскохозяйственное сырье – кожевенные. Производились также закупки в казну.

Урожаи хлеба в зависимости от почвенно-климатических условий были различны. В основных земледельческих районах, расположенных до 57° северной широты, средний урожай хлебов составлял 40-60 пуд. с десятины, высокий урожай достигал 100-120 и более пудов. В пореформенное время уровень развития земледелия в Сибири заметно вырос. Так, посевы зерна за 35 лет с 60-х гг. XIX в. увеличились на 30%, а сбор зерна - на 59%. Т.е. рост происходил не только за счет увеличения посевных площадей, но и за счет роста урожайности. Наибольший прирост приходился на Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии и Забайкальскую область. В районах нового освоения -Амурской и Приморской областях посевы увеличились с 1860 г. по 1895 г. почти в 20 раз. Новый земледельческий район развивался в Якутской области - здесь посевные площади увеличились более чем в 5 раз. В 1899 г. в Сибири было произведено 216 млн пудов хлеба.

В пореформенную эпоху в Сибири уже имелись излишки зерна, которые шли на продажу, и **образовались районы торгового земледелия**. К началу 1890-х гг. в этих районах в среднем продавалось 20 - 30% производимого хлеба. Наряду с вывозом хлеба за пределы округов большое количество продавалось и покупалось внутри районов торгового земледелия. Покупателями хлеба были бедняки, которым своего хлеба хватало только до весны или лета. А зажиточные крестьяне были вполне обеспечены хлебом и в значительном количестве продавали его. Основная часть сибирского хлеба сбывалась в пределах Сибири, но со второй половины XIX в. начинается вывоз его в Европейскую Россию. В 80-х годах из Сибири вывозили 3,5 млн.

пуд. хлеба. С 90-х годов вывоз хлеба стал увеличиваться, в частности по причине неурожая в Поволжье, и достиг 10-12 млн пуд. в год.

Землепользование сибирских крестьян не было неизменным. Оно изменялось под влиянием переселенческого движения, роста населения, колониционной политики правительства. Прежний вольный «захват» свободных земель стал ограничиваться. В конце XIX в. ограничение размеров землепользования начинает проявляться в наиболее населенных и экономически развитых районах Сибири – на территории Западной Сибири и прежде всего в центральных районах Тобольской губернии и в Алтайском округе, а затем в отдельных районах Восточной Сибири. Как одна из форм такого ограничения, с середины XIX в. распространяется практика общинных переделов земли. В первую очередь это касалось луговых покосов как следствие развития товарного животноводства и недостатка хороших пойменных лугов. В ряде районов Сибири практиковались переделы пашни, частично ограничивавшие захватное право. Они сводились в основном к частным поравнениям («сбавки», «надбавки»), общие переделы производились лишь в тех общинах, где они практиковались сравнительно давно. Это не устанавливало определенных норм землепользования и лишь в некоторой степени ограничивало возможность сосредоточения больших площадей земли в руках богатых крестьян.

2. Направления и особенности развития промышленности

Уровень развития сибирской промышленности к началу 1860-х гг. можно определить как низкий. В пореформенное время в Сибири произошли изменения в самой системе организации промышленных предприятий. ***Принудительный труд приписных крестьян, мастеровых и ссыльно-каторжных на кабинетских и казенных предприятиях, носивший черты крепостничества, был отменен (за исключением труда каторжан).*** Большинство из них не могло приспособиться к новым – капиталистическим – отношениям. Одни предприятия перешли в руки купцов, другие закрылись, третьи наряду с трудом каторжан применяли наемный труд. Их место занимали частнокапиталистические.

Особенно наглядно последствия отмены принудительного труда отразились на кабинетских и казенных предприятиях Алтая и Восточного Забайкалья, которые в новых условиях не выдерживали конкуренции передовой промышленности Европейской России. Потеря дешевой подневольной рабочей силы, крайняя техническая отсталость, отсутствие (до проведения Сибирской железной дороги) железнодорожного сообщения с рынками сбыта привели к упадку кабинетской промышленности. С 1868 г. стала падать добыча серебра в Алтайском горном округе. К концу 1880-х гг. она сократилась в полтора – два раза. Лишь в 1896 г. в результате применения химического способа извлечения из руд на Зыряновском руднике выплавка серебра заметно повысилась, но это достижение было временным. Выплавка свинца в Сибири в 1896 г. по сравнению с 1861 г. сократилась более чем в 4 раза, меди – в 1.8 раза. Особенно упала выплавка

серебра в Нерчинском горном округе. К 1891 г. там остался только один сереброплавильный завод – Кутомарский, выплавлявший всего около 50 пуд. серебра в год. Все силы и средства округа направлены были на добычу золота, которое сделалось главным предметом производительности взамен серебра и свинца. Уменьшение добычи цветных металлов вызывалось не истощением месторождений, а хищническими способами добычи, устаревшей системой организации производства, низким уровнем техники.

Те же проблемы определяли и развитие золотодобычи. После реформы Кабинет оказался неспособным перестроить ее на новых началах. Кабинет предпочитал получать доходы не от эксплуатации принадлежавших ему приисков, а от сдачи их в аренду частным предпринимателям на условиях отчисления от 5 до 15% добытого золота. Многие кабинетские прииски были закрыты или подарены царским сановникам.

Золотопромышленность продолжала занимать и во второй половине XIX в. первое место по количеству привлеченных рабочих и вложенных капиталов. Главные ее центры в это время находились в Восточной Сибири, которая в 1882 – 1891 гг. давала до 75% общей добычи золота в России, а на Западную Сибирь приходилось всего 6 – 7%. По годам добыча золота колебалась, то понижаясь, то повышаясь. Происходила концентрация производства и капиталов в крупных компаниях, которые либо вытесняли мелких золотопромышленников, либо подчиняли их своему влиянию. Это происходило посредством займов под высокие проценты для оборудования приисков, найма рабочих и пр., что приводило к зависимости мелких предпринимателей от кредиторов.

В пореформенное время на сибирских золотых приисках стала распространяться механизация. В 1874 г. К. Кулибин изобрел шлюзовое устройство для промывки золотоносных песков водой самотеком. Сначала оно применялось на Урале; затем под названием «кулибинки» распространилось в Сибири. Для взрыва валунов и гребней скалы сначала применялся порох, затем – динамит. В 70-х годах была внедрена оттайка мерзлоты с помощью пара и раствора поваренной соли. Еще в 1861 г. на Вознесенском прииске Лено-Витимского округа была построена приисковая железная дорога для подвозки песков на машину. В дальнейшем такие дороги строились и на других приисках. Вагонетки по рельсам везли лошади. В крупных золотопромышленных компаниях применялись паровые машины. Знаменательными фактами в истории промышленности Сибири были постройки первых гидроэлектрических станций. Летом 1892 г. первая промышленная гидроэлектростанция возникла на Алтае. Она была построена под руководством инженера А. А. Кокшарова на Зыряновском руднике, принадлежавшем Кабинету. Сначала был электрифицирован шахтный водоотлив, а в 1894 г. – механизмы рудодробилки и канатная железная дорога. Одновременно началась работа электролитической фабрики (электролиз меди и серебра). В 1896 г. по проекту инженера Л. Ф. Граумана

построена гидроэлектростанция на Павловском прииске Ленского золотопромышленного товарищества на р. Ныгри.

Приведенные выше примеры перехода к системе машинного производства, к фабричной стадии проявлялись на крупных золотопромышленных предприятиях. В отношении их можно говорить о *начальной стадии промышленного переворота приблизительно в 80 – 90-е гг. XIX в.* Процесс технического перевооружения сдерживался до проведения железной дороги удаленностью от крупных промышленных центров, дороговизной и трудностью доставки машин. Кроме того, в условиях хищнической добычи прибыли зависели непосредственно от степени содержания золота в золотоносных песках. Непредсказуемость и рискованность не стимулировала крупных капиталовложений в технику. Промышленный переворот в отрасли сдерживался и необеспеченностью квалифицированными техническими кадрами, которые практически отсутствовали в Сибири. Подавляющее большинство мелких и средних приисков, на которых преобладал ручной труд, находилось на мануфактурной стадии развития.

Сибирское золото составляло основу золотого запаса России. Из 2207 пуд. золота, добытого в стране в 1882 г., на долю Сибири приходилось 79 %. Стимулируя рост потребительского спроса (на лошадей, предметы потребления и продукты для приискового населения, железные изделия, орудия производства, лесные материалы), развитие золотопромышленности способствовало росту сибирской торговли и некоторых отраслей хозяйства. Кроме того, золотодобыча порождала массовый спрос на рабочую силу. В 1882 – 1891 гг. на золотых приисках ежегодно работало от 33 до 37 тыс. рабочих. Ни одна отрасль промышленного производства в Сибири не имела такого количества рабочих.

Однако, в целом, доходы от золотых приисков и серебряных рудников не вкладывались в развитие промышленности и транспорта Сибири, а уходили в метрополию. Так, Н. М. Ядринцев, в одной из своих публичных лекций отмечал: «Много ли памятников осталось от наших богачей? Может быть, Сибирь усеяна фабриками и заводами? Может быть, наши богачи создали нам бездну школ, библиотек, музеев и кабинетов ученых редкостей? Нет, Сибирь по-прежнему пустынна и невежественна. А где же наши миллионы? Где наше золото, которое вырабатывалось кровавым потом нашего народа на рудниках и приисках? Эти миллионы пропиты, проиграны в карты, промотаны по ярмарочным шинкам, - вот где наши миллионы!»

Медленные темпы технического перевооружения отрасли в условиях выработки наиболее богатых россыпей привели к спаду производства на рубеже XIX – XX вв. За 10 лет добыча сократилась с 22 до 15 т. Разработка рудного золота и эксплуатация бедных россыпей требовали механизации, а следовательно – больших капиталовложений. Механизированная добыча и разработка рудного золота получили развитие в Томской губернии – Мариинской и Енисейской тайге, Ачинско-Минусинском горном округе. В

Иркутском округе интенсивная механизация развернулась на предприятиях Лензолото благодаря кредиту Госбанка, значительные капиталы были вложены в шахтную разработку золотых россыпей. Все это обеспечило выход золотопромышленности из кризиса.

В пореформенный период интенсивно развивалась черная металлургия. Рост потребности в черных металлах стимулировался развитием сельского хозяйства и промышленности, притоком населения, освоением Приамурья, оснащением морских портов в Приморье. Происходило техническое перевооружение старых заводов – Гурьевского (в Томской губернии), Николаевского (в Иркутской губернии), Петровского (в Забайкалье), было построено три новых – Абаканский (в Енисейской губернии), Яковлевский и Лучихинский (в Иркутской губернии). В Западной Сибири после закрытия в 1864 г. Томского железоделательного завода основным предприятием черной металлургии был Гурьевский завод. В 70-80-х гг. XIX в. он прошел процесс механизации и внедрения новых технологий. В частности, древесное топливо стало заменяться каменным углем, кричное производство железа – пудлингованием. Внедрялись паровые двигатели, стало развиваться собственное машиностроение. В те же годы осуществилось техническое перевооружение Николаевского и Петровского заводов – внедрение паровых машин, усовершенствование технологического процесса, мартеновское производство стали. Таким образом, заводы черной металлургии также переходили от мануфактурной стадии к фабричной, что способствовало росту объемов производства. Так, с 1869 г. по 1898 г. на Абаканском, Николаевском и Петровском заводах выплавка чугуна увеличилась почти в 3 раза. В целом по Сибири выплавка чугуна за 35 пореформенных лет увеличилась в 3,5 раза.

Строительство Сибирской железной дороги на первом этапе также стимулировало рост производства в черной металлургии. Так, Николаевский завод в 1894 г. принял крупный заказ на рельсы, рельсовые крепления и чугунные трубы. Однако, по мере ввода Транссиба в эксплуатацию облегчался доступ в Сибирь для продукции крупных предприятий Урала. Уступая им в технике производства, квалификации работников, не имея достаточных капиталовложений, металлургические заводы Сибири, не могли выдержать конкуренции. В самом конце XIX в. Николаевский и Лучихинский заводы закрылись, остались Петровский и Абаканский. В Западной Сибири до 1907 г. продолжал действовать Гурьевский завод, а затем был законсервирован.

Богатейшие месторождения **каменного угля** Сибири в дореформенное время, за редким исключением, не использовались – металлургические заводы работали на древесном топливе, железнодорожный транспорт отсутствовал, речной пароходный делал первые шаги. С 70-х годов XIX в. начала увеличиваться добыча угля в Кузнецком каменноугольном бассейне. В 1887 – 1891 гг. ежегодная добыча достигала от 708 тыс. до 1 млн. пуд. На этом этапе развития отрасли механизация еще отсутствовала – добыча

производилась вручную, подъем осуществлялся ручным и конным воротами. В 1875 г. имелась единственная 14-сильная паровая машина, приводившая в движение насосы водоотлива Александровской шахты Кольчугинского рудника. К 1890 г. появились 2 паровые машины общей мощностью 19 лошадиных сил. Рост добычи стимулировался внедрением каменного угля в производство на Гурьевском заводе. В Иркутской губернии в 50-х годах XIX в. каменный уголь использовался на Усольском солевом заводе. В дальнейшем велись пробные работы по добыче угля для Николаевского железоделательного завода возле с Черемхово. Так было положено начало разработке черемховских месторождений каменного угля, внимание к которым возросло в связи с проведением Сибирской железной дороги. В 1895 – 1896 гг. в окрестностях Черемхово были обнаружены богатейшие каменноугольные месторождения, промышленная разработка которых началась в 1899 г. В первые же годы добыча составило более 1 млн. пуд. По существу, ***каменноугольная отрасль промышленности сложилась в Сибири уже в первые годы XX в., когда начало эксплуатации Сибирской железной дороги обеспечило ей устойчивый спрос.***

Одной из старинных отраслей добывающей промышленности Сибири было солеварение. Оно продолжало развиваться в связи с постоянно возрастающим спросом на соль для бытовых и промысловых (засолка рыбы) нужд. Максимальная общая добыча самосадочной и выварочной соли в последние два десятилетия XIX в. достигала 2-3 млн. пуд.

Хотя горная и металлургическая промышленность составляла основу промышленного развития Сибири, она оставалась неустойчивой и значительно уступала по техническому уровню Уралу и центральным районам Европейской России. Как уже было отмечено ранее, в 70-80-х гг. XIX в. в этих отраслях намечались признаки промышленного переворота, перехода от мануфактурной стадии производства к фабричной. Об этом свидетельствовало внедрение паровых машин и локомотивов на более крупных по местным масштабам предприятиях (прииски золотопромышленных компаний, чугуноплавильные и железоделательные заводы). Решающий шаг в этом процессе был сделан на рубеже XIX – XX вв., так что этот период можно считать концом мануфактурной эпохи в Сибири. ***Но промышленный переворот затянулся надолго и завершился уже к 1930-м гг.***

Для Сибири была характерна неравномерность размещения промышленности и ее обусловленность расположением источников сырья и месторождений полезных ископаемых. Так, Западная Сибирь лидировала в развитии обрабатывающей промышленности (в связи с лучшим развитием сельского хозяйства), добыче и выплавке серебра, свинца, меди. В Восточной Сибири была лучше развита черная металлургия, тогда как Западная обеспечивалась металлом и металлическими изделиями в значительной степени за счет Урала по водному пути.

Что касается *обрабатывающей промышленности, то в ней были широко распространены ремесленное производство на заказ, мелкое товарное производство, предприятия мануфактурного типа*. Паровые двигатели встречались на винокуренных, кирпичных заводах и паровых мельницах - крупчатках. Причисление предприятий обрабатывающей промышленности к разряду фабрик и заводов еще не определяло их сущности. К такому разряду причисляли и предприятия мануфактурного типа, основанные на ручном труде. В пореформенный период обрабатывающая промышленность Сибири также переживало быстрый рост. Количество предприятий мануфактурного типа с 1860 до 1892 г. возросло более чем в 2 раза. Кроме того, имелось почти полторы тысячи мелких заведений. Стоимость продукции всех предприятий и объем производства за тот же период увеличились в 3 раза.

Крупнейшей по доходам отраслью было винокурение. В Сибири действовало 40 винокуренных заводов. В 1890-1891 гг. на них было перекурено 2,7 млн. пуд. хлебных запасов и 55 тыс. пуд. картофеля. Ежегодно выкуривалось более 1 млн. 100 тыс. ведер вина.

По основным районам Сибири обрабатывающая промышленность распределялась неравномерно. Больше половины их к концу XIX в. находилось в Западной Сибири.

Наряду с мануфактурным продолжало развиваться ремесленное производство. К концу 90-х годов XIX в. общее количество ремесленников в Сибири составляло свыше 100 тыс. Среди них были ремесленники-одиночки и хозяева мастерских, применявшие наемный труд. Последние имели тенденцию перерастать в мануфактуру. Домашняя промышленность трансформировалась в «кустарное производство», ориентировавшееся на рынок. Самыми развитыми кустарными промыслами были шерстобитно-пимокатное производство, смолокурение и сидка дегтя, изготовление деревянных изделий, телег и саней, сельскохозяйственных орудий, веревок, глиняной посуды и пр.

Таким образом, в Сибири существовали все стадии промышленного производства: домашняя промышленность, ремесло на заказ, кустарничество, мануфактуры и предприятия фабрично-заводского типа. Преобладало все же мануфактурное производство.

На темпы развития сибирской промышленности оказывали влияние неравные конкурентные условия по сравнению с центром страны. Поскольку для промышленной и торговой буржуазии центра развитие местной промышленности было невыгодно, система кредитования сибирских купцов была направлена к устранению конкуренции. Сибирские купцы получали кредит преимущественно товарами, а не деньгами. Таким образом, они становились скорее посредниками между сибирским и европейским рынками, чем самостоятельными предпринимателями, владевшими крупными капиталами как для торговых, так и для промышленных целей. Занятие торговлей они считали более выгодным делом, чем промышленное

предпринимательство. Промышленные предприятия занимали в доходах сибирских купцов второстепенное место по сравнению с торговлей. Исключение составляла золотопромышленность. Недостаток дешевого кредита и капиталов для развития местной промышленности отмечали в своих отчетах и сибирские чиновники.

На слабом развитии промышленности в Сибири также продолжала сказываться недостаточная заселенность и хозяйственная освоенность обширного края, приводившие к ограничению рынка сбыта промышленной продукции, а также удаленность от крупных промышленных и торговых центров при плохих путях сообщения.

3. Транспорт и торговля

Развитие торговли в Сибири в пореформенный период, во-первых, стимулировалось потребностью в рынках сбыта для развивающегося капитализма европейской России. Во-вторых, расширению товарного обращения, внутреннего рынка способствовали также развитие золотодобывающей промышленности, рост городского и торгово-промышленного населения, распространение отхожих неземледельческих промыслов.

При отсутствии железной дороги, плохих путях сообщения, удаленности многих районов от торгово-промышленных центров ведущую роль играли временные (периодические) формы торговли – ярмарочная, базарная, торжковая, а также развозная. В северных районах Сибири существовала наряду с товарно-денежной меновая форма торговли. Крупнейшей ярмаркой была Ирбитская. Кроме того, действовала целая сеть более мелких ярмарок, базаров и торжков. Число ярмарок за 30 пореформенных лет выросло почти в 4 раза, оборот составил 93 млн. руб. На Ирбитскую ярмарку в период ее расцвета съезжалось до 10 000 человек из Приуралья и Сибири. Максимального предела привоз товаров достиг в 1885 г. (на 69 млн. руб.), когда максимальной была и продажа (65 млн. 700 тыс. руб.). В дальнейшем привоз и продажа товаров начали падать. С доведением железной дороги до Тюмени и Златоуста часть товаров стала поступать в Сибирь и вывозиться из нее, минуя Ирбитскую ярмарку. Сказалось также развитие морской торговли через порты Тихого океана. В 1891 г. на Ирбитскую ярмарку было привезено товаров всего на 45 тыс. руб. и продано на 39 тыс. руб.

На первом месте по распространению ярмарочной торговли стояла самая населенная Тобольская губерния, за Тобольской следовали Томская, Енисейская (13), Иркутская (12), Якутская область (5) и Забайкалье (3). В Амурской и Приморской областях ярмарок не было. Торгово-экономическую роль сибирских городов можно охарактеризовать следующим образом. «Дверью» из Европейской России в Сибирь считалась **Тюмень**. Здесь начинался водный путь до Томска. Через Тюмень проходил и Московско-Сибирский тракт. От этого города в разные стороны направлялись по Туре,

Тоболу, Оби сухопутным путем товары, поступавшие из Европейской России. **Тобольск** как торговый центр к этому времени утратил свое значение. Торговые операции Тобольска ограничивались преимущественно примыкавшим к нему округом и северной частью Тобольской губернии. Видное место в ярмарочной торговле принадлежало **Ишиму**, где ежегодно происходили одна из главных ярмарок Сибири – Никольская, на которую прибывало до 2000 купцов, – и две ярмарки местного значения. Оживленным пунктом торговли продуктами земледелия и скотоводства был **Курган**, от которого начиналось судоходство и пароходство по Тоболу. Крупным складочным и товарораспределительным центром общесибирского значения был г. **Томск**. Туда поступали речным путем и размещались в складах большие партии товаров, прибывших через Тюмень из Европейской России. Одна часть этих товаров продавалась в Томске и Томской губернии, другая отправлялась по Московско-Сибирскому тракту дальше – в Восточную Сибирь, вплоть до Иркутска. Через Томск совершались операции главных фирм, торговавших в Сибири.

Главным торговым центром Степного Алтая был г. **Барнаул** – административный центр Алтайского горного округа с 1771 г. Здесь значительные размеры приняла торговля хлебом благодаря движению хлебных грузов с верховьев Оби, на которой стоит Барнаул. Также развивались мукомольное, пимокатное, овчинно-шубное, кожевенное производства. Барнаул славился овчинными шубами, окрашенными в черную невыцветающую краску (барнаулки), и "пимами" – белыми валенками. **Кузнецк** имел земледельческо-торговый характер. Местные купцы скупали хлеб, скот, пушнину, кедровый орех, воск, сало, мед у крестьян и продавали эти товары в Томск, Ирбит и на золотые прииски.

Торговая роль **Омска** возрастает уже после проведения Сибирской железной дороги. До этого он развивался как административно-военный центр – до 1882 г. был резиденцией Главного управления Западной Сибири, а затем – генерал-губернатора Степного края. В 1883 г. здесь торговало 116 купцов, но крупных торговых фирм не было. **Красноярск, Енисейск и Минусинск** являлись основными торговыми пунктами Енисейской губернии и базами снабжения золотых приисков.

Главным торговым, товарораспределительным центром Восточной Сибири еще со второй половины XVIII в. стал **Иркутск**. Половина товаров, доставленных в Иркутск, отправлялась затем в Забайкалье и Приленский край. Ежегодно в Иркутске происходила оживленная ярмарка. Через Иркутскую таможенную пошлину проходили товары, отправленные в Китай и Монголию и поступавшие из этих стран. В торговле на Северо-Востоке Сибири центральное место принадлежало **Якутску**. В Забайкалье основные торговые операции концентрировались в **Верхнеудинске**, Троицкосавске с торговой слободой **Кяхтой**, **Чите** и **Нерчинске**. Верхнеудинская ярмарка была регулятором цен для всего Забайкалья.

Возрастала торговая роль новых городов на дальневосточных окраинах России: **Владивостока, Хабаровска, Благовещенска**. За 15 лет (1887-1902 гг.) население городов Амурской и Приморской областей увеличилось более чем втрое, число зданий - также втрое, число прибывших торговых судов - в пять раз. Во Владивостокский морской порт ежегодно приходило до 400 русских и иностранных судов. Небольшими торговыми пунктами местного значения были города Ялуторовск, Мариинск, Каинск, Ачинск, Канск, Нижнеудинск, Балаганск, Верхолениск, Киренск.

Характерными чертами сибирской торговли были слабое развитие товарно-денежных отношений и недостаток капиталов в сочетании с неразвитостью системы кредита. При узости внутреннего рынка средством реализации промышленных товаров являлся долгосрочный кредит, который значительно повышал цену товара для его потребителя. Для развития рынка и его стабилизации был необходим денежный кредит, но сеть кредитных учреждений в Сибири была неразвита. В конце 70-х-начале 80-х годов в Западной Сибири было 11 банков. В Иркутске крупнейшим был Медведниковский банк, который выдавал ссуды предпочтительно иркутским купцам, мещанам и цеховым из 6% годовых. Банк принимал в учет векселя иркутских купцов, мещан, цеховых, а также иногородних купцов, имевших торговлю и постоянное жительство в Иркутске, брал в залог каменные дома, фабрики и заводы, участки в купеческих и мещанских гостиных дворах и базарах. В Томске действовали Общественный банк, отделения Государственного и Сибирского торговых банков. В Тобольске Общественный банк открылся в 1868 г. Некоторые губернские центры Сибири (Красноярск и др.) вообще не имели своих банков.

Кредитные учреждения Сибири в какой-то мере удовлетворяли запросы верхушки городского купечества, а в деревнях и селах по-прежнему главным кредитором оставался ростовщик. Ссудо-сберегательные кассы, рассчитанные на мелкий крестьянский кредит в Сибири, росли также медленно ввиду недостатка емких рынков сбыта для сибирских товаров и отсталости путей сообщения.

При громадности сибирских просторов решающим условием для развития промышленности и торговли являлось **состояние путей сообщения**. До начала строительства железной дороги основным видом транспорта был гужевой. Через Сибирь проходило 37 гужевых трактов. Крупнейший – Московский (Московско-Сибирский) связывал города Тюмень, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Читу, конечным пунктом была Кяхта. По нему шел основной грузопоток товаров внутренней и внешней торговли, пассажирское движение. С 1887 по 1891 г. торговое движение по Иркутскому участку тракта выросло в 5 раз. О масштабах грузооборота свидетельствуют следующие цифры. Из Томска по Иркутскому тракту ежегодно проходило 1,6 – 1,7 млн пуд. товаров. Обратно из Восточной Сибири, по данным Томской городской управы, шло ежегодно более 1 млн пуд. груза, в 1885 г. через Томск прошло 2 млн., а в 1891 г. – 3 млн пуд. В

1890-е гг. ежегодно в Томскую губернию прибывало 1,5 млн пуд. товаров, а сама она отпускала в Европейскую Россию и на Урал от 6 до 9 млн пуд. сырья. Скорость движения грузов была небольшой.

Постоянно росший грузооборот служил мощным стимулом для развития в Сибири извозного промысла, которым занималось около 100 тыс. чел. Извозный промысел, в свою очередь, вызвал в притрактовых городах и селах развитие кузнечного, шорного, санного, бондарного и других ремесел. Он давал заработок местным жителям, отрывал крестьян от земледелия, вовлекая их в товарно-денежные отношения и расширяя внутренний рынок на сельскохозяйственные продукты. Почти пятая часть населения Сибири и седьмая часть населения Забайкалья была занята в «транспортной промышленности». Например, в Енисейской губернии в 1890 – 1891 гг. насчитывалось около 7000 хозяйств, занимавшихся извозом и дворничеством (содержанием постоянных дворов). Постепенно все транспортные операции – перевозка пассажиров, извоз (перевозку кладей) и дворничество – сосредоточились в руках зажиточных притрактовых крестьян и крупных транспортных фирм (Кухтерина, Пушкикова, Королева, Корнилова и др.). При этом сам тракт находился в плохом состоянии. «В продолжение всего года, - писал А. П. Чехов, проехавший по тракту, - дорога остается невозможной: весною - грязь, летом - кочки, ямы и ремонт, зимою – ухабы». Поэтому скорость движения была небольшой – в сутки обоз шел 45 – 55 верст, а при плохой дороге – 30-35 верст, находясь в пути соответственно 30-35 или 40-45 дней. Поэтому закупка товаров производилась преимущественно летом, и летом же сибирские купцы стремились успеть доставить грузы от Урала до Томска водным путем – пароходами. Здесь они оставались до зимы в ожидании санного пути, по которому грузы следовали дальше на Восток. Именно зимой по тракту перемещалось наибольшее количество грузов. Наибольшее количество гужевых перевозок приходилось на отрезок от Томска до Иркутска. При этом внутренние гужевые пути в Сибири были совершенно неразвиты, что удорожало транспортировку товаров, цена доставки которых нередко превышала стоимость их изготовления. Золото, пушнина, чай, мануфактура выдерживали тяжесть и дороговизну перевозки по Сибири. Транспортировка хлеба, кожи, сала и других продуктов сельского хозяйства оказывалась нерентабельной.

С ростом торгового и пассажирского движения в Сибири все большее значение приобретал водный транспорт. Летом он значительно удешевлял доставку товаров по сравнению с колесным трактом. С него началась механизация сибирских перевозок. Собственно, ***промышленный переворот в сибирском варианте начался с водного транспорта.*** Первый пароход совершил рейс между Тюменью и Томском в 1844 г. С 1860 по 1891 г. число пароходов Западносибирского речного флота увеличилось в 6 раз, а мощность их - в 4.5 раза. В 1896 г. на всех реках Сибири насчитывалось 172 парохода мощностью и 827 грузовых судов. Объем перевозок за 30 лет вырос с 15 тыс. т до 320 тыс. т. Однако, развитие речного флота, резко отставало от

экономических потребностей Сибири. На 8000 верст водных путей Западной Сибири в 1891 г. приходилось всего 73 парохода, в том числе только 32 парохода могли совершать дальние рейсы по основным магистралям, имелось 200-250 барж общей грузоподъемностью 1,2-1,5 млн пуд. На всю громадную речную сеть Западной Сибири приходилось всего 3 инженера, не имевших в своем распоряжении ни пароходов, ни денег, ни лошадей, ни лоцманов, чтобы изучить фарватеры рек. В Восточной Сибири курсировало по Енисею 25 пароходов, по Лене – 27, по Байкалу – 15. Развитие пароходства способствовало росту промышленного рыболовства.

Неразвитые пути сообщения в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XIX в. пришли в несоответствие с потребностями развития российской и сибирской экономики. Кроме того, отсутствие прочной связи Европейской России с дальневосточными странами встало в резкое противоречие с новыми тенденциями в мировой политике, характеризующейся перемещением ее центра в бассейн Тихого океана. Развитие международных отношений на Дальнем Востоке не раз на протяжении XIX в. остро ставило вопрос о коренном улучшении стратегических сообщений. В строительстве Сибирской магистрали и развитии переселенческого движения на восток уже со второй половины XIX в. сосредоточилось решение многих проблем развития внутренней экономической и внешней политики России в Сибири и на Дальнем Востоке. Открытие Транссиба стало крупнейшим событием в истории Сибири на рубеже XIX – XX вв., поэтому на его строительстве следует остановиться более подробно.

Уже в начале царствования Александра II идея строительства железной дороги через азиатские владения России переходит на стадию разработки проектов. Инициатива принадлежала одному из самых известных сибирских администраторов – генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому, благодаря которому в 1858 г. царю был представлен проект постройки железной дороги от Волги до Амура. Однако политическая обстановка и экономическое положение страны после Крымской войны не благоприятствовали его принятию – он был непосильным бременем для государственной казны. До середины 1870-х гг. еще ряд проектов строительства железных дорог в Сибири был разработан русскими и иностранными инженерами, но все они не нашли поддержки у правительства. Их обсуждение не выходило за пределы специальной литературы и ученых обществ. Только в 1875 г. вопрос о постройке железной дороги в Сибирь, но не далее Тюмени, стал обсуждаться в Кабинете Министров. Эта дорога Екатеринбург – Тюмень была построена на средства казны в 1883 – 1885 г. Даже в таком урезанном виде, соединив Обь-Иртышский бассейн с Волго-Камским, она существенно ускорила темпы перевооружения промышленности Западной Сибири увеличила объема перевозок через Урал.

Следующий практический шаг в направлении сооружения магистрали был предпринят императором Александром III в 1886 г., когда он, опираясь на мнение А. Н. Корфа о значении железной дороги для дальневосточных

областей, приказал «представить соображения» по поводу подготовки к ее строительству. К обсуждению вопроса были привлечены министерства путей сообщений, военное, финансовое, морское, внутренних дел, земледелия и государственного имущества, императорского двора. 6 июня 1887 г. считается датой принятия правительственного решения о необходимости сооружения сибирской дороги. Сначала предполагалось, что она будет не сплошной, а смешанной, водно-железнодорожной. Под руководством инженеров Н. П. Меженинова, О. П. Вяземского, А. И. Урсати организованы три экспедиции для изыскания трассы Среднесибирской, Забайкальской и Южно-Уссурийской железных дорог. ***В феврале 1891 г. вышел указ уже о строительстве «сплошной через всю Сибирь железной дороги» от Челябинска до Владивостока.*** Причем, Комитет министров признал возможным начать работы по ее сооружению одновременно с двух сторон – от Челябинска и Владивостока. Магистраль делилась на семь дорог (участков): Западно-Сибирскую, Средне-Сибирскую, Кругобайкальскую, Забайкальскую, Амурскую, Северо-Уссурийскую и Южно-Уссурийскую. Позднее появилась Китайско-Восточная железная дорога.

Для координации разносторонней деятельности, связанной со строительством, в начале 1891 г. был создан Комитет по сооружению Сибирской железной дороги (КСЖД), который вынес еще два принципиально важных решения:

- «Сибирская железная дорога, это великое народное дело, должна осуществляться русскими людьми и из русских материалов» (это означало, что никакие иностранные компании к финансированию и поставкам не допускаются);
- принимаются облегченные технические условия строительства магистрали. Так, согласно рекомендациям Комитета, была уменьшена ширина земляного полотна в насыпях, выемках и на горных участках, а также толщина балластного слоя; укладывались облегченные рельсы и укороченные шпалы, сокращалось количество шпал на 1 км пути и т. д. Капитальными должны были возводиться только большие железнодорожные мосты, а средние и малые – деревянными. Расстояние между станциями допускалось до 50 верст, путевые здания строились на деревянных столбах.

О важности закладки Уссурийского участка свидетельствует рескрипт Александра III на имя наследника российского престола цесаревича Николая Александровича, обязывавший его лично присутствовать при этом событии. *«Повелеваю ныне приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей целью соединить обильные дары природы сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений. Я поручаю Вам объявить таковую волю мою, по вступлении вновь на русскую землю, после обозрения иноземных стран Востока. Вместе с тем возлагаю на Вас совершение во Владивостоке закладки разрешенного к сооружению, за счет казны и непосредственным распоряжением правительства, Уссурийского*

участка Великого Сибирского рельсового пути». 19 мая (31 мая по новому стилю) 1891 года в 10 часов утра в районе Куперовской Пади в двух с половиной верстах от Владивостока был совершен молебен и церемония торжественной закладки дороги, первого камня железнодорожного вокзала и памятной серебряной пластины. Но первые километры рельсов были проложены несколько раньше – чтобы Николай добрался до места торжественной закладки. Так началось строительство на Уссурийской линии от Владивостока до Хабаровска. На западном участке строительные работы начались еще раньше – с 20 февраля (4 марта) 1891 г. сооружением ветки Миасс – Челябинск протяженностью 97 верст (103 км), которая непосредственно к Транссибирской магистрали не относилась.

Вскоре после назначения на пост министра финансов С.Ю. Витте было решено целиком финансировать строительство за счет казны и форсировать его темпы. Предварительная стоимость была определена в 350 млн. руб. золотом, или 44 тыс. руб. на километр. В ноябре 1892 г. правительство выделило на все работы 170 млн. руб. Как известно, для Витте железнодорожное строительство было одной из ключевых задач экономической политики, а сооружение Транссиба он считал настолько важным, что даже допускал возможность его финансирования за счёт эмиссии так называемых «сибирских» рублей. Но более опытные финансисты отговорили его от этого шага.

Регулярное движение на Западно-Сибирском участке (от Челябинска до р. Обь) началось в октябре 1896 г., на Средне-Сибирском (от Оби до Иркутска) – с января 1899, на участке от Иркутска до западного берега Байкала – в 1901 г. Из-за сложности рельефа, дальности подвоза и других причин каждый километр дороги на последнем участке обошелся в 90 тыс. руб., т.е. в два раза дороже расчетной стоимости. Между западным и восточным берегами Байкала была установлена паромная переправа. Дальше шел Забайкальский участок дороги – через Верхнеудинск на Сретенск, после которого предполагалось строить Амурскую ветку. Но при геологических изысканиях на участке от Сретенска до Хабаровска были выявлены серьезные технические трудности. К тому же дорога должна была пройти по широкой дуге, повторяя изгиб русла Амура и русско-китайской границы, что значительно увеличивало ее протяженность. Поэтому в феврале 1895 г. Витте подал в МИД записку, в которой указывал на неудобства этого участка Сибирской железной дороги и предлагал провести новую железную дорогу по территории Китая. Очевидно, что при этом он учитывал не только сложность условий, суровость климата, но, главное – обстоятельства борьбы России с Японией за влияние в Манчжурии и Корее, в частности за Порт-Артур и Дальний. Во всеподданнейшем докладе от 30 октября 1895 г. Витте развивал идею о прокладке дороги через всю Маньчжурию по направлению к Владивостоку. Даже по приблизительным подсчетам длина пути в этом случае сокращалась почти на 400 верст. Министру финансов удалось

склонить Николая II к поддержке проекта Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

27 августа (8 сентября) 1896 г. контракт о железной дороге был подписан. Приобретение Россией арендных прав на Ляодунский полуостров предопределило решение об изменении маршрута в сторону Порт-Артура и Дальнего. Согласно проекту, магистраль должна была проходить от Сретенска до Харбина, где разделялась на две ветки: одну по направлению к Порт-Артуру, вторую – до станции Пограничный на соединение с Уссурийской веткой. ***КВЖД выпрямила Сибирскую магистраль, сократив ее длину на 514 верст.*** Сооружение КВЖД протяженностью почти 1300 верст было в основном завершено к лету 1900 г., но в ходе начавшегося в это время в Китае восстания ихэтуаней («желтых повязок»), 80 % дороги было захвачено и уничтожено. После восстановления разрушенного 1 июля 1903 г. на КВЖД открылось регулярное пассажирское и товарное движение. Хотя смычка рельсового пути КВЖД с основным полотном Сибирской железной дороги произошла еще 21 октября 1901 г., все же ***датой окончания строительства правомерно считать 1903 г.*** До этого рельсовый путь еще не был сплошным и непрерывным, позволявшим организовать сквозное движение поездов, так как не были готовы важнейшие мосты, достраивавшиеся в течение 1902 г., еще строился трехкилометровый Хинганский тоннель, заверченный в 1903 г. При этом некоторые сооружения были достроены еще позже – Круго-Байкальская дорога (временное движение с 18 сентября 1904 г., регулярное – с октября 1905 г.), мост через Амур (5 октября 1916 г.).

Популярное мнение о том, что Транссиб был построен за 10 лет не имеет под собой фактических оснований. Но даже будучи построенной за 12, а не за 10 лет, по быстроте сооружения, по протяженности, по непомерным трудностям строительства и объемам выполненных работ Великая Сибирская железная дорога не знала себе равных в мире. Она превзошла рекорд по протяженности и скорости строительства, принадлежавший до этого Канадской железной дороге. Несмотря на то, что почти все работы производились вручную, за 14 лет (1891 – 1904) было построено 8180 верст основного пути, ежегодно прокладывалось около 500 - 600 км. Такой масштаб и темпы работ стали возможны, прежде всего, потому, что строительство организовывалось и финансировалось государством, которое имело возможность оперативно мобилизовать и перераспределять рабочую силу. В период максимального размаха строительства на объектах Транссиба было одновременно занято до 83 тысяч штатных рабочих и около 6 тысяч инженерно-технических работников, а с учетом временных рабочих – более 100 тысяч человек. Казна щедро финансировала проект. Согласно официальным данным, к 1903 г. на Сибирскую железную дорогу было истрачено около 540 млн. руб., КВЖД обошлась еще примерно в 400 млн. руб. Таким образом, суммарные затраты (около 1 млрд. золотых

рублей) более чем в два с половиной раза превзошли расчетные. А в будущем дорога потребовала дополнительных вложений.

Ввод в эксплуатацию Транссибирской железной дороги стал важнейшим рубежом в социально-экономическом развитии Сибири, более значительным, чем отмена крепостного права. Вместе с тем, ее влияние неправомерно рассматривать исключительно как позитивное. С одной стороны, открытие магистрали обеспечило сравнительно дешевую и надежную доставку оборудования, значительно облегчив перевооружение промышленности и ускорив промышленный переворот. К 1908 г. фабрики составляли 55,5% общего числа предприятий Сибири, давали 90% производства, занимали 78,2% рабочих. Железнодорожные перевозки стали стимулом и для развития сельского хозяйства, удешевив и упростив вывоз сибирского зерна, а в последствии – масла. С 1895 по 1900 гг. объем перевозок хлеба по Сибирской железной дороге вырос в 30 раз (с 603 тыс. пуд. до 18 млн.145 тыс. пуд.). Благодаря низкой себестоимости сибирское зерно было на 25 – 30 % дешевле того, которое поставлялось на рынок помещиками европейской России и смогло составить ему конкуренцию. Стремясь защитить доходы дворянства от продажи хлеба, правительство даже ввело повышенный тариф на железнодорожные перевозки – так называемый «челябинский тарифный перелом». Он действовал в 1896 – 1911 гг. и повышал стоимость сибирского зерна на 30 %, доводя ее до уровня поволжского.

Заметный позитивный эффект Транссиба в виде роста грузопотока из Сибири в метрополию проявился также в развитии угольной промышленности. Кроме того, сама железная дорога стала крупнейшим потребителем угля в качестве топлива. Не случайно первые крупные предприятия по промышленной добыче угля в Кузбассе – Анжерские и Судженские копи – возникают непосредственно поблизости от магистрали в 1897 – 1898 гг. с началом эксплуатации западносибирского участка. Основным источником их прибылей стала поставка угля для железной дороги. Строительство и эксплуатация железной дороги способствовали росту и других сырьевых отраслей – например, лесозаготовок и лесных промыслов.

Влияние магистрали на развитие металлургической промышленности оказалось не столь однозначным. Металлургические заводы первоначально увеличили производство до исторического максимума, выполняя заказы железной дороги. Затем они не выдержали конкуренции с качественным и дешевым уральским металлом и зачахли. Лучший в отрасли Николаевский завод стал жертвой краха промышленной империи Мамонтова в 1899 г., в состав которой он был включен. С 1908 г. прекращена была работа Гурьевского завода.

Железная дорога не составила конкуренции водному транспорту, который в основном тянулся в меридианном направлении. Водные и железнодорожные пути росли синхронно. А вот масштабы извозного

промысла на Московско-Сибирском тракте значительно сократились. Гужевые перевозки сохранили свое значение на внутрисибирских трактах и стали играть вспомогательную роль по обслуживанию железной дороги.

Влияние строительства Транссиба сказалось также на развитии геологических исследований Сибири. Сплошные изыскания производились по всей стокилометровой полосе, прилегающей к дороге. Издание этих материалов с 1897 по 1899 г. составило 32 тома.

При всем этом сибирские патриоты – сторонники областничества – оценивали значение железной дороги для развития Сибири скорее негативно. Они подчеркивали, что Транссиб усилил колониальный характер сибирской экономики, еще более обусловив ее развитие притоком капиталов, рабочей силы, техники и технологий из метрополии. *С другой стороны, облегчив доступ к природным богатствам региона, железная дорога еще резче обозначила сырьевую ориентацию сибирской промышленности, в то время как более дешевые и качественные потребительские товары из европейской России вытеснили с рынка Сибири продукцию местной обрабатывающей промышленности.*

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Как повлияла отмена крепостного права на развитие экономики Сибири?
2. Как изменилось отношение российского государства к процессу переселения крестьян в Сибирь?
3. Как влиял возрастающий масштаб переселения на развитие хозяйства Сибири?
4. Какие факты подтверждают вступление золотопромышленности Сибири в промышленный переворот?
5. Какие процессы влияли на развитие черной металлургии и угольной промышленности?
6. Какие особенности были характерны для обрабатывающей промышленности, какие стадии производства в ней существовали?
7. В чем выразилась специфика развития сибирской торговли? Какие города были центрами региональной торговли?
8. Как и почему было принято решение о строительстве Сибирской железной дороги? Какими особенностями отличалось строительство?
9. В какие сроки было завершено строительство Транссиба? Какие факторы способствовали ускорению сроков?
10. Определите факторы, задерживавшие начало промышленного переворота в Сибири.
11. Опираясь на знания соответствующего периода истории России, определите, в чем состояла специфика промышленного развития Сибири.
12. Сравните влияние двух факторов на развитие Сибири в XIX в.: отмены крепостного права и строительства Транссибирской железной дороги.

Тема 2. Административная политика и управление Сибирью во второй половине XIX – начале XX вв.

- 1. Организационная структура управления Сибирью и ее специфика**
- 2. Изменение административно-территориального деления**
- 3. Влияние либеральных реформ 1860-1870-х гг.**
- 4. Государственная политика в отношении сибирской ссылки**

1. Организационная структура управления Сибирью и ее специфика

Первая четверть XIX в. была отмечена выработкой модели управления Сибирью, которая максимально учитывала бы специфические условия региона. Эта *модель, предложенная М.М Сперанским, продолжала определять административно-управленческую практику и в последующий период.*

Административно-территориальная организация Сибири выделялась целым рядом специфических черт:

- ✓ территории губерний, округов (уездов) и волостей значительно превосходили аналогичные административные единицы европейской части России;
- ✓ административные границы и административное деление оказывали определяющее влияние на формирование хозяйственных районов, по сравнению с чисто экономическими факторами;
- ✓ города как центры, контролирующие административную территорию, играли слабую роль и были значительно удалены друг от друга, следствием чего была определенная автономность сельской местности, рассредоточенность административных функций;
- ✓ при неразвитости коммуникаций и ограниченности торговых отношений местные органы управления и самоуправления действовали автономно, не опираясь на соответствующую правовую базу;
- ✓ удаленность региона от центра страны и высших органов власти предопределяла слабость его централизованной управляемости;
- ✓ властные структуры губернского уровня противостояли генерал-губернаторам, стремясь к большей самостоятельности и опираясь на поддержку министерств;
- ✓ управление отдельными территориями было более милитаризовано, их административно-территориальное устройство зависело от военно-политических задач, таких как комплектование и содержание вооруженных сил, охрана государственных границ, перспективы имперской экспансии.

Осложняло задачи управления то, что в Сибири, как и в целом в России, помимо общего административного деления существовали специальные ведомственные территориальные образования, границы которых могли не совпадать с границами губерний, областей, генерал-губернаторств.

Во второй половине столетия по-прежнему не существовало единого подхода к формированию административно-территориальной организации, как по отношению ко всей Российской империи в целом, так и по отношению к ее азиатской части. В то же время, был накоплен определенный опыт имперского строительства, который позволял поддерживать территориальную целостность страны и не допускать серьезных осложнений в региональном управлении. Сибирская административно-территориальная модель, выработанная в предыдущую эпоху, была более гибкой, чем таковая же в европейской части страны. *Кроме обычной административной триады (губерния — уезд — волость) в Сибири существовали генерал-губернаторства и области. На областном и окружном уровнях управления предусматривался полный и сокращенный набор государственных учреждений.* Он определялся не только размером территории, численностью и плотностью населения, но и степенью экономического развития района, его географическим положением.

Административная структура, утвержденная Сибирским положением 1822 г, продолжала действовать до середины 1880-х гг. Высшая административная и верховная контрольная власть сосредоточивалась в руках сибирских *генерал-губернаторов*. Они назначались и смещались высочайшими именными указами, были, как правило, лично известны императору и облечены его доверием. Им были подчинены все сибирские губернские учреждения за незначительным исключением. Генерал-губернатор имел право следить за деятельностью любого подведомственного ему учреждения. Он мог дополнять и отменять решения губернаторов, требовать отчетов о работе от губернаторов, глав и других местных органов. Генерал-губернатор имел право назначать, увольнять и перемещать чиновников, представлять их к наградам. В круг его действий входило решение пограничных и внешнеполитических вопросов (в определенных пределах). Столь же необъятными были и обязанности генерал-губернатора. Он отвечал за быстрое и законное производство дел в подчиненных инстанциях, проводил ревизии, наблюдал за деятельностью горного и учебных ведомств, управлением казаками, за обеспечением населения продовольствием, в его функции входило «пресечение разорительной роскоши» и «наблюдение за состоянием умов». Обширные полномочия, полное правовое отсутствие разграничения функций между генерал-губернатором и губернаторами создавали возможность для превращения генерал-губернатора либо в номинальную фигуру, либо в единоличного хозяина обширного края. Все зависело от его собственных позиции, от

отношений с центральными властями, главным образом с монархом и членами императорской фамилии, их доверия и поддержки.

Ключевой фигурой в системе управления в Сибири, как и во всей России, в XIX в. являлся **губернатор** — высшее должностное лицо местного управления. Он контролировал все расположенные в губернии государственные органы. Даже суд до 1880-х гг. был в значительной мере подчинен сибирским губернаторам. Также ревизия местных финансовых органов — казенных палат, губернских и уездных казначейств, акцизных управлений — согласно закону 1866 предписывалась губернатору. Но в то же время губернатор считался лишь чиновником Министерства внутренних дел (МВД), хотя и высокопоставленным, и местные органы других министерств ему не подчинялись. Оставались неопределенными границы власти губернаторов и генерал-губернаторов. Непосредственно губернаторам подчинялись окружные начальники и главы полиции (земские исправники в округах, городничие или полицмейстеры в городах). Губернаторы решали наиболее важные вопросы управления и надзора. От них фактически зависело назначение и увольнение большинства чиновников в губернии и представление их к наградам. Положения об обязанностях глав отдельных губерний (особенно Томской) и пограничных областей в этот период имели свои особенности.

Помимо губерний в Сибири существовали области, где действовал упрощенный порядок управления и сокращенный административный аппарат. Так, областное правление имело меньший штат по сравнению с губернским: вместо председателя старший советник, меньше советников и отделений. В пограничных областях управление было в значительной степени милитаризовано, и административная структура имела свои особенности. Так, в Области сибирских киргизов и Семипалатинской области правление объединяло функции губернского правления, казенной палаты и губернского суда в соответствующих отделениях. В Амурской и Приморской (до 1866) областях функции областных правлений исполняли канцелярии военных губернаторов.

Следующей административно-территориальной единицей был округ. Окружные управления, в зависимости от количества населения, делились на многолюдные, средние и малолюдные. До 1867 г. во главе многолюдных округов находились окружные советы и окружной начальник. Административно-полицейские функции во всех округах выполняли земские суды, руководимые земскими исправниками. Земский суд был только полицейским, а вовсе не судебным органом. Но обязанности полиции были обширными, на нее возлагалось множество функций. Округ делился на участки, которыми управляли земские заседатели. Они наблюдали за волостными и сельскими управлениями, исполняли полицейские функции. На практике земские исправники и заседатели земского суда в основном занимались следствием по уголовным делам, находились в постоянных разъездах по обширной территории сибирских округов, а обычные

административные дела фактически вели секретари земских судов. В то время как на губернском и областном уровнях количество административных учреждений росло, увеличивалось население, окружное управление оставалось неизменным до 1880-х гг. Тогда были введены должности особых чиновников по крестьянским делам, по переселенческим делам и т. д. В 1890-х гг. земских заседателей сменили приставы.

Управление на уровне волости – низшей территориальной единицы – осуществляли выборные лица, представители крестьянства. Крестьянское самоуправление составляли волостной староста (голова), волостное правление и волостной суд (в его компетенции были маловажные дела). Должностных лиц волостного самоуправления крестьяне выбирали на трехлетний срок, но не напрямую, а через поверенных – по одному человеку от ста душ. Чрезвычайно важна была при этом роль волостного писаря – он состоял на «коронной» службе и таким образом соединял деятельность государственного аппарата и органов крестьянского самоуправления. Формализм, некомпетентность в губернских учреждениях, недостаток средств, медленное делопроизводство и низкие профессиональные качества чиновников приводили к тому, что окружные и волостные управления оказывались фактически без надзора.

В Сибири, как и во всей России, существовали местные органы ряда министерств. МВД на губернском уровне представляли губернатор, губернское правление и состоявшие при нем учреждения, на окружном – окружной начальник (в многолюдных округах), земский исправник и земский суд. Местными органами Министерства финансов были казенные палаты и окружные казначейства, а с 1862 еще и акцизные управления. Ревизию казначейств, касс, всех финансовых служб осуществляли местные органы государственного контроля — контрольной палаты. Губернский и окружной суды, губернский (областной) прокуроры, губернский и окружной стряпчие представляли Министерство юстиции.

Огромная роль в управлении отводилась жандармам. Они не имели права принимать решения, обязательные для исполнения, но являлись для верховной власти орудием негласного контроля над положением дел в регионах и официальными представителями власти. В 1833 был создан VII (с 1837 — VIII) Сибирский жандармский округ (с центром в Тобольске, с 1839 — в Омске), в него входила вся Сибирь и Пермская губерния. Жандармские губернские штаб-офицеры неоднократно выявляли случаи вопиющих злоупотреблений, в их рапортах содержались нелицеприятные сведения о многих сибирских чиновниках, в том числе высокопоставленных.

Управленческая модель, созданная Сперанским и закрепленная в «Сибирском учреждении», не могла оставаться неизменной, тем более, что с годами в ней выявился целый ряд противоречий. Так, организация местного управления плохо согласовывалась с системой министерств. Существование больших региональных административно-территориальных образований в виде генерал-губернаторств противоречило отраслевому принципу

формирования расходной части бюджета и вертикальной иерархии ведомственных учреждений. Но сохранение генерал-губернаторств было оправдано в условиях отсутствия надежных и эффективных связей с центром, а также отвечало важной потребности складывания экономических районов, выходящих за узкие губернские рамки. **Но в законодательстве не содержалось четкого разграничения министерских и генерал-губернаторских полномочий что создавало юридическую неопределенность положения генерал-губернаторов в бюрократической иерархии приводило к серьезным управленческим проблемам.**

Еще одним источником противоречий, заложенных у «Учреждении» Сперанского стало создание советов – органов коллегиального типа на разных территориальных уровнях. По мысли законодателя, они должны были стать противовесом усиливавшейся генерал-губернаторской и губернаторской власти. Но, поскольку советы состояли не из представителей сибирской общественности, а из тех же подчиненных губернатору чиновников разных ведомств, они не смогли занять своего определенного места в системе местной власти и стать ограничением бюрократического произвола. При этом, губернаторы и генерал-губернаторы рассматривали коллегиальные советы как лишнюю инстанцию, досадное препятствие для принятия оперативных единоличных решений. Они ставили ликвидацию этих учреждений одной из своих основных целей при пересмотре «Сибирского учреждения». В конечном итоге имперское правительство в 1882 г. уступило усилиям сибирских губернаторов и генерал-губернаторов по ликвидации коллегиальных советов. Таким образом, хотя «Сибирское учреждение» внешне казалось неизменным и сохраняло свой особый правовой статус в рамках «Свода законов Российской империи» вплоть до 1917 г., постепенно произошла его внутренняя подмена. Со временем из «Сибирского учреждения» были удалены наиболее важные положения и институты, которые составляли специфику сибирского управления. [11; С. 116 – 121].

Основным направлением в ревизии системы Сперанского стало стремление усилить значение генерал-губернаторской и губернаторской власти. Наибольшую и заинтересованность в этом процессе проявляла местная сибирская администрация, прежде всего в лице генерал-губернаторов. И, хотя имперский центр, со своей стороны, не поддерживал идеи повышения самостоятельности сибирских генерал-губернаторов, на практике генерал-губернаторская власть подменяла и министерства, и губернаторов.

2. Изменение административно-территориального деления

В первую очередь, многократному перекраиванию подверглось само территориально-административное деление, явно наметилась тенденция к административному дроблению пространства. Само название «Сибирь» постепенно исчезает с административной карты, в обращение вводится

понятие «Азиатская Россия». Вместо двух генерал-губернаторств (Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского) появились четыре новых – Иркутское и Приамурское, Степное и Туркестанское генерал-губернаторства. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было упразднено в 1882 г. При этом Тобольская и Томская губернии переданы в непосредственное ведение министерств, а Омск стал административным центром нового Степного генерал-губернаторства. В том же году было создано Приамурское генерал-губернаторство с передачей ему из состава Восточно-Сибирского Забайкальской, Амурской и Приморской областей. В 1887 генерал-губернаторство Восточной Сибири переименовано в Иркутское. Менялись границы и географический состав областей. В 1838 вместо Омского областного правления создано Пограничное управление сибирскими киргизами (так называли казахов), в 1854 оно ликвидировано, образованы 2 области – Семипалатинская и Сибирских киргизов. В 1849 Охотское приморское управление было упразднено в связи с переводом главного тихоокеанского порта из Охотска в Петропавловск, а весь Охотский округ включен в состав Якутской области. В 1851 Якутская область получила самостоятельность и собственного губернатора. В том же году образованы Забайкальская и Камчатская области, выделившиеся из Иркутской губернии, а также Кяхтинское градоначальство (упразднено в 1862).

Айгунский договор (1858) и Пекинский трактат (1860) с Китаем закрепили за Российской империей Восточных Казахстан, Приамурье и Приморье. В 1856 г. была образована Приморская область Восточной Сибири с центром в Николаевске-на-Амуре (с 1871 во Владивостоке) а Камчатская область ликвидирована. А в 1858 г. на территории Приамурского края созданы 2 области: Приморская и Амурская. В Приморскую вошли Николаевская, Софийская и Охотская округа, в Амурскую — Амурский округ, Амурское казачье войско и особый горно-полицейский округ, в который вошли все золотые прииски. В 1860 в соответствии с Пекинским договором к Приморской области был присоединен Уссурийский край, после чего в ее составе образуется Южно-Уссурийский округ (11, С. 111 – 115).

Однако, несмотря на многочисленные изменения состава и границ территориальных образований, Сибирь сохранила свою принципиальную специфику, состоящую в гибкости и вариативности территориально-административного устройства. Помимо традиционных для России губерний и округов, на административной карте Сибири сохранились и генерал-губернаторства, и области. Хотя общим управленческим курсом начиная с XVIII в. стала административная унификация, на практике самодержавие вынуждено было считаться с разнообразными экономико-географическими, этническими и политическими условиями страны. Создать унифицированную административную систему с одинаковыми

территориальными единицами на таком обширном пространстве было невозможно.

Важным событием в истории сибирского управления стало *создание в 1852 II Сибирского комитета*, поводом к чему послужила ревизия Н.Н. Анненкова. На Комитет возлагались задачи объединения усилий всех ведомств, координации действий центральной и местной администрации, выработки комплексные программы развития региона. Компетенция Комитета охватывала всю Сибирь до Тихого океана, Русскую Америку, Приамурский и Степной край, Оренбургское генерал-губернаторство. Он просуществовал до конца 1864 г., но, несмотря на большие планы, произвел временный и незначительный эффект. Разрабатывавшаяся в нем программа не стала правовой основой для новой сибирской реформы и ускорения хозяйственного освоения края. Комитет не смог стать координирующим и объединяющим центром. Только *в 1892-1903 гг. координирующие функции в отношении Сибири взял на себя Комитет Сибирской железной дороги*. Кроме него и сами сибирские генерал-губернаторы пытались разработать комплексную программу развития региона [11, С. 107 – 108].

Дальнейшая перестройка административной системы сибирского региона должна была решить задачи, с одной стороны, усиления самостоятельности местной администрации в принятии управленческих решений, а с другой - повышения контролируемости действий местной власти. На практике это оказалось невозможным - меры по децентрализации или всего лишь деконцентрации регионального управления приводили к снижению управляемости окраин, росту бюрократического произвола и даже угрозе (пусть и преувеличенной в глазах столичных чиновников) сепаратизма. Самодержавие оказывалось как бы в замкнутом кругу: усиление централизации и контроля за действиями местной администрации вели к медленности и запутанности в управлении, а расширение самостоятельности местной власти, при отсутствии противовеса в лице органов общественного самоуправления, неизбежно порождало произвол. Изменения. В целом имперский центр не проявлял особой активности в радикальном реформировании управления Сибирью или изменении ее административной карты. Свою роль в этом играло отсутствие надежных механизмов контроля за деятельностью местной администрации, а также нежелание вкладывать средства в развитие региона.

Серьезным изменениям во второй половине XIX в. подверглись специальные положения сибирской реформы 1822 г., прежде всего в области организации крестьянского управления, управления инородцами, ссылкой. В 1870—80-е гг. изменена организация крестьянского, инородческого, горного, учебного, полицейского, тюремного, почтово-телеграфного управлений. В ноябре 1879 г. было утверждено «Положение о преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири». На Восточную Сибирь оно было распространено в 1882 г., но в некоторых округах его введение завершилось только в 1888 г.

Положение ввело новый порядок, закрепивший за органами крестьянские самоуправления административно-полицейские функции. Происходило разукрупнение больших волостей, понизилась роль волостного писаря, ставшего теперь простым исполнителем распоряжений выборного начальства. Должностные лица волостного и сельского управления разделялись на начальствующих и подчиненных. К первым относились волостные старшины и сельские старосты с помощниками, сборщики податей, все они избирались на волостных сходах, из зажиточной части крестьянства. К подчиненным относились сторожа, рассыльные, пожарные, лесные поскотинные и полевые старосты, назначаемые преимущественно из бедняков.

Эти преобразования не внесли существенных изменений в порядок управления. Вместе с тем *в организации крестьянского управления и самоуправления ясно прослеживалась тенденция усиления контроля со стороны государства за деятельностью выборных крестьянских органов.* Появляются губернские и окружные по крестьянским делам присутствия, на которые вместе с земскими заседателями возлагается контроль за деятельностью крестьянского самоуправления. В 1897 – 1898 гг. в Сибири вводятся должности крестьянских начальников, чьи функции были тождественны функциям земских начальников в европейской России. Они осуществляли надзор за крестьянским общественным управлением, утверждали выборных должностных лиц и приговоры мирских сходов; имели право налагать штрафы на крестьян и подвергать их краткосрочному аресту. Под давлением государственных институтов идет внутренняя бюрократизация крестьянского самоуправления, вытеснение обычно-правовых норм правом официальным. Деформирующее воздействие государства на самоуправление (особенно на уровне волости) ведет к процессу отчуждения выборного крестьянского начальства от избравшего его крестьянского общества. Волостное самоуправление постепенно поглощается государственной системой, которая все шире использует традиционные крестьянские институты самоорганизации для выполнения административно-полицейских и фискальных функций.

3. Влияние либеральных реформ 1860-1870-х гг.

Великие реформы «эпохи 1861 г.» оказали на Сибирь поначалу лишь опосредованное и растянутое на длительный срок воздействие. Проведенные в регионе преобразования носили частичный, еще более чем в центре, непоследовательный характер. *В 1870-х гг. в городах Сибири стало вводиться «Городовое положение» 1870 г.* Городские думы, состоявшие ранее из депутатов от сословных групп, теперь формировались на бессословной основе. Гласные городских дум избирались на 4 года на основании имущественного ценза только из числа налогоплательщиков. В зависимости от размеров города количество думских гласных колебалось от 30 до 72-х. Как и в Европейской России, они ведали местными

хозяйственными делами, контролировались губернатором, который утверждал их постановления.

В ходе военной реформы в августе 1865 г. в существующих генерал-губернаторствах образованы Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военные округа, их командующими назначены генерал-губернаторы. Судебные преобразования затягивались. ***Распространение на сибирские территории судебной реформы произошло лишь в самом конце XIX в., и то в урезанном виде, сохраняя высокую степень зависимости судебных органов от администрации. Что касается земской реформы, то она вообще не была проведена в Сибири в дореволюционные годы.*** 3 апреля 1905 г. в рескрипте Николая II иркутскому генерал-губернатору графу П.П. Кутайсову признается необходимость введения земства на восточных окраинах империи. Тем не менее, подготовленный и принятый 3-й Государственной думой соответствующий законопроект отклоняется Государственным советом 5 мая 1912 г. Объясняя причину случившегося, одна из иркутских газет замечала: «Частного поместного землевладения в Восточной Сибири нет. Значит и земского самоуправления Государственный Совет восточносибирским губерниям не даст - не даст даже в тех урезанных формах, которые установлены положением 1890 г.»

8 августа 1915 г. сибирская парламентская группа в 4-й Государственной думе собрала под законодательным предложением, в основном повторяющим отклоненный в 1912 г. законопроект, 72 подписи. Резко против него выступили представители МВД. Министерство предложило свой проект о земском самоуправлении в Тобольской и Томской губерниях, с одновременным созданием Алтайской губернии.

Земские учреждения предлагалось ввести только в районах массового расселения русского крестьянства, исключая северные уезды. Самоуправление не распространялось на три станицы Сибирского казачьего войска (11 тыс. жителей) в Бийском и Змеиногорском уездах. Проект МВД предлагал передать в ведение планируемых земских учреждений, помимо перечисленных в Положении 1890 г., вопросов экономических (развитие зернового хозяйства), транспортного строительства и страхования.

Особенность сибирского земства усматривалась в переносе центра тяжести в организации его из губернии в уезды, в силу территориальной протяженности последних. Вместо трехкуральной системы представительства в европейских губерниях, в Западной Сибири предусматривалось установить «по одному избирательному собранию и по одному избирательному съезду, включив в таковые, по принадлежности, также арендаторов скотоводческих участков, а равно не участвующих в волостных сходах лиц, коим отведены казенные земельные участки в порядке правил о переселениях».

Органы самоуправления ставились под жесткий контроль местной администрации. В частности, в уездном земском собрании председательствовал руководитель уездного съезда крестьянских

начальников, а в состав губернского собрания по должности автоматически входили председатели всех уездных съездов крестьянских начальников, управляющий казенной палатой, управляющий отделением Крестьянского банка, чиновник переселенческого управления, представитель Министерства земледелия, директор народных училищ, представитель Министерства путей сообщения.

Таким образом, проект МВД от 22 декабря 1916 г. предусматривал образование земских учреждений только в земледельческих районах Западной Сибири. Он носил консервативный характер и в сильно ухудшенном варианте повторял Положение 1890 г., делая ставку на зажиточную часть местного социума. Так, законопроектом устанавливался лимит на получение избирательных прав в 300-475 десятин земли или 15 тыс. рублей обложенного земским сбором имущества, в то время как проект 72-х депутатов Государственной думы от 8 августа 1915 г. предусматривал установление этого соотношения в пределах 7,5 тыс. рублей и 80-150 десятин. При этом нужно иметь в виду, что проведение выборов земских гласных по министерскому проекту предполагалось провести только во второй половине 1918 г., а реально собрания и управы должны были развернуть деятельность не ранее 1919 г. Таким образом, *самодержавие очевидно затягивало процесс распространения на Сибирь института местного самоуправления.*

Выработка подходов к выстраиванию регионального управления со стороны царского правительства зависела от того, какими представлялись из центра перспективы и приоритеты развития Сибири, ее роль и место в составе Российского государства. Причем, официально всегда подчеркивалось, что Сибирь есть лишь естественное продолжение России за Урал, но одновременно существовало и сознание отдельности сибирского региона. *В правительственных кругах господствующим оставался взгляд, что только государство способно управлять регионом и направлять его хозяйственное развитие.* То, что какие-то управленческие функции могут быть переданы общественному самоуправлению, которое станет определять направления и приоритеты развития представлялось абсурдным. В результате, правительственный подход к управлению предусматривал лишь усиление бюрократического контроля за всеми сферами общественной и экономической жизни Сибири. Например, для того, чтобы иметь достоверную информацию о положении дел в регионе и дополнительное учреждение для борьбы с чиновничьими злоупотреблениями, правительство передает жандармскому ведомству функции независимого надзора и исправления. Жандармские доносы, хотя и позволили вскрыть многие недостатки сибирского управления, быстро теряли свою эффективность, лишь усиливая интриги и административную неразбериху. Вмешательство жандармов в управление вызывало противодействие со стороны сибирской администрации.

При этом в правительственная политика по отношению к региону все же слабо учитывала его специфику, не соблюдала баланс общегосударственных и региональных интересов. Расхождение экономических интересов центра и региона особенно заметно обнаружилось в следующих вопросах:

- свобода торговли, как внутренней, так и внешней (режим *porto-franco* для дальневосточных портов и устьев сибирских рек, «челябинский тариф» и т. д.);
- распределение бюджетных средств в пользу окраин;
- определение приоритетов развития сибирской промышленности;
- направленность транспортных артерий Сибири;
- цели и задачи переселенческой политики.

Естественно, что сибирские нужды во всех этих вопросах чаще всего отодвигались на второй план. Следствием было недовольство сибирской общественности. Недовольство касалось таких проблем, как превращение региона в сырьевой придаток центра, «московское мануфактурное иго», задержка с распространением на Сибирь реформ, осуществленных в Европейской России (прежде всего, судебной и земской). Сибирский регион оставался долгие годы местом уголовной и политической ссылки, отягощавшей местные финансы и развращающе действующей на сибиряков. Высказывались обвинения, что метрополия высасывает не только материальные, но и духовные силы Сибири, централизовав всю научную деятельность и систему высшего образования.

Дополнительной проблемой, особенно обострившейся в условиях возрастания роли чиновничества, усложнения возлагаемых на него управленческих задач, стал **низкий уровень кадров сибирского административного аппарата** – образовательный, нравственный, профессиональный. Эффективность работы государственных учреждений существенно снижали взяточничество, казнокрадство, произвол, характерные для сибирской бюрократической среды. На всем протяжении XIX-начала XX вв. в Сибири не только не хватало квалифицированных чиновников, но и ощущалась острая потребность в простом заполнении вакантных мест. Проблемы подготовки, подбора и расстановки бюрократических кадров для Сибири приобретали особую остроту в силу удаленности региона от центра страны, плохих средств коммуникаций, неблагоприятного климата, низкой плотности населения, его своеобразного национального и социального состава. Малая привлекательность сибирской службы накладывалась на ограниченность государственного бюджета, общий недостаток в стране подготовленных чиновников, имеющих требуемый сословный и образовательный ценз.

4. Государственная политика по отношению к сибирской ссылке.

До конца XIX в. ссыльные оставались основным контингентом переселенцев в Сибирь.

Во 2-й половине XIX в. законодательство определяло 2 основных варианта наказания ссылкой — по суду и без суда (в административном порядке). Ссылка по суду подразделялась на следующие виды:

1. Ссылка на каторгу, бессрочная или срочная, назначалась за тяжкие преступления. Она предусматривала последующий перевод на поселение.
2. Ссылка на поселение, пожизненная, делилась на 2 степени: в отдаленнейшие и менее отдаленные места. За исключением неспособных к труду, которые определялись «на вольное пропитание» или в богадельни, все остальные ссыльнопоселенцы водворялись на постоянное жительство по селам старожилов, или для них создавались новые поселения; им полагались земельные участки и казенные орудия труда. В течение 3 лет ссыльнопоселенцы были обязаны заниматься сельскохозяйственными работами, отдавая значительную часть доходов казне. По истечении 10, а при хорошем поведении — 6 лет ссыльнопоселенцев приписывали к крестьянским обществам с получением соответствующих прав и обязанностей, им разрешалось свободное передвижение в пределах Сибири.
3. Ссылка на водворение, применялась к бродягам; почти ничем не отличалась от ссылки на поселение.
4. Ссылка на житье, назначалась исключительно для высшего дворянства и чиновничества. Ссылные не лишались прав своего состояния, приписывались к мещанскому или крестьянскому обществу, но без получения соответствующих прав, не могли покидать место приписки в течение срока осуждения, находились под надзором полиции. С разрешения властей они могли заниматься промыслами, ремеслами и торговлей.

Что касается административной ссылки, она продолжала осуществляться в широких масштабах, несмотря на отмену в 1861 г. крепостного права и, соответственно, исчезновения ссылки крестьян по воле помещиков. При этом в законодательстве России ее до середины XIX в. не было, но практически она применялась как ссылка «по высочайшему повелению». Право такой ссылки оставалось за крестьянскими, и до 1900 — мещанскими обществами; ей подвергались лица за «порочное поведение» и отбывшие наказание, но не принятые назад обществом. Сосланные таким образом записывались по месту ссылки в крестьянские или мещанские общества, после чего пользовались правом свободного передвижения по Сибири. В 1870 г. право высылать в административном порядке главных зачинщиков стачек и антиправительственных выступлений получили губернаторы. Законодательство об административной ссылке получило дальнейшее развитие в 1870-е – 1890-е гг. В 1881 г. административная ссылка была узаконена «Положением о мерах охраны государственного порядка и общественного спокойствия», а в 1882 г. «Положением о полицейском надзоре» устанавливался порядок надзора за сосланными по месту жительства. Это касалось по преимуществу политических ссыльных. Они пользовались относительной свободой, могли как-то зарабатывать себе на жизнь, но им запрещалось отлучаться, поступать на государственную и

общественную службу, заниматься адвокатской и педагогической деятельностью и т. п. Именно в порядке административной ссылки попадало в Сибирь больше половины политических ссыльных (например, в 1879 — 58,6%, в начале XX в. — около 50%). В 1887 г. введена массовая административная ссылка под надзор полиции в Восточную Сибирь. Таким образом, **для пореформенного периода характерна тенденция роста административной ссылки.** Она широко осуществлялась по приговорам сельских и мещанских обществ и по распоряжению государственно-административной власти.

Статистика не дает исчерпывающих данных о численности сосланных в пореформенный период. По данным Главного тюремного управления, **с 1861 по 1898 г. в Сибирь сослано 543,8 тыс. чел., включая и членов семей,** добровольно последовавших за ссылаемыми. И на 1 января 1898 г. здесь было сосредоточено 310 тыс. ссыльных всех категорий. По различным категориям ссыльные распределялись следующим образом: административно-ссыльные — 52 %, ссыльнопоселенцы — 31 %, сосланные на водворение — почти 15 %, сосланные на житие — чуть больше 2%. Таким образом, основная масса ссыльных попала в Сибирь внесудебным порядком (административная ссылка). Причем, **ссылка в Сибирь рассматривалась не только правительством, но российским обществом, как способ избавления от нежелательных членов социума.** Так, подавляющее большинство административных ссыльных (93,7 %) составляли высланные по приговорам сельских и мещанских обществ, а высланные «по распоряжению правительства» за политические преступления — всего 6,3 %.

Особую группу составляли ссыльнокаторжные. Каторга состояла из двух элементов: тяжелого труда и последующего поселения. Приговор к каторге всегда сопровождался лишением всех прав состояния, а до Закона 17 апреля 1863 г. назначалось еще наказание плетью и клеймение. Каторга назначалась или бессрочная, или срочная от 4 до 15 лет, а в случаях рецидива — до 20 лет.

Однако в пореформенный период система каторжных работ в Сибири переживала кризис в связи с уменьшением спроса на принудительный труд, т.е. на рабочие руки каторжан. Прежде всего была отменена так называемая крепостная каторжная работа: число вновь строящихся крепостей уменьшилось, военное ведомство посчитало каторжный труд убыточным, а помещение каторжных внутри крепостей — неудобным в военном отношении. Поэтому в 1864 г. прекратилась отсылка заключенных в крепости и приговоренных следовало направлять на заводы и фабрики. Фабрики и заводы, основанные на труде каторжных, в свою очередь оказывались убыточными. Поэтому Министерство финансов с начала царствования императора Александра II стало их закрывать или передавать в частные руки, не заботясь о том, что будет с находившимися там ссыльными.

Ответом правительства на кризис каторжной системы стали Временные правила 18 апреля 1869 г, на основании которых в Сибирь на каторгу

предписывалось ссылать только проживающих к востоку от Урала или тех женщин и мужчин, за которыми последуют их семейства. Все прочие каторжники должны были размещаться в особо приспособленных для того тюрьмах. Из них на территории Сибири располагалось только 3 – две в Тобольской и 1 в Иркутской губерниях. Остальные 7 находились в Европейской части России. По закону 1875 г. по окончании срока тюремного заключения, осужденные ссылались в Сибирь на поселение. Этим же законом генерал-губернатору Восточной Сибири было предоставлено право высылать до 800 человек на остров Сахалин для отбывания каторги там, и таким образом положено начало сахалинской ссылки.

Таким образом, масштабы применения каторги как вида наказания в пореформенный период значительно сократились.

Распределение ссыльных по территории Сибири осуществлял Тюменский приказ о ссыльных и сибирские тюремные инспекции, там, где их не было – губернская администрация. Основная масса административных ссыльных и ссыльных на жительство направлялась в Тобольскую и Томскую губернии. В Восточную Сибирь отправлялись ссылаемые по суду каторжные, ссыльнопоселенцы и бродяги. На территории Тобольской губернии они распределялись Приказом о ссыльных непосредственно по уездам, а на остальной территории – лишь по губерниям, а места водворения определяла губернская администрация. Последним пунктом, куда происходило распределение ссыльных, был Иркутск. А в отдаленные районы Сибири Тюменский приказ ссыльнопоселенцев не назначал. Туда направлялись только осужденные уже в Сибири. Они рассылались губернской администрацией, за исключением той губернии, где проживали до осуждения.

Процедура распределения являлась чисто механической. Тюменский приказ руководствовался мало достоверными сведениями о численности населения и количестве свободной земли, доступной для земледелия. Трудовые навыки ссыльных, их возможность приспособиться к новым условиям жизни не учитывались. Поэтому распределение часто не соответствовало колонизационным возможностям. Например, в 1889 г. правительство попыталось создать сельскохозяйственные колонии поселенцев, выделив под них 60 тыс. десятин земли в Тобольской губернии. Но этот проект провалился из-за массовых побегов ссыльнопоселенцев.

Местная администрация стремилась к ограничению наплыва ссыльных, но по мере сокращения районов расселения ссыльных в Западной Сибири возросла роль Восточной Сибири. Со строительством Сибирской железной дороги усилившееся переселение крестьян заставило прекратить массовое направление ссыльных в наиболее пригодные для земледелия Ачинский и Минусинский уезды. Большинство ссыльных стали направляться в Енисейский, Канский и Красноярский округа и все округа Иркутской губернии. В Забайкальской области ссыльные причислялись к крестьянским обществам Читинского, Верхнеудинского, Селенгинского и Баргузинского

округов. На кабинетских землях Нерчинского округа ссыльные поселялись с 80-х гг. в виде редкого исключения.

Что касается распределения каторжных, то оно достаточно четко регламентировалось законодательством. Так, женщин нельзя было использовать на подземных работах, поэтому они поступали в распоряжение иркутского или приамурского генерал-губернаторов для размещения по фабрикам и заводам. Каторжные мужчины направлялись в ведомство Нерчинской каторги, в тобольские тюрьмы или в распоряжение иркутского и приамурского генерал-губернаторов для использования на наиболее тяжелых работах, включая подземные. Особое место каторги представлял район реки Кары – Карийские золотоносные промыслы. В 1880 г. масштабы работ здесь были существенно расширены. В Нерчинском округе возобновились каторжные работы в серебро-свинцовых рудниках, причем, при многих рудниках даже были отстроены новые помещения для каторжников.

На рубеже XIX – XX вв. изменился порядок этапирования ссыльных и каторжных в Сибирь. В связи с открытием пассажирского движения по Сибирской железной дороге взамен пешей отправки ссыльных по главному Московскому тракту началась их перевозка железнодорожным путем. Вместо пеших конвойных команд, расположенных по главному Московскому тракту, по всей империи учреждались офицерские и железнодорожные конвойные команды.

К началу XX в. заметна тенденция к ограничению масштабов ссылки, обусловленная несколькими причинами. Строительство Сибирской железной дороги, пароходное сообщение увеличивали возможности для побегов. Была осознана несостоятельность расчетов на колонизационное значение ссылки. Неоднократно ставился вопрос об ее полном упразднении. В 1894–1899 гг. Сибирь для обследования состояния каторги и ссылки регулярно посещали правительственные чиновники: начальники Главного тюремного управления М.М. Галкин-Врасский и А.П. Соломон, а также министр юстиции Н.В. Муравьев. В результате, правительство пришло к осознанию необходимости разработки мероприятий по отмене ссылки. Высочайшим повелением от 16 мая 1899 г. о создании соответствующей Комиссии было признано, что дальнейшее направление ссыльных в Сибирь для ее заселения не имеет смысла и вредит краю. Общеуголовная ссылка в Сибирь с целью её заселения объявлялась нецелесообразной. Результатом работы Комиссии стал законопроект коренного реформирования ссылочной системы, который 25 марта 1900 г. был представлен на рассмотрение Государственного Совета. После одобрения законопроекта Соединенными департаментами и Государственным советом, он был утвержден Николаем II

Закон вступил в силу 12 июня 1900 г. Для уголовных преступников отменялась ссылка в Сибирь на житие и ограничивалась ссылка на поселение. Отменялась также ссылка в Сибирь на водворение за бродяжничество, существенно ограничивалась административная ссылка по приговорам обществ.

Взамен принудительного переселения, правительство взяло курс на стимулирование крестьянской миграции в Сибирь. Но закон 1900 г. не был распространен на политическую ссылку. А на практике и после 1900 г. ссылка в Сибирь применялась в широких масштабах. Однако с этого времени она превращается, прежде всего, в ссылку политическую.

Таким образом, к началу XX в. правительство все более определенно признавало неэффективность сохранения ссылки в Сибирь, ее негативное влияние на развитие региона, слабый колонизационный потенциал, ослабление ее воздействия как меры наказания. В то же время отказаться от практики использования региона для административной и политической ссылки имперское правительство так и не смогло.

Хотя позднее, в 1905–1907 гг. предпринимались дальнейшие попытки ограничения ссылки в Сибирь. В частности, под влиянием революции 1905 г. были разработаны несколько законопроектов, по которым предусматривалась полная отмена административной ссылки. В 1913 г. предлагалось преобразовать каторгу и отменить ссылку на поселение как ее последствие. Однако, вплоть до амнистии 1917 г., в отношении сибирской политической ссылки продолжали действовать правовые нормы, принятые в конце XIX в. и Закон от 12 июня 1900 г.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем состояла специфика административно-территориального устройства Сибири во второй половине XIX в.?
2. Как было организовано административное управление на различных уровнях?
3. Каким изменениям подверглось территориальное деление Сибири на протяжении второй половины XIX в.?
4. Какие изменения были внесены в «Сибирское учреждение» с конца 1870-х гг.?
5. Сформулируйте позитивные и негативные последствия сохранения в Сибири генерал-губернаторств как самой крупной административно-территориальной единицы.
6. Какие управленческие проблемы возникали во взаимоотношениях между регионом и имперским центром?
7. Почему, с вашей точки зрения, российское правительство не спешило с распространением на Сибирь земской и судебной реформ?
8. Как менялось отношение имперского центра к проблемам ссылки в Сибирь?
9. Сформулируйте возможные аргументы со стороны российского правительства за и против сохранения ссылки в Сибирь в начале XX в.

Тема 3. Социальные процессы, образование и просвещение во второй половине XIX – начале XX в.

- 1. Социальные трансформации и роль миграций в развитии сибирского социума.**
- 2. Роль ссылки в развитии сибирского общества.**
- 3. Этносоциальные процессы и взаимоотношения русского и аборигенного населения.**
- 4. Развитие образования и просвещения**

1. Социальные трансформации и роль миграций в развитии сибирского социума.

Основным фактором, определявшим социокультурные процессы, была миграция. Постоянно возрастающие с 1860-х гг. масштабы механического прироста населения не могли не влиять на развитие сибирского социума. Массовые переселения с одной стороны увеличивали численность населения, прежде всего - сельскохозяйственного, увеличивали его плотность за счет сокращения землепользования сибиряков и формирования новых поселков. С другой стороны, они способствовали росту имущественной и социальной дифференциации.

Первоначально, пока процесс переселения не достиг значительного размаха, старожилы были заинтересованы в причислении новоселов к своим сельским обществам, поскольку это создавало рынок дешевой рабочей силы. Но уже в отчете Главного управления Алтайского округа о движении мигрантов за 1888 - 1902 гг. отмечалось, что *«громадный приток переселенцев, а вместе с ним все усиливающий спрос на земли, постепенно поднимал в глазах старожилов ценность земель, сообразно чему повышалась и плата, которую взимают старожилы за выдаваемые ими приемные приговора переселенцам. Таким образом, пять лет назад лишь 16 % переселенцев не находили средств, чтобы купить себе приговор, в настоящее время это не под силу уже почти 53 %»*. Старожилы начали воспринимать переселенцев как захребетников и требовать их выдворения на свободные земли. В деревнях процветала своеобразная «дедовщина». Начальник Алтайского округа констатировал, *«что крестьяне-старожилы Алтайского округа и должностные лица Сельского Общественного Управления допускают по отношению переселенцев всевозможные насилия и самоуправства: выселяют переселенцев из деревень, несмотря на то, что многие из них проживают с согласия обществ по нескольку лет и у тех же общинников приобрели постройки; отбирают распаханые земли, за которые уплачиваются в пользу общества повинности (кроме платы отдельными домохозяевами за распашку), земледельческие орудия; разламывают постройки, печи и окна в домах, наконец, воспрепятствуют общественникам держать переселенцев на квартирах, вынуждая их с маленькими детьми и престарелыми больными жить под открытым небом и т.д.»*.

В.П. Семенов Тянь-Шанский так описывал трудности интеграции новоселов в общество сибирских старожилов: *«Сибирская гордость иногда доходила до того, что приселившиеся переселенцы, добровольно принятые сибиряками, лет по двадцати не признавались последними за себе равных, причем сибиряки в это время тщательно избегали с ними родниться. Когда же таким переселенцам наконец сами сибиряки переставали давать кличку «россейских» и роднились наконец с ними, то бывшие «россейские» не без гордости говорили приезжим, что они стали «сибиряками», точно их повысили в чине».*

Следствием массового переселения стало ограничение в ходе землеустройства наделов старожилов и переселенцев 15 десятинами на душу (реально в среднем по Сибири пришлось по 13,2 десятины). В свою очередь, *это провоцировало эскалацию противостояния между старожилами и аборигенами, чье землепользование ограничивалось, с одной стороны, и переселенцами, с другой.* Поэтому районы массовых вселений в дальнейшем становятся очагами хронического противостояния. По мнению Д.М. Шиловского, в Сибири к началу XX в. сложился своеобразный район фронтального противостояния, охватывающий Тюкалинский, Бийский, Барнаульский, Змеиногорский, Кузнецкий, Минусинский, Канский, Нижнеудинский уезды. Не случайно уже в период гражданской войны – в мае 1919 г. – колчаковский военный министр генерал А.А. Будберг констатировал: *«Восстания и местная анархия расползаются по всей Сибири; говорят, что главными районами восстаний являются поселения столыпинских аграрников, не приспособившихся к сибирской жизни и охочих на то, чтобы пожить за счет богатых старожилов».*

Даже там, где переселенцы обустроивались самостоятельно отдельными селениями, возникали проблемы. В сибирской деревне существовало немало причин для социальной напряженности и недовольства значительной части населения своим положением. *Одним из долговременных социальных последствий массового переселения явилось разрастание маргинальной периферии деревни, состоящей из слоя крестьян-бедняков, батраков, работавших н найму на старожилов, а также движение обратных переселенцев.* Позднее именно этот слой составил социальную базу большевиков. Картина имущественного расслоения в сибирской деревне в конце XIX в. выглядела следующим образом: к низшей группе (беднякам, имевшим до 5 десятин посева и до 2 лошадей) относилось около 47,6% крестьян, к средней (5-15 десятин посева и 3-4 лошади) – 31,2, к высшей, зажиточной – 21,2%. В Томской губернии, особенно на Алтае, количество представителей низшей группы было меньше, число зажиточных хозяйств, использовавших наемный труд – больше. В томских волостях пользовались наемным трудом 36,2% хозяйств, в бийских – 38,3%,

До 1917 г. основными формами социального протеста крестьян являлись сопротивление землеустройству, отказы платить подати и

коллективные порубки леса. Это отражало массовое недовольство действиями правительства по утверждению государственной монополии на землю в регионе путем образования и эксплуатации казенных лесных дач и оброчных статей. Для крестьянства Сибири характерны более жесткие и радикальные формы противостояния властям. Отстаивая свои интересы, крестьяне действовали солидарно, всем миром, на основе решений, принятых сельскими и волостными сходами. Анализ трех томов хроники крестьянского движения в Сибири за 1861-1916 гг., осуществленный Д. М. Шиловским, привел его к выводу о постоянной эскалации насилия в конфликтных ситуациях между сельскими обществами и властью. Так, в 1908-1916 гг. «значительно возрастает массовость и агрессивность в действиях крестьян, использование холодного и огнестрельного оружия. В 70 случаях, т.е. в каждом четвертом, волнения сопровождались нападением или сопротивлением по отношению к правоохранительным органам, сельской администрации, чинам лесной охраны. Зачастую противостояние перерастало в открытый вооруженный конфликт. Если в 1861-1904 гг. зафиксирован один случай массовых выступлений («Бердский бунт» 1869 г.), в 1905-1907 гг. - три случая, то в 1908-1916 гг. их было более десяти. В результате кровавого противостояния 1908-1916 гг. погибло 29 полицейских, чинов лесной стражи, сельских старост и других представителей администрации, еще 89 получили ранения или были избиты. В свою очередь, крестьяне потеряли убитыми 13 и ранеными 14 человек».

Таким образом, открытое вооруженное противостояние, развернувшееся в Сибири уже в годы гражданской войны, имело более глубокие и давние корни. Сибирское крестьянство постоянно использовало насилие для защиты своих интересов внутри и вне общины. С его помощью сельский мир боролся с конокрадами, бродягами, ворами, хулиганами. Типичным явлением местной жизни XIX в. становится борьба жителей притрактовых селений с бродягами, получившая наименование охоты на «горбачей». Сдерживаемая до поры до времени жестокость выплескивалась наружу в периоды социальных потрясений. Отдельные примеры жестокого поведения крестьянских масс были зафиксированы задолго до 1917 г., например, в период первой российской революции, но до недавнего времени квалифицировались как борьба с самодержавием.

Рост и развитие городов имели свою специфику. *Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в 45 городских поселениях региона проживало 467,8 тыс. человек, или 7,3 % от всей численности сибиряков.* Количество горожан постоянно увеличивалось, но отставало от роста всего населения Сибири. Прирост городского населения осуществлялся преимущественно за счет переселенцев из Европейской России и местных крестьян. По свидетельству современника, «приток к Томску крестьянского населения находится в связи с отыскиванием работы и желанием поскорее приписаться в мещане, чтобы избавиться от платежей, повинностей и поборов, лежащих на крестьянине,

последнее - заветная мечта всякого крестьянина, вкусившего прелестей городской жизни». По данным переписи 1897 г. самыми крупными городами были Томск и Иркутск – около 52 тыс. жителей. За ними шли Омск, Благовещенск, Тюмень, Владивосток. Население Тоска и Красноярска выросло по сравнению со серединой века в 4 раза, Иркутска и Омска – в три раза. Особенно быстро росли города на Дальнем Востоке. **Особенно бурный рост численности городов происходит после сооружения Транссиба** (в 3 раза с 1897 по 1916 гг.). В 1916 г. численность городского населения Сибири составила (по данным В.И. Пронина) чуть больше 1 млн. чел., или 7,14 %. При этом, с началом первой мировой войны доля горожан в общей численности населения региона несколько уменьшилась.

Значительную долю городского населения в связи с масштабными миграционными процессами составляли недавние выходцы из крестьянского сословия. По образному выражению Б. Н. Миронова, **в рассматриваемое время происходило окрестьянивание городского населения** («город разбух от деревни») [20; С. 342]. В Сибири указанная тенденция проявлялась более интенсивно, чем в Европейской части страны. Если в конце 1870-х гг. среди горожан Западной Сибири крестьяне составляли 18,5 %, то в 1897 г. - 36,4 %, а в 1910 г. (Тобольская губерния) - 36,3 %. Представляет интерес род занятий этой категории городских жителей. По данным Н. М. Дмитриенко, в 1897 г. в Томске крестьян насчитывалось 39,0 % от общего количества жителей. Из них примерно половина работала прислугой, на частной службе, добывала средства к существованию поденщиной. Как считает Б. Н. Миронов: «Окрестьянивание горожан означало реанимацию в среде городского населения стандартов и стереотипов крестьянского сознания...» [20; С. 343]. И в сибирских городах легко можно обнаружить деревенские стандарты социального и политического поведения. Примером этому были кулачные бои «стенка на стенку» или «войнушки», несмотря на их официальное запрещение в 1832 г. «После побоищ были раненые, иногда даже убитые, - свидетельствует по Омску Д. А. Алисов. - Один из самых жестоких «боев» по воспоминаниям старожилов, произошел в 1912 г. Даже конная и пешая полиция, вызванные на место поединка, оказались не в состоянии прекратить это знаменитое «Ледовое побоище». По «деревенскому» сценарию происходили бунты мобилизованных в начале Первой мировой войны, отличавшиеся масштабностью и упорством.

Городской социум, особенно в новых, быстро растущих городах, типа Новониколаевска формировался из людей достаточно деятельных и инициативных. В городской среде регионе складывалась значительная прослойка квалифицированных рабочих из центра страны. Они составляли более 40 % работавших в мелких ремесленных заведениях Томска в конце XIX в. С другой стороны, в городах Сибири имелаась многочисленная прослойка, обеспечивающих, по терминологии западной экономической географии, третичные виды деятельности, не связанные с добычей сырья или его обработкой (транспорт, связь, кредит, гостиницы и наем жилья, зрелища

и развлечения, питание, медицина, образование и т. д.) *Дореволюционные сибирские города даже после проведения железной дороги не стали промышленными центрами.* Даже в 1914 г. «Азиатская Россия» писала, что, несмотря на быстрый рост сибирских городов, они пока являются преимущественно торговыми.

Рабочий класс, как новая социальная группа формировался в основном в заводских, станционных и приисковых поселках. После реформы 1861 г. произошло некоторое сокращения доли рабочих в составе населения. Многие рабочие кабинетских и казенных предприятий, получив увольнение от принудительного труда, ушли с заводов и рудников. Количество рабочих уменьшилось также в связи с сокращением производства на предприятиях, принадлежавших Кабинету. В дальнейшем по мере роста золотопромышленности, черной металлургии, солеварения, обрабатывающей промышленности, строительства Сибирской железной дороги (в 90-х годах XIX в.) число рабочих возрастало.

Сведения о количестве рабочих в Сибири к концу XIX в. дают материалы всеобщей переписи 1897-1898 гг. По этим данным, в Сибири насчитывалось 400 тыс. работников по найму. Из них 82,6% составляли рабочие и 17,4% - прислуга. На первом месте по численности рабочих стояла золотодобывающая промышленность; за ней следовали обрабатывающая и лесная промышленность, добыча руд и выплавка свинца, серебра, железа и меди, соледобывающая, каменноугольная.

Основные источники формирования пролетариата в Сибири составляли освобожденные от принудительно-обязательного труда мастеровые кабинетских и казенных заводов и рудников, ссыльнопоселенцы, деревенская беднота из переселенцев, новоселов и старожилов. В формировании пролетариата принимали участие, хотя и в меньшей степени, городские и сельские ремесленники, а также городская беднота.

На рудниках и заводах Алтайского горного округа и на предприятиях обрабатывающей промышленности рабочий день продолжался 12 часов, на приисках Енисейской губернии – 13-14, на Ленских золотых приисках – 12-13 часов. На отдельных предприятиях рабочий день достигал 15-16 часов.

В Алтайском округе заводские рабочие получали от 80 до 200 руб. в год. Высшую ставку – 240 руб. – имели сереброплавильные мастера. На рудниках преобладала сдельная оплата труда. В среднем рудокопы зарабатывали от 60 коп. до 1 руб. в день. По официальным отчетам, заработная плата рабочих золотых приисков Сибири по сравнению с другими категориями рабочих России была выше и составляла в среднем в год 200-300 руб., а на некоторых приисках даже 500-600 руб. Однако официальные данные не отражают истинного положения дел. Фактически заработная плата была ниже. Рабочие приходили на прииски, уже имея долг перед золотопромышленниками. При заключении контрактов они получали задатки на погашение недоимок, приобретение одежды, обуви.

Сибирская буржуазия формировалась в основном как торгово-ростовщическая, промышленное предпринимательство было развито относительно слабо. Ощущалась нехватка крупных капиталов. В Сибири еще не произошло отделения торгового капитала от промышленного. Для сибирского предпринимателя было характерно объединение в одном лице купца и промышленника. Многие купцы имели такие промышленные предприятия как золотые прииски, железоделательные, винокуренные, солеваренные и другие заводы. Наиболее выгодными отраслями считались золотопромышленность и винокурение. Золотые прииски имели крупные сибирские купцы Баснины, Сибиряковы, Трапезниковы, Базановы, Громы, Бутины и др. Одновременно купцами и промышленниками были Иваницкий, Кухтерин, братья Родюковы в Томске, Некрасов и Гадалов в Красноярске, Второвы и Белоголовые в Иркутске. При этом доходы от промышленности играли второстепенную роль по сравнению с торговлей. В Сибири также действовали фирмы, производившие комбинированные торговые, промышленные, транспортные и комиссионные операции.

Большинство сибирской буржуазии составляли «неименитые» люди - выходцы из разбогатевших мещан, «торгующих крестьян», ремесленников и кустарей. Источниками накопления капиталов чаще всего являлись «старательство» на золотых приисках, скупка и перепродажа по повышенным ценам пушнины у охотников Севера (таких скупщиков называли «тунгусниками»), торговые и ростовщические операции, тайная продажа спирта в приисковых районах (спиртоносы). Купцами становились также доверенные и комиссионеры торговых фирм, сочетавшие коммерческие операции хозяев со своими собственными. Среди сибирской буржуазии встречались выходцы из дворян и чиновников. Но были среди купечества и люди с «темным прошлым». У них основу «первоначального накопления» составляли ограбление обозов на трактовых дорогах, приискателей, возвращавшихся с приисков, крупные кражи и другие преступления. «Чаерезом» - грабителем на Московском тракте, согласно распространенной местной легенде, начинал свою карьеру томский миллионер Кухтерин. Уголовным ссыльнопоселенцем был родоначальник крупных забайкальских купцов Кандинских.

Представители сибирского предпринимательского класса отличались большим радикализмом и оппозиционностью. Это было следствием общего для сибиряков недовольства произволом и вымогательствами со стороны чиновников, судебной и канцелярской волокитой, от которых страдало сибирское население. Газета «Светоч», характеризуя административные и судебные порядки в Сибири, отмечала, что в большинстве случаев они вопиющи. *«От неудовлетворительности суда страдают купец и крестьянин, предприниматель и рабочий. Если прибавить к этому отсутствие в Сибири земства..., понятны станут те условия, в которых находятся личная безопасность и право труда».* Либеральные элементы сибирской буржуазии осуждали административно-полицейскую опеку и

злоупотребления чиновников, были сторонниками реформы местного управления, распространения на Сибирь судебной и земской реформы, суда присяжных, отмены уголовной ссылки, выступали в роли меценатов, участвовали в издании книг о Сибири и газет либерально-буржуазного направления, давали средства на устройство учебных заведений, библиотек, больниц, на научные экспедиции (Макушин, Сибиряков, Трапезников, Хаминов, Сукачев и др.).

Интеллигенция, к которой можно отнести все образованное сообщество региона, включая чиновников, священнослужителей, офицеров, педагогов, ученых, журналистов, лиц свободных профессий и т. д., **составляла незначительный слой сибирского общества**. По подсчетам А.Е. Плотникова, в 1897 г. число работников умственного труда в Сибири составляло 35,3 тыс. человек, а к 1917 г. - достигло 100 тыс., подавляющая часть которых (более 90 %) проживала в городах. Стабильный рост основных групп интеллигенции, за исключением офицеров и лиц духовного звания, сопровождался качественными изменениями в ее структуре. Среди чиновников увеличивалась доля местных уроженцев (с 20 % в начале 1860-х гг. до 38,6 % в начале XX в.), строительство железной дороги привело к появлению массового слоя инженеров и техников. Исключительно региональным фактором пополнения образованного сообщества являлась политическая ссылка.

Даже элитарные слои местной интеллигенции формировались в основном «из народа». Это подтверждает анализ происхождения и рода занятий 171 профессора Томского университета, в основном получивших образование до революции, и получивших это высокое ученое звание в 1917-1945 гг. Итак, из них выходцами из мещан были 31, лиц духовного звания - 30, чиновников и служащих - 29, дворян - 18, крестьян и казаков - 13, рабочих - 5, купцов - 7, менеджеров - 5, интеллигенции (юристы, врачи, учителя, офицеры, профессора и т.д.) - 31. Среди последних высока доля детей учителей - 10 и профессоров - 8. По сути, основой для воспроизводства элитарной интеллигенции становятся все сословия и профессиональные группировки России, имеющие хотя бы элементарное образование, а сама эта интеллигенция была разночинной.

«Демократичным» (не дворянским) происхождением отличалась и сибирская служилая бюрократия. К тому же она характеризовалась низким уровнем материального достатка, страдала от дороговизны жилья и ширпотреба, а также нищенского пенсионного обеспечения. В совокупности перечисленные факторы порождали тотальную коррумпированность управленческого аппарата. *«Взятки не считались деянием предосудительным.* - замечал видный иркутский чиновник, действительный статский советник А. М. Падерин, - *Все знали, какие должности и сколько дают дохода, кроме жалования. Винный откуп щедро награждал чиновников и деньгами, и водкой. Оправдывалось тем, что казна, отпуская чиновникам мизерное жалование, как бы узаконила эти побочные доходы».*

Для сибирской интеллигенции был характерным низкий уровень религиозности. Епископ Томский и Барнаульский Макарий (1891-1912), просматривая исповедные росписи, обнаружил среди неисповедовавшихся и непричастившихся множество чиновников и служащих губернской столицы. Наконец, ей, как и всей отечественной интеллигенции, была присуща неприязнь к властным институтам, порождавшая у находившихся на службе двойную мораль – они получали вознаграждение за службу от того государства, которое не уважали, и при каждом удобном случае демонстрировали оппозиционность. Например, отставной статский советник А.В. Адрианов, несмотря на многолетнюю государственную службу и приличную пенсию в феврале 1915 г. убежденно заявил, что «самодержавие и верховенство всей этой сволочи, переполняющей наши верха, неминуемо должно пасть с окончанием войны».

Местная интеллигенция отличалась высоким уровнем политической активности. Она постоянно находилась под надзором органов политического сыска и подвергалась репрессиям – установлению негласного надзора, проведению превентивных обысков, административной высылки и т.д. Причем, это касалось лиц, имевших весьма высокий социальный статус. Так, в 1910 г. был произведен обыск у директора красноярского отделения Русско-Китайского банка и бывшего городского головы Н.А. Шепетовского. У него было изъято более сотни брошюр революционного содержания, в том числе программные материалы и воззвания Партии народной свободы и ее красноярской организации. В донесении красноярских жандармов общественная деятельность Николая Александровича характеризовалась следующим образом: «В разгар революционного движения в 1905 г., будучи в Красноярске городским головой, всецело находился на стороне революционеров и всеми силами противодействовал распоряжениям правительства, направленным к подавлению движения». Еще один пример ярко характеризует взаимоотношения власти и интеллектуальной элиты сибирского общества. В Томске в разгар Первой русской революции в феврале 1906 г. постановлением временного генерал-губернатора директор Технологического института, будущий выборный член Государственного совета профессор Е.Л. Зубашев в 48 часов был отстранен от должности и выслан за пределы губернии за участие в революционном движении. Совет вуза был вынужден распределить исполнение обязанностей директора между своими членами, что продолжалось вплоть до начала 1907 г.

Но среди той же томской профессуры были представители различных политических направлений: крайне правые (например, члены местного «Русского народного общества за веру, царя и отечество»), умеренные либералы (был организован отдел «Союза 17 октября»), кадеты (самая большая группа), эсеры, социал-демократы и даже анархисты. Сибирская интеллигенция рассматриваемого времени демонстрировала различные типы политического поведения, которые

эволюционировали во времени и под воздействием различных обстоятельств. Для 1860-1880-х гг. характерным было тяготение к совершенствованию нравственно-интеллектуального потенциала общества. В тот период в качестве главного средства ликвидации колониального положения региона и отставания в экономической и культурной сферах рассматривалось развитие образования, формирование собственной сибирской интеллигенции. По мнению редакции газеты «Восточное обозрение», выразившей областническую концепцию, для этого, «нужно создать в Сибири класс образованных граждан, нужно развивать просвещение здесь». Наиболее четко и последовательно точку зрения тех, кто считал, что общество можно изменить путем формирования у народа идей гуманности и справедливости был идеолог сибирского областничества Г.Н. Потанин.

Для того времени характерной была слабая политическая дифференциация интеллигенции Сибири. Но по мере нарастания кризиса самодержавной системы, нежелания власти идти на сотрудничество с обществом и продолжать реформы, происходила радикализация позиций образованного общества и политизация общественного движения. ***Революционизирующее влияние на сибирское общество оказала Русско-японская война 1904-1905 гг. и, конечно, революция 1905 – 1907 гг.*** После 9 января 1905 г. произошла резкая политизация и радикализация всего общественного и культурно-просветительского движения. Революционная волна и официальное снятие верховной властью запрета на обсуждение вопроса о введении земства в Сибири породили митинговую и «адресную» активность. Гласные Иркутской городской думы в феврале 1905 г. начали подготовку адреса на высочайшее имя с перечислением необходимых «коренных» реформ. В ряду прочих, депутат В.В. Жарников «внес предложение, чтобы царь никогда не носил военной формы». А вот как характеризует позицию профессоров Томского технологического института попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьев: «В смутное время 1904 и 1905 годов профессора института, несколько не стесняясь, стали на сторону революции (за исключением, быть может, одного или двух: вполне ручаться могу только за одного). Даже в те немногие минуты просветления, когда студенты готовы были от забастовки отказаться, на сходку явились профессора и от лица 18 (если не ошибаюсь) своих коллег объявили, что они читать лекции не будут, если на сходке студенты постановят начать занятия, а один из преподавателей института все-таки и прямо приглашал студентов к вооруженному восстанию (это было 2 октября 1905 г.).».

Ситуация еще больше обострилась после опубликования манифеста 17 октября 1905 г., продекларировавшего политические свободы и парализовавшего властные структуры. Например, в Чите после разгона казаками демонстрации горожан к военному губернатору области явились директор местной гимназии и инспектор городского училища с протестом по поводу избиения учащихся, которых среди манифестантов оказалось 400 чел.

Иркутский генерал-губернатор граф П. И. Кутайсов 5 ноября отправил управляющему МВД П. Н. Дурново отчаянную телеграмму: «Аресты при настоящем положении дела невозможны и могут кончиться бесполезным кровопролитием и освобождением арестованных... Вообще положение отчаянное, а от Петербургского правительства... я кроме советов, ничего не получаю». Согласно донесению начальника Енисейского ГЖУ 1 февраля 1906 г., «В городе Канске после обнародования высочайшего манифеста 17-го октября, образовалась преступная политическая партия, подготовлявшая своей деятельностью свержение с престола ныне царствующего императора и учреждение народной демократической республики, ...состояли в ней (в числе прочих): местный раввин, чиновник особых поручений переселенческого управления, поручик местной конвойной команды, сын городского головы, местный купец-еврей, студент и телеграфисты станции Канск.»

2. Роль ссылки в развитии сибирского общества.

Значительное влияние на социокультурное развитие продолжала оказывать ссылка. По данным Главного тюремного управления *на 1 января 1898 г. на всей территории Сибири, включая и о. Сахалин, находилось 299 тыс. ссыльных, вместе со ссыльнокаторжными и членами семей – 310 тыс.* На территории Западной и Восточной Сибири ссыльные были распределены почти поровну: по 48%, около 4% находилось на Дальнем Востоке. В Западной Сибири по числу ссыльных выделялась Тобольская губерния (35,5 %, всех ссыльных), а в Восточной – Иркутская (24 %). На Дальнем Востоке выделялся о. Сахалин, на котором находилось 3 % от общего числа ссыльных, но они составляли около трети всего населения острова. В Западной Сибири большинство ссыльных составляли сосланные на жите и административные ссыльные, в Восточной Сибири – ссыльнопоселенцы. Общее число учтенных в это время каторжных составляло 10,5 тыс. чел., из которых большая часть была размещена в Восточной Сибири и на о. Сахалин.

Большая часть ссыльных предпочитала производительным трудом не заниматься. Отличительная особенность сибирской ссылки – стабильно высокий процент беглых. На месте поселения оставалась какая-то часть ссыльных, а остальные находились в «безвестной отлучке». В конце XIX в. по подсчетам А. Д. Марголиса на 300 тыс. ссыльных приходилось не менее 100 тыс. безвестно отсутствующих. По данным официальных источников на 1 января 1898 г. самый высокий процент беглых был зарегистрирован в Приморской (85,8 %) и Амурской (71,2%) областях, Иркутской губернии (40,9%). В других областях Восточной Сибири в бегах находилась пятая-четвертая часть ссыльных. По Западной Сибири нет данных подобного рода. Томский губернатор устроил как-то облаву, и в одно утро около Томска было поймано 800 ссыльных. Чаше других сбегали с места причисления водворяемые рабочие.

Беглые наносили существенный ущерб местным жителям, давали рецидивную преступность. Характерно, что на территории Алтайского округа, куда поселения ссыльных не допускалось, уровень криминальной напряженности был гораздо ниже, чем в остальных уездах Томской губернии. *«Крестьяне считают поселенца варнаком, - замечал Н.М. Ядринцев, - человеком, способным на всякое преступление и надувательство, тунеядцем, сидячим на мужичьей шее. Сибирские крестьяне создали пословицу: «поселенец, что младенец, на что взглянет, то и стянет».*

По данным переписи 1897 г. Доля ссыльных в составе населения в целом по Сибири составляла 5,21 %. Наиболее заметной она была в Иркутской губернии (14,2), Енисейской (9,1), Тобольской (7,4), в Мариинском и Каинском округах Томской губернии (6,4). Абсолютно лидировал Сахалин – 31,8 % ко всему населению. По существующему законодательству число ссыльных, приселяемых к старожильческим селениям, не должно было превышать $\frac{1}{5}$ населения. Однако, когда в 1875 г. по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири началось обследование ссылки, было выявлено переполнение ссыльными большей части округов Западной Сибири. А с конца 80-х гг. приток административно ссыльных в Сибирь еще увеличился, и большинство из них направлялось в Тобольскую губернию. Местная администрация в нарушение существовавшего порядка расселения ссыльных пошла на установление новой нормы — 1:3 по отношению к местному населению. Это обострило прежние проблемы с расселением ссыльных. Ссыльные назначались в волости для водворения произвольно, без учета численности населения и количества земли. Во многих волостях, а тем более в селах, благодаря наплыву ссыльных размер крестьянского землепользования сократился.

Колонизационное значение ссылки ограничивалось целым рядом факторов. Во-первых, лучшие в земледельческом отношении земли Алтайского округа были изъяты из районов расселения ссыльных. Водворение ссыльных в Алтайский округ было запрещено в 1878 г., причем не только в крестьянские, но и в мещанские общества. Кабинет не разрешал переход в Алтайский округ даже тем ссыльным, которых уже перечислили из других районов по приемным приговорам в крестьяне, и даже тем, которые были освобождены от ссылки. В 80-х гг. XIX в. постепенно сокращаются районы расселения ссыльных и на казенных землях Сибири.

Во-вторых, ссыльным трудно было на месте причисления завести хозяйство. Их встречало недоброжелательное отношение администрации, настороженность местного населения. Крайняя бедность не давала возможности освоить отведенную старожильческими обществами землю, обзавестись скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Многие ссыльные некрестьянских сословий не имели навыка к земледельческому труду и хозяйственного опыта. По данным Главного тюремного управления, расход семейного ссыльнопоселенца на первоначальное домообзаводство и

приобретение необходимого сельскохозяйственного инвентаря составлял более 430 руб. В Сибирь же более 25 % ссыльных прибывало без всяких средств, а остальные имели суммы, совершенно недостаточные для устройства хозяйства.

В отчете Иркутского губернатора следующим образом обрисовано положение ссыльных: *«... ссыльному же, явившемуся в Сибирь без средств, даже при старании обратиться к трудовой жизни представляются непосильные преграды. Не говоря уже о совершенно безвыходном положении ремесленников и лиц разного звания, не привыкших к труду хлебопашца, в отдаленных малонаселенных округах, где нет спроса на их труд, даже и крестьянину земледельцу редко удастся приняться за свои привычные занятия. Свободной земли, удобной для хлебопашества, нет: для того чтобы заняться расчисткой земли из-под леса, необходимо приобрести орудия и семена на посев. При таких условиях обзаведение хозяйством — почти исключительное явление. Большинство же по прибытии в волость, получив паспорт на отлучку для заработков, уходит и редко возвращается назад... Несколько десятков тысяч бездомных скитальцев шатается постоянно по Сибири. Некоторые из них продолжают заниматься исключительно кражей и опять попадают под стражу, другие гибнут в тайге, а многие, пользуясь подаянием крестьян, возвращаются в Европейскую Россию. Задержанные в пути или на родине, они объявляют себя непомнящими родства бродягами и вновь препровождаются на казенный счет в Сибирь на водворение. Нередко такие бродяги совершают подобное путешествие три-четыре раза».*

Экономическое положение ссыльных, проживавших в местах приписки, было крайне тяжелым. В Ялutorовском округе Тобольской губернии, по переписи в 1894 г., половина ссыльных не имели рабочих лошадей, более трети — вообще никакого скота, 43% не имели посевов, более пятой части — жилищ, а четвертая часть нищенствовала. В целом по Сибири нищие составляли более 10 % от общего числа ссыльных. Наиболее полные сведения об экономическом положении ссыльных дают обследования 80-90-х гг. XIX в. В качестве показателя оседлости рассматривалось наличие у ссыльного усадьбы, дома, хозяйственных построек. В этом отношении положение ссыльных резко отличалось от положения старожилов. Среди обследованных хозяйств крестьян-старожилов Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области насчитывалось около 5 % бездомовых. Среди ссыльных такие хозяйства составляли в Енисейской и Иркутской губерниях более половины, а и Забайкальской области — более трети.

Жилища ссыльных, по свидетельству современников, находились в большей части на окраинах деревни и представляли собой жалкий вид: построенные из плохого леса, обмазанные глиной для тепла, без хозяйственных пристроек для скота. Последний помещался вместе с хозяевами. Внутренняя обстановка жилища соответствовала его внешнему виду и также поражала своей бедностью.

Состояние земледельческого хозяйства ссыльных не обеспечивало их существования. Примерно половина ссыльных Восточной Сибири не имела своих усадеб, а из имевших 60 – 70% не имели запашки (среди старожилов таких хозяйств только 10 %). Но и те немногие ссыльные, которые сумели завести земледельческое хозяйство, владели нищенским существованием. Средние размеры пашни в Восточной Сибири составляли у старожилов от 8 до 14,4 дес., у ссыльных от 1 до 1,4 дес. В Енисейской губернии после 25 лет пребывания в ссылке земледелием в ничтожных размерах занималось около 18 % поселенцев, ремеслом — 23 %, работали по найму около одной трети, 5,4 % уходили «в кусочки».

Для подавляющего большинства ссыльных попытки заведения своего хозяйства были связаны с работой на золотых приисках, батраками в кулацких хозяйствах и промышленных заведениях купцов. Основным источником существования являлась продажа рабочих рук.

В-третьих, среди ссыльных всех категорий преобладали мужчины. С 1882 по 1898 г. в Сибирь поступило, не считая ссылакаторжных, 140 511 мужчин и только 7365 женщин (почти в 20 раз меньше). 82,5 % мужчин прибыло в ссылку одинокими. Значительный процент семейных наблюдался только среди административных ссыльных, но он объясняется тем, что устав ссыльных, переселяемых административным порядком, обязывал жен следовать за мужьями, независимо от их желания. Жены ссылаемых по суду следовали за мужьями добровольно. На новом месте жительства подавляющее большинство ссыльных оставались одинокими, не создавали семьи. Серьезно препятствовало этому действующее законодательство, запрещавшее расторжение прежних браков и заключение новых для женатых ссыльных, прибывших в ссылку без жен. Только 14 декабря 1892 г. это формальное препятствие к устройству семейной жизни ссыльных было устранено. Относительно полные цифровые данные о количестве ссыльных, вступивших в брак в ссылке, сохранились только о ссыльнопоселенцах Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области. С 1887 по 1896 г. из прибывших в Енисейскую губернию вступило в брак менее 7 %.

Все же, частично, ссыльные вливались в состав постоянного населения Сибири. Эти люди осели на земле и влились в крестьянское сословие, их потомки уже во втором поколении фактически ничем не отличались от сибирских крестьян. Дети ссыльнопоселенцев либо вводились в крестьянский оклад и наделялись земельными угодьями, либо в случае отказа от надела и связанных с ним платежей жили работой по найму.

Таким образом, хотя ссылка и являлась одним из источников формирования и пополнения крестьянства Сибири, но ее колонизационное значение не следует преувеличивать. Хозяйственная активность ссыльных ограничивалась их юридической недееспособностью, моральным, надломом, вызываемым судом и ссылкой, неблагоприятным соотношением полов, возрастными барьерами,

препятствовавшими созданию семьи, повышенной заболеваемостью и смертностью.

3. Этносоциальные процессы и взаимоотношения русского и аборигенного населения.

Миграционные процессы заметно повлияли на развитие аборигенных этносов региона и взаимоотношения между аборигенным и русским населением. *В конце XIX в. принципиально меняется политика самодержавия по отношению к аборигенным этносам.* На практике «господствовал стереотип, что только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря». Для формирования колониционного земельного фонда необходимо было ограничение землепользования коренных жителей, поэтому будущее «инородцев» виделось в переводе их на оседлость, приобщении к православию, западному образу жизни, унификации управления ими по образу русских поселенцев. Правовую основу землеустроительных работ в регионе составили закон 1896 г. и правила 1898 г. о поземельном устройстве крестьян и аборигенов на казенных землях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. *Наделы в размере 15 десятин «на наличную мужского пола душу» отводились сельским обществам крестьян и инородцев, не относящихся к числу «бродячих».* Они межевались в пользование, за которое сельские обыватели обязывались вносить в казну «определенный законом платеж, под названием государственной оброчной подати». Нормативные акты не распространялись на «бродячих» аборигенов Березовского и Сургутского округов Тобольской, Нарымского края Томской, Туруханского края Енисейской губерний и земель Кабинета его императорского величества (Алтайский округ).

В 1899 г. эта процедура распространяется на крестьян и инородцев Алтайского округа. 5 июня 1900 г. утверждаются «Главные основания поземельного устройства населения Забайкальской области», имевшие определенные отличия от предшествующих. Максимальная величина надела для аборигенов увеличивалась до 30 десятин, и не требовалось их обязательное причисление в категорию оседлых. *Реализация перечисленных выше нормативных актов привела к существенному сокращению землепользования большинства коренных жителей юга Сибири.* Например, в Иркутской губернии у них после землеустройства осталось 53,1 % земли, ранее находившейся в их распоряжении. В Забайкальской области землепользование бурят сократилось к 1917 г. на 30,4 %. В Казахстане к 1917 г. для переселенцев было изъято более 45 млн. десятин.

В результате происходил ускоренный процесс перехода аборигенов на оседлость, и в связи с ростом их численности исчерпывались ресурсы экстенсивного животноводства. С одной стороны, переход кочевых скотоводов к земледелию и иным более интенсивным формам хозяйства можно рассматривать как процесс закономерный и прогрессивный. Он

находился в русле общего цивилизационного развития. С другой, нельзя утверждать с определенностью, что кочевой образ жизни и хозяйственной деятельности исчерпал себя в плане цивилизационного развития к началу XX в. С третьей стороны, меры по переводу на оседлость и земледелие, сокращение земельного фонда кочевого хозяйства, появление переселенцев в местах компактного проживания аборигенов способствовали постепенной ассимиляции аборигенных этносов, отражая общую тенденцию мирового развития, но все же не означали их автоматической русификации и аккультурации.

Описанные процессы также ускорялись рядом мероприятий, направленных на ***выравнивание правового статуса аборигенов с местным русским крестьянством***. Правовой основой этого процесса стали следующие нормативные акты: закон от 19 января 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственной оброчной и поземельной податями», цитированный выше; «Временное положение о крестьянских начальниках» (1898), распространенное и на коренное население; положение «О видах на жительство [паспортах] для инородцев от 8 июня 1898 г.». Таким образом, на рубеже веков происходит форсированное уравнивание большинства коренных жителей с русскими крестьянами. Фактически единственное существенное отличие оседлых «инородцев» от крестьян теперь заключалось в освобождении их от воинской повинности. Это автоматически сопровождалось увеличением податных обязанностей, а самое главное, в представлениях аборигенов – утратой национальной идентичности. Поэтому алтайцы и шорцы, например, предпринимали попытки сохранить свою сословную принадлежность и всячески сопротивлялись введению нового порядка управления.

Ускоренный перевод на оседлость, землеустройство, унификация правового статуса отмечались только в южных районах Сибири, ставших местом массового оседания переселенцев. В других национальных районах Сибири подобного не наблюдалось. Например, в Якутской области «Устав» 1822 г. продолжал действовать вплоть до Февральской революции, хотя еще в 1901 г. иркутский генерал-губернатор предложил причислить кочевых «инородцев» территории к разряду оседлых.

Курс на форсированное переселение и соответствующий перевод «инородцев» на оседлость привел к существенному ухудшению этнополитической ситуации в Сибири в начале XX в. Этому способствовало и изменение состава русских переселенцев. Теперь среди переселенцев в степную и лесостепную зону региона стали преобладать не северорусские уроженцы, а выходцы из южных районов Европейской России и Украины, демонстрировавшие иной тип отношений с коренным населением. По мнению компетентного исследователя этнических процессов в Сибири Л.И. Шерстовой, «В отличие от мигрантов XVII и даже XVIII в., переселенцы начала XX в. испытывали подсознательный страх перед «необъятной неведомой страной», труднее вписывались в сибирскую

природно-климатическую среду и приспосабливались к ней. Они не имели опыта и традиций повседневного общения с иноэтническим населением, а поэтому чаще всего относились к аборигенам с опаской и пренебрежением, видя в них «непонятных конкурентов».

Таким образом, под напором мигрантов нарушалось шаткое межэтническое равновесие. Во взаимоотношениях между переселенцами, поддерживаемыми государством, и аборигенными этносами юга Сибири к началу XX в. определился еще один рубеж противостояния. Жесткое, с использованием насилия, противодействие «инородцев» переселению становилось одной из сдерживающих его причин. Например, нижегородский губернатор Н. М. Баранов (1894) отмечал, что *«значительное количество возвращающихся обратно переселенцев единогласно указывают на грабежи киргизов как единственную причину, заставившую их бросить вновь заведенное хозяйство и возвратиться на родину»*. Примером более радикальной формы стала борьба казахов-кочевников за сохранение своих кочевых угодий во время вооруженных выступлений 1916 г. («казахское восстание»). Противоположный пример – активное участие крестьян-переселенцев в массовом избиении алтайцев в верховьях реки Чарыш 24 июня 1904 г., где они под руководством адепта новой религии – бурханизма – Чета Челпанова осуществляли массовое моление.

Изменение положения в аборигенной среде отразилось на конфессиональной ситуации у них. С одной стороны, ударными темпами осуществлялось их приобщение к православию. Но большинство современных исследователей констатирует чисто внешнее усвоение догматов христианства «инородцами», сохранение традиционных религиозных представлений и, прежде всего, шаманизма. После принятия указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. произошло резкое замедление процесса христианизации аборигенов, хотя он и не остановился. Следствием указанных тенденций стало формирование двоеверия у большинства аборигенов региона. Многие историки оценивают это как положительное явление. В отдельных случаях констатируется успешный синтез религиозных традиций. Хозяйственное и социокультурное развитие «инородцев» приводило к причудливому сочетанию традиционных и инновационных форм жизнедеятельности.

В то же время активное «наступление» на народы юга Сибири вели другие мировые религии: ислам и буддизм. Особый вариант реализации «национальной идеи» в религиозной оболочке продемонстрировали в начале XX в. алтайцы своей попыткой создания «новой алтайской веры», известной как бурханизм. По мнению Л.И. Шерстовой, «он цементировал только что сложившийся этнос», «а историческое мифотворчество воплотилось в мессианском образе Ойрат-хана, с приходом которого только алтайцы обретут новые ценностные ориентации и идеальный образ жизни». В этих обстоятельствах правительственная политика, направленная на приобщение аборигенных этносов Сибири к западной модели цивилизационного

развития, провоцировала социокультурный раскол в среде формирующихся национальных элит. Среди их представителей сформировались альтернативные варианты национального самосознания. Они ориентировались не только на западную цивилизацию в лице России, но и на интеграцию народов Центральной Азии, исповедующих буддизм (панмонголизм) и ислам.

На рубеже XIX – XX вв. значительная часть аборигенных этносов Сибири относилась к обществам переходного типа (от кочевого хозяйства к оседлому). И степень влияния на них российской цивилизации зависела от того, в какой стадии перехода на оседлость они находились и в какой степени они были погружены в русскоязычную среду. Так, хакасы, которые в большей степени перешли на оседлость и жили в тесном контакте с русскими, приняли христианство, а вместе с ним и европейский тип культуры. Среди алтайцев и западных бурят, которые находились на стадии перехода от кочевого к оседлому образу жизни, по этому пути пошла только часть родов, а другая избрала альтернативный вариант на основе буддизма (буряты) или бурханизма (алтайцы). Оставшиеся в рамках кочевого образа жизни забайкальские буряты, тувинцы и казахи целиком приобщились к буддизму и исламу.

Попытка сформулировать бурятскую «национальную идею» как основу для формирования национального самосознания и культуры в начале XX в. представлена в деятельности Ц. Жамцарано, А. Доржиева, Э.-Д. Ринчино и П. Бадмаева. Среди казахов наиболее последовательно происламскую позицию выражали А. Кунанбаев и мулла Н. Хазрет (Н. Таласов).

Но значительная часть представителей образованной элиты аборигенных этносов отдавала предпочтение русскому варианту культурного развития и образа жизни. Как следствие этого выбора формируется группа выдающихся представителей «инородческой» интеллигенции, ориентирующейся на европейскую цивилизационную модель. К их числу можно отнести М. Н. Богданова, Н. Ф. Катанова, С. Д. Майнагашева, Г. Г. Гуркина, Ч. Ч. Валиханова, А. Н. Букейханова, Г. В. Ксенофонтова и др. Кроме того, в начале XX в. среди российских мусульман, в том числе в Сибири, получило распространение либерально-обновленческое или джадидское движение, ориентировавшееся на либеральные круги российского общества. Возросло взаимопонимание православных и мусульман в Поволжье, Сибири и на Урале. Однако первая мировая война стимулировала обратный процесс, усилив тенденции к сепаратизму и национализму. Начиная с 1916 г., они вылились в волнения и проявления открытого недовольства. Причем решающую роль в этом процессе сыграла не религиозная и националистическая пропаганда враждебных государств, а порожденные социальными и политическими потрясениями сомнения в прочности империи.

Крайним проявлением этнорелигиозной напряженности стало восстание казахов в 1916 г. В современной казахской историографии оно

квалифицируется как национально-освободительное, обусловленное колониальной эксплуатацией региона и прежде всего массовым, насильственным изъятием земель у кочевников. Однако, у этих событий были и другие, вызванные конкретными обстоятельствами, причины. Толчком для начала волнений послужил царский указ от 25 июня 1916 г. о наборе (реквизиции), в том числе казахов, на тыловые работы. При этом взрыв возмущения вызвало не столько вообще нежелание отправляться на окопные работы, сколько массовые нарушения элементарной справедливости со стороны волостных начальников. При проведении мобилизации они действовали в соответствии с принципом этнической солидарности и записывали «в работы» исключительно иноплеменников. Показательна также степень жестокости, с которой было подавлено выступление. Таким образом, межэтнические противоречия не сводились только к конфликту вокруг землепользования, но охватывали различные стороны взаимоотношений.

Взгляд имперского правительства на значение для государства этнополитических и этносоциальных процессов в Сибири хорошо иллюстрирует высказывание двух виднейших чиновников, определявших политику в сфере землеустройства, – П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина: *«Киргизы не могут вечно оставаться кочевниками, если только они способны к культуре. Опыт последних лет свидетельствует о их способности перейти к земледельческому быту и показывает, что русское переселение в степь, связанное с неизбежным сокращением площади кочевания, служит к тому могущественным и пока единственным побудителем. Поэтому ревниво оберегать киргизскую степь и кочевое хозяйство на черноземе от прихода сюда русского земледельца было бы во всех отношениях ошибочно, даже по отношению к самим киргизам»* [22; С. 115]. Очевидно, что форсирование перевода кочевников-казахов на оседлость было напрямую обусловлено потребностями распространения вширь российского земледелия.

На политический аспект проблемы обращал внимание бывший военный министр А.Н. Куропаткин, призывая оценивать успешность интеграционных процессов на востоке империи с точки зрения заселения этих регионов «русским племенем». Он условно разделил территорию восточнее Волги на четыре района: 1) восемь губерний восточной и юго-восточной части Европейской России; 2) Тобольская, Томская и Енисейская губернии; 3) остальная часть Сибири и российский Дальний Восток; 4) Степной край и Туркестан. Первые два района (включая, таким образом, и Сибирь до Енисея), по его мнению, могут быть уже признаны «краем великорусским и православным». В третьем районе, хотя он тоже уже стал русским, процесс русификации еще не завершился, и усиливающаяся миграция китайцев и корейцев в Амурской и Приморской областях представляет серьезную угрозу отторжения его от империи. Еще более опасной ему виделась ситуация в четвертом районе.

Председатель Комитета министров и вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге в своем политическом завещании в 1895 году указывал на русскую колонизацию как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные различия: «Ослабление расовых особенностей окраин может быть достигнуто только привлечением в окраину коренного русского населения». ***Как мы видим, национальная политика царского правительства в Сибири ориентировалась как на решение экономических проблем центра (аграрное перенаселение и земельный голод), так и на задачи дальнейшей интеграции региона в общеимперское пространство посредством усиления присутствия русского этнического компонента.***

В то же время, как отмечает Е.П. Ковалышкина, «стремление к ликвидации особого способа жизнедеятельности сибирских народов, было основано на признании за ними социального равенства, собственно и дающего возможности для полного «природнения». Даже идеология русского национализма была обращена не на сегрегацию, а на социокультурную ассимиляцию «иностранцев», сохранив особенности этнополитических установок, проявившиеся в российской модели колонизации и в имперской идее прежних эпох» [22; С. 38)].

В целом, можно утверждать, что ***к концу рассматриваемого периода в основном завершилось формирование пришлого (русскоязычного) социума и заселение им наиболее благоприятных в природно-климатическом и экономическом отношении территорий.*** Характерной чертой миграций до 1930-х гг. являлась их аграрная направленность. Решающую роль в организации миграций сыграло государство; именно при его активном участии осуществлялось переселение в течение всего этого времени. В дальнейшем, при его же участии в Сибири и на Дальнем Востоке ***шел активный процесс консолидации славянского (и не только славянского) населения в «большую русскую нацию».*** Это касается, прежде всего, украинцев и белорусов, которые, с одной стороны, сохраняли довольно долго свой язык и черты бытовой культуры в условиях Сибири и Дальнего Востока. С другой стороны, они были более восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, демонстрировали большую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности. В отличие от Европейской России, где шел процесс формирования украинской и белорусской наций, вызывавший у петербургских властей политические опасения, в Азиатской России преобладали процессы стихийного культурного единения славянских народов. Имперское правительство полностью поддерживало эту тенденцию. Поглощение украинцев и белорусов русской нацией представлялось делом времени. До начала XX века в Сибири три славянских народа в официальных документах нередко обозначали одним термином – русские.

Особо стоит остановиться на вопросе о формировании сибирского сепаратизма. С одной стороны, как уже отмечалось ранее, есть основания выделять специфические черты психологического склада сибиряков – рационализм, индивидуализм, самостоятельность, чувство собственного достоинства. Эти качества сформировались под влиянием отсутствия помещичьего землевладения, наплыва ссыльных, незначительности административного аппарата и его отдаленности от разбросанных далеко друг от друга селений. В. П. Семенов Тянь-Шанский в 1895 г. так характеризовал обитателей региона: *«Приезжего из Европейской России сразу же приятно поражала свобода и непринужденность в обращении сибирских мужиков с приезжими «чиновниками». Сибиряк безо всякого приглашения прямо садился и несмотря ни на какое начальство сидел при нем и разговаривал самым непринужденным образом»*. Осознание экономического и культурного своеобразия Сибири, раздражение сибиряков, вызванное несправедливым отношением к ним столичных властей, создавало в сибирском обществе атмосферу отчуждения от Европейской России и общего недовольства, на которой и мог произрасти сибирский сепаратизм. С другой стороны, это неприятие существовавшего приниженного положения в составе империи так и не переросло в реальную опасность утраты Россией Сибири. Вместе с тем, отмечались многочисленные факты и свидетельства сепаратистских настроений сибиряков, и правительство само настойчиво искало борцов за сибирскую независимость (или автономию).

Остроту опасности формирования сибирской идентичности и регионального патриотизма в значительной степени сняло массовое переселенческое движение начала XX века, породившее напряженность в отношениях сибирских старожилов и новоселов. Массовый приток переселенцев размывал специфику русского старожильского населения, которая к концу столетия уже вполне определенно сформировалась. Между старожилами и переселенцами были существенные различия в менталитете, несмотря на существование единых мировоззренческих представлений.

В Сибири и на Дальнем Востоке все еще не доставало интеллектуалов, способных пропагандировать в массах идеи сибирской автономии, было мало высших и средних учебных заведений, местных культурных центров, а также региональных демократических институтов (не было даже земских органов), вокруг которых мог бы сфокусироваться сибирский патриотизм, перерастая во влиятельную политическую силу, способную, как это случилось в Австралии или Канаде, возглавить движение за независимое государство-нацию.

4. Развитие образования и просвещения.

В 1860-е гг. в Сибири проявилось характерное для европейской части страны общественно-педагогическое движение. Под его влиянием в Томске, Омске, Тобольске, Красноярске, Иркутске, Троицкосавске и других городах *открылись воскресные школы для взрослых культурно-просветительного*

характера. Они представляли собой общественное начинание по распространению грамотности и первоначальных знаний среди взрослого населения: рабочих, ремесленников. Организаторами и преподавателями в воскресных школах были представители передовой интеллигенции. К 1862 г. в Сибири действовало 15 воскресных школ.

Возрастало стремление народа к образованию, увеличивались пожертвования на школы как в городе, так и в сельских районах. Прогрессивные начинания в деле просвещения встречали противодействие царской власти. Было запрещено в начале 1860-х годов основание в Томской губернии Общества по распространению грамотности, устав которого составили преподаватели Томской гимназии. В 1860 г. в Омске удалось открыть Общество бесплатного обучения, но оно просуществовало недолго. В 1862 г. царское правительство закрыло воскресные школы, так как опасалось, что они станут очагами демократической пропаганды.

В 1867 г. в Иркутске возникло Восточносибирское отделение Русского технического общества. Его задача заключалась в том, чтобы способствовать распространению технических знаний и навыков, содействовать развитию местной промышленности и сельского хозяйства. В городах Сибири (Барнауле, Томске, Красноярске, Иркутске) создавались общественные библиотеки-читальни. Некоторые из них превращались в своего рода клубы местных литераторов и краеведов. Литературно-краеведческие кружки оживленно действовали в Кяхте и Нерчинске. В 1882 г. группой либерально-буржуазных деятелей во главе с сибирским меценатом П.И. Макушиным, владельцем типографий и книжных магазинов, было создано в Томске Общество попечения о начальном образовании. Оно содержало 4 приходских училища, вечерние повторительные классы, женскую рукодельную школу, бесплатную народную библиотеку. Общество действовало под девизом «Ни одного неграмотного». В 80-х годах вновь начали создаваться воскресные школы: в Томске (1881 г.), Иркутске (1885 г.), Кургане (1885 г.) и других городах. Эти школы были разрешены тогда с большим ограничением их программ и подчинены строгому надзору инспекции народных училищ.

Школьная сеть в предреформенное время «характеризуется ничтожными количественно размерами и крайней пестротой в отношении ведомственной принадлежности школ». В число учебных заведений входили Тобольская, Томская и Иркутская гимназии, уездные училища, Омский кадетский корпус, Девичий институт Восточной Сибири, духовные семинарии и духовные училища, приходские (в городах и селениях), сельские и казачьи начальные школы, приюты, частные школы. В Алтайском и Нерчинском округах действовали горнозаводские и горные школы.

Средние школы оставались недоступными для детей рабочих и крестьян. В Девичий институт принимались только дочери дворян, чиновников, именитых купцов; в семинариях и духовных училищах обучались сыновья духовенства, в «гимназиях с благородным пансионом» - дети чиновников, купцов и зажиточных мещан. Незначительным было

количество начальных школ. В 1860 г. в Тобольской губернии насчитывалось всего 15 сельских училищ, в которых обучались менее тысячи человек. В школах Томской губернии в 1859 г. учились 1115 учащихся. На 1 273 000 жителей Восточной Сибири приходилось 1644 учащихся. Особенно редко обучали грамоте девочек.

Во второй половине XIX в. количество школ возросло. С 1854 по 1888 г. было открыто 757 начальных училищ, с 1889 по 1908 г. еще 3890. Больше половины из них действовало в Западной Сибири. ***Общий уровень грамотности в Сибири (с дальневосточными областями) составлял, по переписи 1897 г., 12,4%, уровень грамотности в сельской местности не превышал 10 %, а среди женщин – 5 % в целом по Сибири и 3,2 в сельской местности.***

В Сибири получили распространение домашние, или «вольные», школы (обучение на дому). В роли педагогов в них часто выступали политические ссыльные, а также профессиональные учителя, попавшие в опалу, ссылку или вышедшие в вынужденную отставку. Сенатор А. Н. Куломзин во время поездки по Сибири установил, что около 33% опрошенных им рабочих приобрели грамотность в неофициальных школах. Процент сельского населения, получившего начальное образование в домашних, «вольных», школах, был еще выше.

Количество средних образовательных учреждений тоже увеличилось. В 1868 г. открылась мужская гимназия в Красноярске, в 1870 г. - в Омске. В Томске (1877 г.) и Тюмени (1879 г.) были открыты первые в Сибири реальные училища. К 1895 г. в Сибири насчитывалось 8 мужских гимназий, 3 прогимназии и 4 реальных училища. Значительно возросло количество учащихся. Всего на этот момент в Сибири было 36 общеобразовательных средних школ (с прогимназиями), к 1905 г. их стало более 50. Число учащихся увеличилось до 15 181. Новые средние школы открывались в Кургане, Петропавловске, Барнауле, Томске, Красноярске, Иркутске и других городах, расположенных на линии железной дороги.

С 60-х годов в сибирских городах начали открываться женские школы. Они делились на 2 разряда. В 60-х годах женские училища II разряда (с трехлетним обучением) появились в Томске, Иркутске, Семипалатинске, Тюмени, Енисейске, Ишиме, Ялуторовске, Каинске, Троицкосавске, Верхнеудинске, Нерчинске. В эти же годы в Томске, Омске, затем в Иркутске были открыты женские училища I разряда с шестилетним сроком обучения. В дальнейшем за училищами I разряда упрочилось название гимназий, а за училищами II разряда - прогимназий. В 1895 г. в Западной Сибири насчитывалось 3 женские гимназии и 12 прогимназий, в Восточной Сибири и Приамурском крае - 7 гимназий и 9 прогимназий. В 60-х годах открывались также женские училища III разряда. Они соответствовали мужским начальным училищам. Иногда при мужских училищах открывались женские отделения. Существовали и смешанные школы. В сельских местностях женские училища стали появляться в 70-х годах. С 1895 по 1914 г. в Сибири

общее число женских средних учебных заведений Министерства народного просвещения выросло с 24 до 50, т. е. в 2,8 раза, а число учащихся в них – с 3,8 тыс. чел. до 17,7 тыс., т. е. в 4,7 раза.

Темпы развития школьного образования в Сибири в конце XIX – начале XX в. были выше, чем в Европейской России, но стартовый уровень был значительно ниже, поэтому сохранялось значительное отставание от метрополии. **Общий охват первоначальным обучением в Сибири к 1 января 1915 г. составлял 39%, в то время как по империи он равнялся 51%. Особенно отставало обучение девочек.** Так, в Сибири среди общего числа учащихся начальных школ Министерства народного просвещения к 1914 г. было лишь 31.9% девочек. К 1914 г. в Сибири одно среднее учебное заведение Министерства народного просвещения приходилось на 119 тыс. кв. верст и на 123,5 тыс. жителей.

До 70-х годов в Сибири не было ни одного специального педагогического учебного заведения. Учителя назначались из лиц, окончивших уездные училища, духовные семинарии, гимназии или выдержавших при них испытание на звание учителя. С ростом количества школ выдвинулась задача специальной подготовки учителей. **В Сибири открывались учительские семинарии:** Омская и Иркутская (в 1872 г.), Красноярская (в 1873 г.), Читинская (в 1892 г.). По Положению о семинариях при них создавались начальные училища «с целью упражнения воспитанников в деле преподавания». В семинариях обучались 3 года. К концу XIX в. в учительских семинариях обучалось не более 220 чел., а выпуски из них составляли 60-70 чел. Открывались также специальные педагогические классы при женских гимназиях и епархиальных училищах, создавались краткосрочные педагогические курсы. Кадры учителей пополнялись также воспитанниками духовных семинарий и мужских гимназий. Паллиативные меры не помогли разрешить проблему педагогических кадров. Учителей повсюду не хватало. В начале XX в. было открыто 6 учительских семинарий в Западной Сибири и 6 в Восточной Сибири. Для подготовки учителей повышенной школы (городских и высших начальных училищ) открывались учительские институты. Это были учебные заведения типа средних, с трехгодичным курсом, на базе городского, а позднее высшего начального училища. Учительские институты открылись в Томске (1902 г.), Иркутске (1909 г.), Омске (1912 г.), Красноярске (1915 г.) и в Тобольске (1916 г.). Несмотря на это среди учителей по-прежнему было много тех, кто не имел профессионального образования.

Во второй половине столетия начинает развиваться специальное и техническое образование. В 1873 г. в Иркутске открылось Техническое училище. В 1890 г. оно было преобразовано в промышленное. Вторым техническим заведением в Сибири было Омское механико-техническое четырехклассное училище, открытое в 1882 г. В 1893 г. в Иркутске открылось Горное училище. Возникли первые в Сибири средние

медицинские школы: фельдшерская школа в Омске, школа фельдшериц и акушеров в Иркутске.

Дальнейшая профессионализация образования шла по линии открытия специальных коммерческих училищ, первое из которых было создано в Томске в 1901 г. Перед первой империалистической войной в Сибири было 6 коммерческих училищ (кроме Томска, - в Тюмени, Омске, Иркутске, Чите и Владивостоке). В результате крупных купеческих пожертвований и очень высокой платы за обучение эти учебные заведения хорошо оборудовались, имели высококвалифицированный педагогический персонал. Помимо общеобразовательных предметов, в них преподавались бухгалтерия, счетоводство, экономическая география и политическая экономия. В 1912 г. Томское коммерческое училище реорганизовано в среднее Политехническое училище с 3 специальными отделениями - коммерческим, землемерным и горным. Это было первое среднее учебное заведение подобного типа в России.

Для удовлетворения нужд железнодорожного транспорта (подготовки мастеров, техников, паровозных машинистов) начали создаваться низшие технические училища. Первое из них открылось в Томске в 1902 г., затем - в Омске, Красноярске и Хабаровске, в 1914 г. - в Барнауле. После 1910 г. в Сибири стали возникать торговые школы и классы (в Омске, Томске, Тобольске, Красноярске, Иркутске). В течение 900-х гг. в Сибири появился ряд низших учебных заведений для нужд сельского хозяйства - сельскохозяйственных, лесных, молочного хозяйства. Развитие переселенческой политики вызвало появление средних землемерных училищ. В 1915 г. их было 3 - Омское, Красноярское, Читинское. Перед войной в Омске и под Иркутском (Жердовское) открылись 2 средних сельскохозяйственных училища.

Военно-профессиональное образование в Сибири к концу XIX в. было представлено юнкерским училищем в Иркутске, возникшим в 70-е годы, и кадетскими корпусами в Омске и Хабаровске.

К сословно-профессиональным учебным заведениям причислялись духовные семинарии. В Сибири существовало 5 духовных семинарий (Тобольская, Томская, Иркутская, Якутская и Благовещенская), имевших своим назначением подготовку священников. В семинарии принимали главным образом сыновей духовенства, прошедших курс четырехлетнего духовного училища. Первые 4 класса духовных семинарий были смешанными. В них преподавались общеобразовательные и специальные предметы. Два старших класса имели чисто профессиональное назначение. После реформы 1867 г., ликвидировавшей сословную замкнутость духовенства, в семинарии принимались дети из всех сословий.

В первое десятилетие XX в. развиваются всевозможные внешкольные формы просвещения - различные общества, библиотеки, воскресные школы и классы, народные чтения и пр. Они возрождались под влиянием подъема в общественном движении. Наибольшее распространение получили общества

попечения о народном образовании, созданные почти во всех сибирских городах. Число членов некоторых из них превышало 500 чел. (Омское, Барнаульское, Красноярское), а в отдельных случаях было свыше тысячи, доходя в некоторые годы до 1400 (например, Томское). Общества располагали значительным годовым бюджетом, а их неприкосновенные капиталы и недвижимая собственность порой достигали десятков тысяч рублей.

Либеральная часть сибирской общественности видела в этих просветительных обществах прообраз земских организаций в Сибири, и значительно расширяла официальные уставные рамки их деятельности. Они занимались не только начальными школами, но и устройством воскресных школ для рабочих, проводили народные чтения, устраивали бесплатные библиотеки-читальни, открывали классы технического рисования, летние курсы труда для учителей, создавали музеи прикладных знаний с отделами - ремесленно-техническим, сельскохозяйственным, горным, золотопромышленным и т. д. В некоторых обществах появились рукодельные и кулинарные школы для девочек. Деятельность многих из них вышла за рамки городов и охватила сельскую местность. В воскресных школах часто учителями выступали политические ссыльные.

Во второй половине XIX в. был остро поставлен вопрос об открытии в Сибири университета. В 60-70-х годах борьба прогрессивной сибирской интеллигенции за осуществление этой идеи была поддержана представителями крупной промышленной и торговой буржуазии. В частности, томский городской голова, золотопромышленник З. М. Цибульский и известный организатор полярных исследований А. М. Сибиряков внесли на строительство университета по 100 тыс. руб. Со статьями в печати и докладами о сибирском университете выступали широко известные ученые и публицисты областного направления – А. П. Щапов, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, С. С. Шашков. Когда решение было принято, между городами – Тобольском, Томском, Омском, Тюменью, Иркутском, Красноярском – развернулась острая борьба за право открытия университета. ***Победил Томск, и в 1880 г. в нем состоялась закладка зданий первого сибирского университета, а в 1888 г. начались учебные занятия.*** Но университет открылся лишь с одним, медицинским, факультетом, и только в 1898 г. в нем начал функционировать юридический.

К началу учебно-научной деятельности университет располагал уже весьма солидной базой – хорошо оборудованными аудиториями, кабинетами, лабораториями, клиниками. Ученым-ботаником проф. П. Н. Крыловым был создан ботанический сад и гербарий. Фонды научной библиотеки университета при ее основании составились из книг-уникумов, пожертвованных А. М. Сибиряковым, графом А. Г. Строгановым, князем С. М. Голицыным, купленных у академика А. В. Никитенко и др.

Количество студентов вначале не превышало 65-120 чел. Выпуски были весьма малочисленны. За первые 10 лет из стен университета вышло

всего 303 врача. Открытие юридического факультета оживило и учебно-научную, и общественную жизнь университета. Число студентов к 1900 г. возросло до 549 чел. Томский университет в конце XIX в. начал играть большую роль в общественном движении. Студенчество и прогрессивные профессора принимали активное участие в революционных выступлениях. За период с 1904 по 1907 г. число окончивших университет составляло 308 чел., а выбыло по разным причинам (главным образом за революционные выступления) 676 студентов.

В 1895 г. в научных и промышленных кругах страны встал вопрос об открытии второго высшего учебного заведения в Сибири. Созданная с этой целью комиссия из профессоров университета высказалась за открытие физико-математического факультета. Но при дальнейшей разработке вопроса было признано более целесообразным создание самостоятельного Технологического института в Томске. Профессор Е. Л. Зубашев, назначенный Министерством народного просвещения директором института, выступил с предложением об организации в его составе 4 отделений: механического, химического, горного и инженерно-строительного. Первые 2 отделения начали функционировать с осени 1900 г., горное отделение - с 1901 и инженерно-строительное - с 1902 г. Пять больших учебных корпусов, механические мастерские, газовый завод появились по соседству с Томским университетом. По инициативе ученых института в Томске были созданы 2 общественные организации - Томское отделение Русского технического общества и Общество сибирских инженеров.

Число студентов всех отделений достигло в 1913 г. 1167 чел. Уроженцам Сибири при поступлении предоставлялось право льготного зачисления вне конкурса. Первый выпуск должен был состояться весной 1905 г., но вследствие закрытия института из-за революционных волнений учащейся молодежи (с января 1905 по сентябрь 1906 г.) он состоялся лишь в ноябре 1906 г. Получили диплом инженера всего 16 чел. Хотя впоследствии число выпускников и повысилось, выпуски по-прежнему продолжали оставаться незначительными: за 17 дореволюционных лет институт подготовил 880 инженеров-механиков, химиков, горняков, геологов и строителей.

Постройка Китайско-Восточной железной дороги и активизация политики царского правительства на Дальнем Востоке увеличили потребность в специалистах-востоковедах. Возрос прежде всего спрос на лиц, знающих восточные языки. Эти обстоятельства вызвали необходимость **создания в 1898 г. во Владивостоке Восточного института** с 4 отделениями: китайско-японским, китайско-корейским, китайско-монгольским и китайско-маньчжурским. **Итак, к 1917 г. Сибирь имела 4 высших учебных заведения (Томский университет, Технологический институт, Восточный институт и женские курсы при университете),** но это явно не удовлетворяло быстро растущие нужды в высококвалифицированных кадрах столь обширного края.

С особой остротой встал вопрос об учреждении второго сибирского университета в Иркутске. В 1916 г. министр народного просвещения граф Игнатьев поддержал ходатайство сибирской общественности. Но реализация этого решения так и не была осуществлена царским правительством

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Как влиял рост переселения на социально-политическую ситуацию в Сибири?
2. За счет каких источников происходил рост населения городов и рабочего класса?
3. Какие социальные и черты были характерны для сибирской интеллигенции?
4. В чем специфика формирования и развития предпринимательского сословия Сибири?
5. В чем состояло позитивное и негативное влияние ссылки на сибирское общество?
6. Какие просветительские организации возникали в Сибири во второй половине XIX в.?
7. Какие типы учебных заведений развивались в данный период в Сибири?
8. Как менялся уровень развития грамотности?
9. Когда и какие высшие учебные заведения возникли в Сибири?
10. Какое влияние по вашему мнению оказало на развитие сибирского общества открытие высших учебных заведений? Смогли ли они изменить культурную и общественно-политическую ситуацию в регионе?
11. Сформулируйте позитивные и негативные последствия массового переселения крестьян из европейской России для развития аборигенных этносов Сибири.
12. Возможно ли было, по вашему мнению, избежать противоречий между задачами российской аграрной колонизации и интересами сибирских «инородцев».

Тема 4. Революция 1917 г. в Сибири.

1. Специфика формирования новых органов власти в Сибири.
2. Партийное строительство
3. Формирование и деятельность Советов и общественных организаций.
4. Крестьянское движение в период революции
5. Активизация национальных движений

1. Специфика формирования новых органов власти в Сибири.

Революцию 1917 г. в России можно назвать «революцией центра». В азиатской колонии России *социально-политические и экономические*

предпосылки революции не сложились. Во-первых, продовольственные и экономические трудности, вызванные войной, не были, по сравнению с европейской Россией, настолько острыми. Подавляющее большинство населения оставалось крестьянами и, следовательно, имели собственное хозяйство и не зависели от жалования и заработной платы, которые постоянно обесценивались в условиях войны. Перебои с подвозом продовольствия, характерные для крупных центральных городов, целиком зависимых от внешних источников снабжения, городам Сибири практически не угрожали. Значительная часть горожан, как и сельские жители, могли рассчитывать на собственное хозяйство (в Сибири, как и по всей русской провинции значительная часть городского населения имела приусадебные хозяйства), пути сообщения между городом и деревней не были нарушены, местные рынки по-прежнему функционировали.

Во-вторых, население отличалось низким уровнем политизации. Большинство политических партий, за исключением нелегальных революционных, не имели местных провинциальных отделений. Наиболее влиятельные – эсеры и социал-демократы – в большинстве своем были представлены одиночными агитаторами, не имевшими к тому же прочных связей с местной средой.

В-третьих, социально-классовые конфликты в регионе не достигли такой остроты, как в европейском центре. В небольших населенных пунктах, где все являются соседями и хорошо знают друг друга, была прочнее корпоративная солидарность, не так бросалось в глаза имущественное расслоение и социальные контрасты. Массовая пауперизация, как и накопление сверхдоходов, – явление, характерное для больших городов. Тем более, что в городах Сибири, которые по преимуществу были торговыми, а не индустриальными, не было значительной прослойки рабочего населения, поскольку не было крупных предприятий со значительным скоплением рабочих. А именно рабочий класс был социальной опорой революционных настроений, живя в тяжелых бытовых условиях, испытывая отчуждение от результатов труда, эксплуатацию со стороны собственников и администрации предприятий.

Непосредственно в дни февральской революции специфика Сибири как отдаленного региона проявилась в том, что **местное высшее чиновничество первоначально пыталось придержать информацию о событиях, происходящих в Петрограде**. Первая официальная информация из Петрограда о революции и формировании Временного правительства была получена в Тюмени, Омске, Томске, Иркутске, Владивостоке, других крупных городах Сибири и регионов России по железнодорожному телеграфу в ночь с 28 февраля на 1 марта из телеграммы депутата Государственной думы А.А. Бубликова, назначенного комиссаром министерства путей сообщения [36; С.32]. Но в Томске совещание высших чиновников губернии во главе с губернатором решило задержать опубликование полученных телеграмм. По-видимому, в тот момент

губернаторы и генерал-губернаторы плохо представляли себе реальную ситуацию в Петрограде и масштаб событий. Иркутский генерал-губернатор А.И. Пильц 1 марта просил в своей телеграмме в Министерство внутренних дел «срочно сообщить положение» [35; С. 32]. В связи с неясностью обстановки по его распоряжению Иркутске с 1 марта в местной газете «Сибирь» совершенно исчезли телеграммы из Петрограда. В Тобольске правительственная газета «Тобольские губернские ведомости» до 7 марта упорно молчала. Это можно объяснить характерной для чиновников осторожностью. Видимо, боялись ложных слухов и провокаций, думали о том, что это локальные и временные инциденты, и вскоре правительственный контроль восстановится, боялись, что их обвинят в отсутствии лояльности к власти. Боялись утратить контроль над ситуацией в условиях малочисленности войск и полиции. Поэтому первые известия о происходящих событиях поступали частным образом, еще 27-28 февраля – например, через телеграфистов, симпатизировавших революционерам. Так информация поступила красноярским рабочим железнодорожного телеграфа, связистам Ачинска, Киренска, также распространилась среди рабочих Черемхово, Томска, Иркутска.

Местная высшая власть была озабочена сохранением порядка и спокойствия среди населения и в войсках. Для выяснения настроений общества, обеспечения лояльности и обсуждения вопроса о надежности воинских гарнизонов, мерах «пресечения могущих возникнуть беспорядков» некоторые главы администрации – Иркутский генерал-губернатор, Якутский и Томский губернаторы – организовали совещания с командующими войсками, начальниками жандармских и охранных управлений, крупными чиновниками.

По Иркутскому генерал-губернаторству 1 марта был издан приказ Пильца о введении военного положения и запрещении «всякого рода собраний, сходок и манифестаций». Но распространявшиеся слухи вызвали массовые митинги и демонстрации. Уже второго марта иркутский приказ был отменен. Со второго марта в Томске были опубликованы все известия из Петрограда, а к 3-4 марта практически во всех газетах Сибири уже появилась информация о произошедшем государственном перевороте. Возможно, после отречения Николая стала очевидной неотвратимость происходивших событий. Реакция сибирского общества на ликвидацию монархии скорее можно характеризовать как пассивную. Определенную роль в его настроениях сыграло падение престижа монархии, ставшее следствием непопулярной войны. Интеллигенция и цензовые группы в Сибири и раньше отличались оппозиционными настроениями и отсутствием преданности власти. Настроения рабочих тоже были вполне предсказуемы. Политизирующее влияние на солдат местных гарнизонов оказали выступления рабочих и агитация большевиков. Солдаты уже 2-3 марта встали на сторону революции, устраивали митинги и вывешивали красные флаги. Обращает на себя внимание отсутствие монархических выступлений

среди крестьянства. Отчасти это объясняется преимущественно протестным характером крестьянских выступлений – они чаще направлены против чего-либо, а не в поддержку.

После окончательного утверждения в Петрограде Временного правительства в Сибири начались стихийные ликвидации органов власти старого режима и расправы над отдельными его представителями. В частности, происходило разоружение жандармерии и полиции, были случаи расстрелов наиболее ненавистных жандармов. Рабочие арестовывали царских чиновников, солдаты – монархически настроенных офицеров. Одновременно происходило формирование системы органов государственного управления новой власти. На этот процесс существенно повлияла специфика региона (отсутствие земства).

В Сибири до Февральской революции существовали цензовые городские думы и военно-промышленные комитеты, действовали союзы городов, биржевые комитеты, поднимавшие ряд политических вопросов, съезды промышленников. Для решения вопроса о создании органов новой власти происходили заседания городских дум с участием общественных организаций. ***Подавляющее большинство возникших формирований до осени 1917 г. поддерживало Временное правительство и его политику.*** Отсутствие жесткой социальной дифференциации, немногочисленность городского населения и интеллигенции предопределили тенденцию к объединению формально разнородных политических сил под областническими лозунгами. ***Такими специфически сибирскими организациями в Сибири стали комитеты общественной безопасности (КОБы) и аналогичные им учреждения с похожими названиями*** – комитеты общественного порядка и безопасности, комитеты общественного спасения, комитеты общественных организаций и т. п. Для них характерна самая широкая коалиция разных политических сил, включая даже большевиков.

Со 2 по 5 марта организовались Коалиционный комитет в Омске, Комитет общественных организаций в Иркутске, Общественный комитет в Черемхово, комитеты общественной безопасности в Красноярске, Якутске, Владивостоке, Хабаровске, Петропавловске-на-Камчатке, Временный комитет общественного порядка и безопасности в Томске, временные исполнительные комитеты в Николаевске-на-Амуре и в Тюмени, Комитет общественного спокойствия в Тобольске и других городах. В общем в первые же дни революции комитеты общественной безопасности (КОБы) были созданы во всех губернских и уездных центрах, крупных промышленных пунктах Сибири. В состав КОБов избирались представители цензовых кругов, духовенства, офицеры царской армии, мещане, члены различных политических партий. Практически были представлены все социальные слои и группы горожан кроме представителей верхушки царской администрации, высших чинов жандармерии и полиции. Как правило они представляли общественные и политические организации, от которых были

избраны. Уже через несколько дней численность Красноярского комитета достигла 80 чел., Томского и Тюменского – более 100, Курганского – около 200, Иркутского – почти 300 [36; С.32 – 34].

Были случаи отказа от участия в выборах КОБов со стороны рабочих и крестьян. В Томске рабочие железнодорожники, направленные представителями от железнодорожных рабочих и служащих во Временный комитет общественного порядка и безопасности, отказались участвовать в его работе, как в органе, агитирующем за поддержку Временного правительства. В Прибайкалье крестьяне Кударинской и Кударо-Бурятской волостей Селенгинского уезда (с населением в 20 тыс. чел.) в марте 1917 г. под влиянием большевиков вместо комитетов общественной безопасности избрали сразу свои органы власти. Но в большинстве широкие народные массы оказали доверие Временному правительству и его органам на местах и послали в эти органы своих представителей. *По партийному составу комитеты оказались в основном эсеро-меньшевистскими* (даже те, во главе которых были кадеты – в Барнауле, Бийске и др.).

Вместе с тем, отношение сибирских организаций ПСР к Временному правительству складывалось неоднозначно. В мае 1917 г. конференция членов ПСР Томской губернии приняла резолюцию о поддержке Временного правительства: «До тех пор, пока в составе министров находятся социалисты, Временному правительству нового состава должна быть оказана полная поддержка и выражено полное доверие». О такой же поддержке правительства в то время заявили и иркутские эсеры на губернском совещании своей партии. Но, поддерживая правительство, эсеры вынуждены были «поддерживать его и в ведении войны», но только до тех пор, пока не будет создано «организованное давление демократии всех воюющих стран на свои правительства в целях объявления условий мира». По мере углубления революции изменялось отношение сибирских эсеров к вопросу о войне и об отношении к правительству. [31; С. 61].

Временное правительство назначило во все губернии, области и уезды страны своих комиссаров. В Сибири *губернскими, областными, уездными комиссарами Временного правительства по большей части оказались также меньшевики и эсеры*, утвержденные Временным правительством по представлению местных комитетов общественной безопасности. Часто это были председатели тех же комитетов. По мере организации комитетов общественной безопасности шла их централизация. В Иркутской губернии с оформлением областных и губернских комитетов общественной безопасности был создан и краевой центральный орган в пределах бывшего генерал-губернаторства. КОБы ставили своей целью недопущение вакуума власти в процессе перехода ее из одних рук в другие, обеспечение порядка и безопасности населения, сохранения действующей налоговой системы, способствовали проведению займа на продолжение войны, упраздняли полицию и создавали вместо нее народную милицию. Дело в том, что пришедшая с революцией свобода имела и обратную сторону, принеся

амнистию уголовников и усугубив криминогенную ситуацию в городах. Так, в Томске, где скопилось до 1500 амнистированных уголовных и ожидалось прибытие из Восточной Сибири еще 4 тыс. бывших уголовных ссыльных, местные власти вынуждены были в конце мая – начале июня 1917 г. внести военное положение, чтобы задержать многочисленных преступников из амнистированных, оказавшихся в гарнизоне и городе.

Из-за отсутствия правовой базы, регулирующей их деятельность, Комитеты вынуждены были самостоятельно определять свои права, структуру, функции и направления работы. Возникнув вначале в качестве городских, они сразу же распространили свою компетенцию на близлежащие территории – уезды и целые губернии. В целях объединения сил и для выработки единой политической линии с первых дней их образования были созданы в ряде мест Сибири съезды комитетов. Для организации власти в деревне посылались представители краевых, областных, губернских, уездных и крупных городских комитетов общественной безопасности.

В первую очередь эти новые органы власти должны были определить свою позицию по отношению к «слугам старого режима» - представителям высшей царской администрации, военной и гражданской. Большинство этих представителей почти сразу заявило о своей лояльности и готовности служить Временному правительству, что, однако, не гарантировало им свободы. Уже через несколько дней по распоряжению КОБов были арестованы генерал-губернаторы, губернаторы, начальники жандармских управлений, полицмейстеры и некоторые уездные исправники. Чаще всего это делалось по требованию Временного правительства или местных радикальных групп – солдат и рабочих. К тому же аресты стали свидетельством «победившей революции», демонстрировавшим населению факт ее свершения. Вместо упраздненных органов имперской власти КОБы создавали новые структуры и назначали новых начальников.

2. Партийное строительство

Победа революции и первые декларации Временного правительства дали толчок активному партийному строительству. *Так в апреле 1917 г. вышло постановление «О собраниях и союзах», которое оповещало о праве всех российских граждан «без особого на то разрешения устраивать собрания как в закрытых помещениях, так и под открытым небом».* Российские граждане получали также право «без особого на то разрешения образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам».

До революции большинство местных отделений политических партий в Сибири переживало кризис. Опираясь на новые законоположения, в стране, в том числе и в Сибири, стали выходить из подполья и создаваться многие политические и общественные организации. В марте-апреле 1917 г. в Сибири развернулась открытая деятельность таких ранее запрещавшихся партий, как социал-демократическая, социалистов-революционеров, были

воссозданы или созданы вновь профессиональные союзы, культурно-просветительные, профессиональные и национальные организации. Так, в Томске первое открытое собрание социал-демократической организации состоялось уже 3 марта 1917 г., «Бунд» собрался 6 марта, эсеры – 10 марта, кадеты – 12 марта. На нескольких собраниях в течение трех дней 17-19 марта, члены партии Народной свободы (кадетов) создали комитет партии, избрав председателем профессора В.Н.Саввина, провели выборы делегатов на Всероссийский съезд партии. До 21 апреля 1917 г. в Томске сформировалась группа анархистов, к 29 мая – организация народных социалистов (энесов).

В целом по Сибири первыми официально оформили свои ряды эсеры. До 10 марта 1917 г. они провели организационные собрания во всех областных и губернских городах края, во многих уездных городах. В апреле 1917 г. прошла первая региональная Западно-Сибирская конференция эсеров в Омске. ***Летом и осенью 1917 г. были созданы губернские и областные организации РСДРП.*** Поскольку еще осенью 1916 г. произошел раскол единой социал-демократической партии в Сибири, то в некоторых административно-территориальных объединениях летом 1917 г. возникали сначала объединенные организации, а осенью – уже либо меньшевистские, либо большевистские губернские и областные организации. На протяжении весны – лета 1917 г. продолжался рост активности политических партий всех направлений. В первую очередь она выражалась в созыве региональных съездов. Всего в течение марта – октября 1917 г. в Сибири прошло 60 съездов, конференции и совещаний политических партий, из них 28 провели эсеры, 24 – социал-демократы, 4 – кадеты, по 1 – энесы, анархисты, польские социал-демократы и бундовцы [31; С. 53-56].

Таким образом, наибольшей активностью, численностью и влиянием выделялась партия эсеров. На втором месте в марте-октябре 1917 г. стояли социал-демократы. Если в марте 1917 г. в регионе насчитывалось 25 социал-демократических организаций, в июле – более 70. Почти половина их размещалась в городах и поселках вдоль линии Транссибирской магистрали. Для социал-демократических организаций Сибири важнейшим был вопрос о совместном существовании двух фракций – меньшевиков и большевиков. Выйдя из подполья, сибирские социал-демократы действовали в рамках объединенных организаций. Вопрос о разьединении, о создании самостоятельных большевистских организаций в Сибири обсуждался довольно долгое время, но не решался в силу малочисленности сибирских социал-демократов. Однако, в первые послереволюционные недели и месяцы социал-демократы Сибири выступали за объединенную организацию. В конце апреля 1917 г. в Красноярске собралась Западно-Сибирская конференция объединенных организаций РСДРП, на которой признавалось, что настоящей задачей являлось «объединение всех социал-демократических сил под знаменем партии» [31; С. 71 – 73]. После VI съезда РСДРП(б), проведенного 26 июля – 3 августа в

Петрограде и указавшего на необходимость разрыва с меньшевиками-оборонцами, процесс партийного размежевания в Сибири ускорился.

Наряду с крупными социалистическими партиями – эсеров и социал-демократов – в Сибири активно действовали небольшие по численности социалистические партии – «Бунд», польских социалистов и народных социалистов, энесов. Народные социалисты провели только одну губернскую конференцию в Томске в августе 1917 г. После Февральской революции в Сибири возникла организация анархистов. Она создала свои отделения в Томске, Красноярске, Иркутске, Чите, с. Черемхово. В июле 1917 г. анархисты собрали в Иркутске всесибирский съезд, на котором присутствовало 18 делегатов из разных городов региона. Однако попытки представителей разных анархистских групп найти между собой общий язык, сформулировать программу деятельности не имели успеха. Это мероприятие носило закрытый характер и слабое освещалось в прессе. Осенью 1917 г. часть сибирских анархистов присоединилась к большевикам, сохранив, однако, свою партийную обособленность.

Партия «Народной свободы» (кадетов) была единственной буржуазная партией, которая действовала в Сибири после Февральской революции. Ее политическая активность значительно уступала социалистическим партиям – на протяжении марта-октября 1917 г. состоялся один общесибирский съезд кадетов в Томске (конец апреля – начало мая), три губернских – в Красноярске, Тобольске и Чите. На своих съездах и конференциях кадеты уделяли основное внимание вопросам организации управления Сибирью, подготовке к выборам в местные органы власти и Учредительное собрание, выступали за продолжение войны. Будущее Сибири кадеты представляли в виде самоуправляющейся, на началах автономии, части России со своим законодательным органом – Сибирской областной думой. На проходившем в конце апреля – начале мая 1917 г. всесибирском съезде партии было предложено создать несколько сибирских областных дум как законодательных органов. [31; С. 78].

В воссоздании местных организаций политических партий, в особенности радикальных, а также формировании органов революционной власти значительную роль сыграли ссыльные. В канун Февральской революции 1917 г. в Сибири находилось не менее 9346 политических ссыльных и 485 политкаторжан, всего 9831 чел. При этом в Восточной Сибири ссыльных было почти в 2 раза больше, чем в Западной. В последней выделялась Томская губерния. По партийному составу большинство представляли члены РСДРП – 61 %, самой многочисленной группой были большевики – 41%. Большинство ссыльных и каторжан в марте-мае 1917 г. вернулись на родину. Но многие либо задержались в Сибири, либо остались вообще, тем более что определенная часть из них были уроженцами Сибири. Среди них такие известные деятели разных политических ориентаций, как А.В. Адрианов, В.И. Анучин, А.В. Байкалов, П.В. Вологодский, братья А.С. и П.С. Сухановы, Е.М. Ярославский. Среди

сибирских политических активистов, обеспечивших в местах поселения ликвидацию старых органов власти, создание временных комитетов, комитетов общественной безопасности, Советов ссыльные составляли около 30%, т.е. каждый третий-четвертый были из числа политических ссыльных.

Ссыльные, большевики и меньшевики, стали инициаторами восстановления наиболее влиятельных объединенных организаций РСДРП: Красноярской, Иркутской, Томской, Читинской, Барнаульской, Омской. В процессе организационного размежевания и создания самостоятельных большевистских организаций в Красноярске, Томске, Омске, Барнауле, Новониколаевске, Иркутске также активное участие принимали ссыльные. Многие возглавляли меньшевистские, эсеровские, анархистские организации. Главные усилия ссыльные активисты сосредоточили на формировании новых органов власти и управления: Комитетов общественной безопасности, других временных комитетов, народных собраний, городского и земского самоуправления. Не менее 74 ссыльных входили в состав 33 временных комитетов. Ряд ссыльных, в том числе и либералов, ранее подвергавшихся административным репрессиям, стали комиссарами Временного правительства. Более 30 активно работали в органах городского и земского самоуправления. Некоторые из них возглавляли в разное время городские думы.

3. Формирование и деятельность Советов и общественных организаций.

Одновременно с комитетами общественной безопасности уже с первых чисел марта во многих уездных и губернских городах Сибири и особенно в рабочих районах создавались ***Советы*** – либо отдельно рабочих депутатов, либо объединенные солдатских и рабочих, рабочих и военных. Всего с 1 по 5 марта в Сибири (с Дальним Востоком) было создано 20 Советов, а за весь март - 67. ***В октябре 1917 г., по имеющимся в литературе сведениям, в Сибири действовало уже 99 Советов.*** При этом 45 из них были чисто рабочими, 40 – Советами рабочих и солдатских депутатов [31; С. 109].

Партийный состав Советов рабочих и солдатских депутатов был очень пестрым. В ряде Советов большевикам удалось завоевать большинство мест уже в марте 1917 г. Так, большевики преобладали в Красноярском, Енисейском, Томском, Канском, Ачинском Советах. В некоторых Советах большевики, не имея господствующего положения, сумели провести на руководящие посты своих представителей: в Советах Кузбасса, в Новониколаевском и Минусинском. Но в большинстве Советов Сибири, особенно крестьянских, в начале революции преобладали меньшевики и эсеры. Поэтому они определяли политику Советов, направляя ее на поддержку Временного правительства и КОБов. Так, в Иркутске Совет рабочих депутатов рекомендовал всем профсоюзам послать своих представителей в Комитет общественных организаций. Даже красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов, в котором преобладали большевики, послал своих представителей в объединенное исполнительное бюро

Комитета общественной безопасности и Совета. Аналогичную позицию заняли томский и омский Советы. ***В целом, вплоть до осени 1917 г. Советы Сибири, за редким исключением, функционировали как общественно-политические объединения рабочих, не претендовавшие на власть.***

Высшей точкой развития Советов до провозглашения советской власти большевиками стал ***I Общесибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходивший 16-23 октября 1917 г. в Иркутске.*** На нем были сформированы секции – военная, рабочая, культурно-просветительная, транспортная и организационная, было принято решение о создании Центрального исполнительного комитета Советов Сибири – ***Центросибири***, ставшего руководящим советским органом края между общесибирскими съездами. Первым председателем Центросибири был избран Б.З. Щумяцкий. Съезд высказался за то, что ожидаемый «II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должен немедленно взять власть в свои руки в центре и – в согласии с ним – местные Советы на местах»

Наряду с политическими создавались общественные организации, прежде всего кооперативы и культурно-просветительные общества. Среди рабочих создавались профсоюзы и фабрично-заводские комитеты. По данным Д.М. Зольникова, летом 1917 г. в Сибири существовало более 200 профсоюзов рабочих и служащих, которые объединяли до 85 тыс. человек. Профсоюзы активно создавались и действовали в наиболее крупных городах региона – в Томске (70 рабочих профсоюзов), в Омске (32 союза), в Новониколаевске, Красноярске (по 14). Профсоюзы объединяли тогда до 50% сибирских рабочих. К октябрю 1917 г. численность профсоюзов увеличилась до 286.

Под именем фабрично-заводских комитетов функционировали, в действительности, разнообразные структуры – советы старост, уполномоченных, рудничные комитеты и другие подобные объединения. Создание и деятельность их были санкционированы Временным правительством, издавшим 23 апреля 1917 г. специальное постановление «О рабочих комитетах в промышленных предприятиях». В течение марта-июня 1917 г. комитеты возникли в Томске, Барнауле, Тюмени, Омске, Иркутске, Красноярске, Кургане, на шахтах Кузбасса и Черемховского угольного района. Особенно активно они работали в Красноярске (на 14 предприятиях города), в Омске (не менее, чем на 10 предприятиях), где их созданием и деятельностью руководили большевики. [2; С. 110-111].

Но в целом, на начальном этапе влияние большевиков было в этих организациях слабым. Одним из главных требований рабочих к предпринимателям было требование о 8-часовом рабочем дне. В Кузбассе, на Анжерских и Судженских копях, рудничные комитеты вводили 8-часовой рабочий день явочным порядком. В Кольчугино еще в марте рабочие под угрозой забастовки заставили промышленников установить 8-часовой рабочий день. Совет Арбагарских угольных копей (близ Нерчинска) в апреле

ввел 8-часовой рабочий день при трехсменной работе. На многих предприятиях рабочие устранили прежнюю администрацию – например, на Анжерских и Судженских копях, Мариинских приисках.

4. Крестьянское движение в период революции

Активизация политических настроений в деревне происходила под влиянием городов, поэтому в первую очередь проявилась в селах, находившихся в промышленных районах или близ крупных городов. Например, в районе Черемховских копей Иркутской губернии и в Кузбассе. Остальная деревня включилась в события позже. В некоторых селах волостные сходы принимали приговоры в поддержку свержения монархического режима. От имени сходов в адрес Государственной думы, Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов посылались телеграммы. Также начались аресты и изгнание представителей местной власти - крестьянских начальников, приставов, урядников и прочих.

В дальнейшем крестьяне принимали активное участие в организации органов местного государственного управления (волостных и сельских комитетов, затем - Советов крестьянских депутатов), земского самоуправления (которые были введены в Сибири только в 1917 г.). Политические партии, в особенности, ПСР и РСДРП, рассматривали крестьянство как сферу своего особого внимания. Политическое воздействие на крестьян осуществлялось по различным каналам: через периодическую печать, листовки и брошюры, целенаправленно издаваемые и распространяемые в деревне. В качестве агентов большевиков выступали солдаты-фронтовики, которые посылались в деревню с агитационными и пропагандистскими задачами. Социалисты-революционеры использовали для политического просвещения крестьянства созданную ими разветвленную сеть отделений Крестьянского союза. Создавались и действовали крестьянские группы и ячейки политических партий.

Советы рабочих и солдатских депутатов пытались вести организационную и политическую работу среди крестьян. Они создавали крестьянские секции, комиссии, отделы: при Томском Совете солдатских депутатов, Новониколаевском и Бийском Советах рабочих и солдатских депутатов. Отдельные крестьянские Советы возникали в некоторых городах и промышленных районах – Иркутске, Кемеровском руднике. Некоторые Советы уже сразу оформились как объединенные организации рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: в Тюмени, в Енисейской губернии и в отдельных уездных городах Тобольской губернии. К октябрю 1917 г. их было около полутора десятков. Но влияние всех этих организаций распространялось только на близлежащие деревни. Воздействие Советов рабочих и солдатских депутатов на сибирское крестьянство в целом стало реально заметным значительно позже. Советы крестьянских депутатов организовывались и некоторых деревнях, чаще – под влиянием ссыльных

большевиков, рабочих близлежащих промышленных районов и солдат. Так, они оформились в деревнях Кузбасса, и некоторых других районов Томской губернии, в Прибайкалье, Иркутской губернии. Был организован даже Западносибирский Совет крестьянских депутатов. Но подобные случаи в первой половине 1917 г. были в Сибири в то время единичны. ***Организация крестьян Сибири в Советы депутатов, как и по всей России, стала широко разворачиваться лишь летом 1917 г., а в некоторых селах создание Советов затянулось до конца 1917 – начала 1918 г.***

Гораздо чаще крестьяне под воздействием организационной работы эсеров создавали комитеты общественного порядка и безопасности, крестьянские союзы, созывали различные крестьянские съезды. Более ста таких съездов состоялось в Западной Сибири за период 1917 - первой половины 1918 г., в Восточной Сибири – более сорока. При этом крестьянские съезды и совещания составляли не более пятой части всех подобных мероприятий. ***В целом, по сравнению с другими социальными группами, крестьяне были менее активны и слабее организованы.*** В общественно-политической жизни региона они скорее играли роль ведомых, чем ведущих. Естественно, что большей активностью отличались крестьяне наиболее густонаселенных уездов региона. Так, в Западной Сибири во всех крестьянских съездах участвовало до 20 тыс. человек, в Восточной – около 8 тыс. Восточная Сибирь отставала от Западной более чем в два раза и по числу крестьянских мероприятий, и по количеству участников.

Крестьянские съезды решали очень широкий круг вопросов. На них упразднялись старые и формировались новые управленческие органы, намечались кандидаты в депутаты Учредительного собрания, избирались исполкомы Советов крестьянских депутатов, решались вопросы поземельного устройства, хозяйственной жизни, продовольственного снабжения, разрабатывали предложения по повышению культуры и образования сельского населения. При этом более половины всех съездов в качестве главных рассматривали вопросы об отношении к Временному правительству и Учредительному собранию. На втором месте по значимости был вопрос о войне [31; С.157].

Крестьянское протестное движение выражалось в ликвидации института крестьянских начальников, борьбе за захват кабинетских и казенных земель и лесных угодий. Особенно широко оно развернулось на Алтае, где были расположены основные владения кабинета. Так, лесничество и исполняющий обязанности начальника Алтайского округа жаловались на невозможность охраны лесов и земель ввиду массовых самовольных порубок леса, захвата казенного сена, разоружения объездчиков и открыто выражаемого крестьянами желания раздела всего имущества округа. Начальник округа «ввиду серьезности положения» вынужден был обратиться в Томский комитет общественного порядка и безопасности за содействием в успокоении крестьян.

Крестьяне захватывали казенные земли и производили порубки леса в Ялуторовском, Тарском, Туринском, Тобольском уездах Тобольской губернии, Каинском и Мариинском уездах и Нарымском крае Томской губернии, в Омском уезде Акмолинской области, в отдельных деревнях Иркутской губернии, Забайкальской области, Дальнего Востока. Крестьяне повсеместно вступали в серьезные столкновения с лесничими, обезоруживали, отстраняли, а иногда и арестовывали стражу. Во многих местах крестьянство отказывалось платить подати, вносить сельские и волостные сборы, долги по ссудам. *Таким образом, в условиях отсутствия помещичьего землевладения социальное недовольство крестьян было направлено на раздел собственности казны и Кабинета, против представителей государственной администрации.*

6. Активизация национальных движений

Свержение монархии и формирование новых органов власти вызвали рост активности национальной интеллигенции аборигенных этносов Сибири и способствовали распространению националистических и сепаратистских настроений. В Якутском областном комитете общественной безопасности активную роль играли националистическая интеллигенция и представители этнической знати – тойоны. В Горном Алтае активизировалось национальное движение алтайцев, во главе которого встала немногочисленная национальная интеллигенция, сформировавшаяся в основном под влиянием православных миссионеров и усвоившая русскую православную культуру. В районах расселения алтайцев создавались волостные комитеты, явочным порядком вводились национальные земские учреждения. Выдвигалась задача объединения алтайцев «в самостоятельную земскую единицу» [12; С. 492].

Особенно активным стало национальное движение в Бурятии. Основу его составила националистическая интеллигенция, частично стоявшая на демократических, эсеровских позициях, частично – ориентировавшаяся на бурятскую национальную идею. Состоявшееся 6 марта в Чите совещание бурятских общественных деятелей высказалось за национальную автономию и учреждение «сейма с законодательными функциями по вопросам гражданских взаимоотношений, земельному, народного образования, здоровья и по вопросам религии» [12; С. 493]. Был избран Временный организационный национальный комитет, который ставил своей задачей поддержку Временного правительства, подготовку к выборам в Учредительное собрание, «защиту и представительство национальных интересов бурят». На первом Общебурятском съезде, проходившем в Чите, был принят проект «бурятской национальной автономии». Буряты Иркутской губернии и Забайкальской области, согласно этому проекту, должны были составить единую территориальную единицу во главе с Бурятской национальной думой. В дальнейшем национальная автономия должна было получить подтверждение Учредительного собрания. В качестве задач национальной автономии представлялись защита земельного фонда от

колониальных захватов, национализация образования (т.е. введение обязательного бурятского языка в начальной школе, изучение культуры, истории народа, издание литературы и т.д.). Автономия должна была объединить «все элементы нации» на внеклассовой основе. Однако это движение не нашло поддержки со стороны сибирских органов Временного правительства, которое выступало против ослабления государственного единства России в какой бы то ни было форме.

С августа 1917 г. участвующие в политическом процессе объединения и группировки начинают непосредственную борьбу за власть, стараясь подчинить своему влиянию Советы, профсоюзы, муниципалитеты и создаваемые земские органы. ***Осенью среди политических формирований доминируют большевики и эсеры.*** Уступая последним в численности, количестве организаций и подконтрольных структур, большевики явно превосходили конкурентов по уровню организованности, сплоченности, подчинения решениям ЦК. Главным политическим событием второй половины 1917 г. стали выборы в Учредительное собрание. Особые организационные усилия в подготовке выборов прилагали эсеры. Они созывали совещания и конференции ПСР, на которых выдвигались кандидаты от губернских и областных организаций партии. ***Результаты голосования в Учредительное собрание по Сибири принесли эсерам очевидную победу, благодаря поддержке подавляющей части местного крестьянства.*** В крупных городах же позиции большевиков были настолько сильными, что по отдельности ни кадеты, ни меньшевики, ни эсеры не могли им противостоять. Коалиционные органы власти, созданные после Февральской революции несмотря на свою первоначальную популярность так и не смогли стать реальной властью на местах – т.е. поддерживать порядок, руководить деятельностью армии и полиции, обеспечить исполнение населением обязательств перед государством и т.д.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каким образом информация о революции в Петрограде распространялась в Сибири? Какова была реакция местных властей?
2. Как развивалось партийное строительство после падения монархии? Какие партии проявляли наибольшую активность?
3. В чем специфика формирования структур новой революционной власти на территории Сибири?
4. Могли ли, с вашей точки зрения, специфически сибирские органы власти, сформировавшиеся после февральской революции, обеспечить переход к демократическому развитию Сибири?
5. Как протекал процесс формирования Советов?
6. В каких формах развивалось крестьянское и рабочее движение?
7. Какие партии приобрели наибольшее влияние на политический процесс к осени 1917 г.?

8. Сформулируйте положения политической программы, которая, с вашей точки зрения, могла бы получить массовую поддержку сибиряков в период революции 1917 г. Существовала ли в Сибири партия с подобной программой?

Тема 5. Установление Советской власти и гражданская война в Сибири

- 1. Специфика борьбы за установление Советской власти в ноябре 1917 – марте 1918 гг.**
- 2. Свержение Советской власти. Деятельность Временного сибирского правительства.**
- 3. Противостояние в период диктатуры Колчака.**

- 1. Специфика борьбы за установление Советской власти в ноябре 1917 – марте 1918 гг.**

Специфика сибирских Советов, о которой говорилось ранее, предопределила тот факт, что к моменту победы большевистского восстания в Петрограде большинство из них не было решительно настроено на взятие власти, даже в Иркутске, несмотря на создание Центросибири. *Только в отдельных районах и административных центрах Сибири Советская власть утвердилась буквально в первые дни после ее победы в Петрограде: в Красноярске (29 октября) и уездных центрах Енисейской губернии – Ачинске (27 октября), Минусинске (31 октября), Енисейске (17 ноября).* В Иркутске сторонники взятия власти Советами были в меньшинстве. Все местные военные и рабочие советы, а также Бюро Советов Восточной Сибири ориентировались на поддержку Временного правительства и сотрудничество с местным Комитетом защиты революции. В Томске большим влиянием пользовались сторонники широкой политической коалиции всех социалистических партий. Поэтому был создан коалиционный ревком, а местные большевики поддержали идею однородного социалистического правительства. В административных центрах Западной Сибири, за исключением Омска, Советская власть смогла утвердиться только после декларации III Съезда Советов Западной Сибири о взятии власти 4 декабря. Съезд работал в Омске, где советская власть уже победила, и в числе его делегатов значительно преобладали большевики. В течение декабря – января о взятии власти заявили местные Советы: Томский, Барнаульский, Новониколаевский, Бийский, Анжерский, Судженский, Кольчугинский, Мариинский, Славгородский, Семипалатинский.

Во многих районах Сибири курс на захват власти Советами поддерживали только организации станционных, рабочих и приисковых поселков, где имелись значительные группы рабочих, поддерживавшие большевиков. *А в административных центрах в Советах преобладали*

сторонники политического компромисса, и в них Советская власть побеждала уже после провозглашения ее в рабочих поселках.

Кроме того, *в ряде крупных городов Сибири имелись значительные политические и военные силы, готовые отстаивать власть Временного правительства и противодействовать переходу ее к Советам*. Так, в Омске располагались две школы прапорщиков, руководство Омским казачьим войском, штаб Омского военного округа с большим корпусом офицеров. Заметное место в социальной структуре занимали цензовые слои (крупные предприниматели), наибольшим политическим влиянием пользовался руководимый эсерами Комитет Крестьянских Советов. В Иркутске в распоряжении местного комитета защиты революции имелись такие военные силы как три школы прапорщиков, три казачьи сотни, офицерский резерв. В Томске традиционно большим влиянием пользовались представители областничества, в котором с начала XX в. все больше преобладали политические цели. В октябре 1917 г после длительной подготовки был проведен I Областной съезд. Был избран Исполком во главе с наиболее авторитетным представителем движения – Г.Н. Потаниным. Отделы Исполкома должны были стать основой для будущих министерств. В перспективе планировался созыв Учредительного съезда, который должен был принять Конституцию. В составе делегатов съезда и членов Исполкома доминировали эсеры.

Поэтому, попытки провозглашения власти Советами, предпринятые после большевистского вооруженного восстания в Петрограде, вызвали в административных центрах Сибири противодействие. Оно отличалось различной степенью упорства в зависимости от наличия политических и военных сил. Создавались комитеты спасения революции. В Западной Сибири в сельской местности, особенно в Тобольской и Томской губерниях, сопротивление взятию власти Советами оказали земские органы, в которых преобладали эсеры. Упорное вооруженное противостояние между противниками и сторонниками перехода власти к Советам развернулось в Омске. С одной стороны, Омский Совет, Комитет советов Западной Сибири и Военно-революционный комитет опирались на местный гарнизон, насчитывавший 800 красноармейцев, которых они вывели на улицу 29 октября. С другой стороны, образовавшийся Союз спасения отечества, свободы и порядка организовал 1 ноября вооруженное выступление школы прапорщиков и казачьих офицеров. Они рассчитывали на поддержку казачества и части солдат гарнизона, но исход вооруженного противостояния решил численное превосходство красногвардейцев (до 3000 человек) и перешедших на их сторону солдат. Однако, для окончательной победы Советской власти в Омске потребовались пере выборы Советов, в результате которых в руководстве утвердились большевики.

В Томске продолжалось противостояние с областниками, которые на следующий день после провозглашения Советской власти созвали Чрезвычайный Общесибирский Областной съезд. Они заявили о непризнании

Советской власти и всех изданных ею декретов, избрали Временный Сибирский областной Совет во главе с Потаниным, национальный и военный советы, финансово-экономический комитет. Поскольку большевики, в свою очередь объявили съезд вне закона, Временный сибирский областной совет взял курс на нелегальную деятельность. Он был настроен на упорную борьбу с большевизмом в форме создания и отстаивания самостоятельной сибирской государственности. Создавались эмиссариаты в городах Сибири, был созван съезд земельных комитетов по подготовке земельной реформы, специальная комиссия работала над определением границ Сибири в территориальном, этнографическом и экономическом отношениях. Военный совет во главе с атаманом Енисейского казачьего войска Сотниковым начал формирование подпольных вооруженных сил для борьбы с большевиками под руководством Западно-Сибирского военного штаба. Намечался созыв Сибирской областной думы. Собравшиеся к 20 января 90 депутатов устраивали частные нелегальные совещания и предварительные комиссии, которые должны были подготовить открытие Думы 6 февраля. Но 26 января III съезд Советов и Томский Совет все же решились на роспуск Думы и арест части ее депутатов. Открытие состоялось, но нелегально, в составе половины депутатов. Было сформировано Временное правительство автономной Сибири во главе с эсером П. Я. Дербером, опубликовано воззвание к населению Сибири. Вскоре правительство было вынуждено перебраться в Харбин, т.к. на всей территории Сибири утвердилась Советская власть.

В других административных центрах Западной Сибири – Тобольске, Тюмени, установление Советской власти, как и в Омске, опиралось на вооруженные отряды Красной гвардии. В Иркутске заявлению Советов о взятии власти предшествовали перевыборы, создание Красной гвардии и военно-революционного комитета, была предпринята попытка разоружения юнкеров и назначения в воинские части своих комиссаров. Таким образом, местные большевики предполагали возможность вооруженного противостояния, которое действительно началось 8 декабря и подлилось 8 дней. Располагая ограниченными военными силами, иркутские большевики смогли победить только при поддержке красногвардейцев из Красноярска, Канска, Ачинска, Черемховских копей.

Особенно слабыми были позиции большевиков в Забайкалье и областном центре – Чите. Вместо Советской власти в декабре на съезде земских организаций и комитетов безопасности был создан коалиционный Народный совет, руководимый кадетами. Слабость организации большевиков и наличие крупных военных сил у их противников предопределили вооруженный характер борьбы за Советскую власть в Забайкалье. Основу антисоветских вооруженных сил составил особый манчжурский отряд атамана Семенова, численностью около 4 тыс. человек. С декабря он вел военные действия в Южном Забайкалье, а в феврале 1918 г. Центросибирь даже была вынуждена для борьбы Семеновым организовать Забайкальский фронт под командованием С. Г. Лазо. Помимо отрядов Красной гвардии на стороне

Советской власти выступили фронтовые казачьи части, убежденные агитацией большевиков и постановлением СНК об отмене обязательной воинской повинности для казаков. Официально об установлении Советской власти объявил только III съезд Советов области в начале апреля 1918 г., после чего завершилось ее распространение на местах.

В сибирской деревне процесс установления Советской власти еще больше растянулся во времени. Уже отмечалось, что среди крестьян преимущественным влиянием пользовались эсеры, которые ориентировали их на поддержку Учредительного собрания. До конца 1917 г. крестьянские советы заявили о взятии власти только в Енисейской губернии. В Западной Сибири возможность воздействовать на крестьян в нужном направлении появилась только со второй половины декабря, когда Советская власть официально утвердилась в уездных и губернских центрах и смогла распространять в деревне свои воззвания. ***Но только в январе – марте 1918 г. процесс признания Советской власти в сибирской деревне приобрел заметные масштабы, завершившись лишь в апреле*** [14; С.48-52].

Таким образом, процесс установления Советской власти на территории Сибири имел ***ряд особенностей. Во-первых***, в Советах, как и в обществе в целом преобладала идея широкой коалиции всех демократических сил. Ее поддерживали не только численно доминировавшие эсеры, но многие представители местных большевиков. Поэтому сами местные Советы в большинстве случаев не проявляли особой активности в захвате власти.

Во-вторых, процесс перехода власти к Советам во многих районах начинался не с административных центров – уездных и губернских, а с тех населенных пунктов, где значительную прослойку составляли рабочие, и, следовательно, влияние большевиков было наибольшим. Это железнодорожные станции, рабочие и приисковые поселки Кузбасса, Иркутской губернии, Забайкалья.

В-третьих, в сибирской деревне, наоборот, процесс взятия власти Советами смог завершиться только после того, как она окончательно утвердилась в городах – центрах уездов и губерний. Только после этого большевики смогли оказать давление на крестьянские Советы и вытеснить из них своих политических конкурентов – эсеров. Этот процесс затянулся до апреля 1918 г.

В-четвертых, в наиболее крупных и развитых городах региона сторонники Временного правительства смогли организовать и сразу оказать сопротивление попыткам Советов под руководством большевиков навязать свою власть. Так что, ***сам процесс захвата власти большевиками уже в ноябре 1918 г. спровоцировал в Сибири серьезные вооруженные конфликты. Их вполне правомерно рассматривать как первые акты гражданской войны***, если понимать под ней вооруженное противостояние различных социальных и политических сил в борьбе за власть. По своей сути вооруженная борьба вокруг установления Советской власти в ноябре – марте не отличается от вооруженной борьбы между ее противниками и

сторонниками после ее свержения и создания «белых» правительств. Следовательно, устоявшиеся представления о хронологических рамках гражданской войны, по крайней мере сроках ее начала в Сибири, должны быть скорректированы. Процессы, развернувшиеся с лета 1918 г., отличались только большими масштабами и вовлеченностью гражданского населения. Временной отрезок, в течение которого большевистская власть до ее падения более или менее контролировала все пространство Сибири, составлял около месяца – меньше, чем продолжительность существования «белых» правительств. Таким образом большевистское правительство не отличалось от других, действовавших на территории Сибири, ни устойчивостью, ни долговременностью, и оценка именно его свержения в качестве точки отсчета гражданской войны методологически не обоснована.

При этом возникает закономерный вопрос. Почему при очевидной слабости большевистских организаций в Сибири, отсутствия у них однозначного и последовательного намерения к захвату власти на первом этапе политического противостояния с ноября 1918 по апрель 1919 гг. они победили? Следует выделить несколько причин. Это отсутствие у противников большевиков политической воли к удержанию власти, их неготовность к упорной в том числе, вооруженной борьбе. Организующее и вдохновляющее влияние оказывала победа большевистского восстания в Петрограде – столице государства. Огромное слабозаселенное пространство Сибири при слабой роли городов препятствовало координации управленческих усилий и организации административного единства территории. За несколько столетий имперское правительство достигло здесь определенных успехов, но новая демократическая власть в этом не особо преуспела. Ее местные органы действовали на свой страх и риск, опираясь лишь на те силы, которые были в их распоряжении. В то время как большевики опирались на руководящую волю центра, где их власть уже победила.

2. Свержение Советской власти. Деятельность Временного сибирского правительства.

Полномасштабные военные действия на территории Сибири были спровоцированы восстанием чехословацкого корпуса сразу на всем протяжении Транссибирской магистрали. Этот корпус еще осенью 1917 г. был сформирован по инициативе Союза чехословацких обществ в России из военнопленных чехов и словаков австро-венгерской армии. Он состоял из двух пехотных дивизий и запасной бригады и до марта 1918 г. дислоцировался в тылу Юго-Западного фронта. Но после начала Брест-Литовских мирных переговоров 15 января 1918 г. Чехословацкий корпус был объявлен автономной частью французской армии, и встал вопрос о переброске его в Западную Европу. После решения Советского правительства эвакуировать его через Владивосток к концу мая 63 эшелона с чехословаками (численностью около 40 тыс. человек) растянулись по железной дороге от станции Ртищево (в

районе Пензы) до Владивостока. В мае 1918 г. 14 тысяч чехословаков – более трети состава корпуса – уже прибыло во Владивосток, 4 тыс. находилось в районе Ново-Николаевска, 8 тысяч в районе Челябинска, 8 тысяч в районе Пензы. Таким образом, чехословацкий корпус фактически являлся подразделением французской армии в составе войск Антанты и состоял из четырех относительно самостоятельных групп: Поволжской, Челябинской, Сибирской и Владивостокской. Челябинской группой командовал русский подполковник Войцеховский, Сибирской – капитан Гайда, самой крупной, Восточной – начальник штаба Чехословацкого корпуса русский генерал Дитерихс.

Относительно начала вооруженного столкновения Чехословацкого корпуса с советскими войсками не существует единой точки зрения. По наиболее достоверной версии оно ***началось 25 мая в Мариинске и было спровоцировано перехваченным директивным приказом председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого о расстреле на месте каждого вооруженного чехословака и о заключении в лагеря для военнопленных всего состава эшелона.*** Каждая группа первоначально действовала самостоятельно, захватывая ближайшие к ней пункты по Транссибирской магистрали. 26 мая чехословаки захватили Челябинск, захватили запасы оружия, сместили местные власти, и оказали сопротивление воинским частям. В тот же день был захвачен Новониколаевск, 27 мая – Мариинск, 28 – Нижнеудинск, 29 – Канск, 31 – Петропавловск и Томск, 2 июня Курган. По-видимому, первоначально, чехословаки не собирались участвовать в гражданской войне в России и желали лишь скорейшей эвакуации из Владивостока. Об этом свидетельствует позиция, занятая ими на переговорах с эсерами в Пензе. Лишь под давлением французских дипломатов командование корпуса согласилось оказать вооруженную поддержку формированию эсеровского правительства в Самаре (Комуча). При этом, по свидетельству видных командиров Красной армии Вацетиса и Кокурова, Восточная группа чехословаков сначала держалась пассивно. Все ее усилия были направлены к тому, чтобы успешно сосредоточиться в районе Владивостока, для чего она вела переговоры с большевистскими властями с просьбой о содействии в продвижении эшелонов. 6 июля она сосредоточилась во Владивостоке и захватила город.

В дальнейшем по мере расширения масштабов вооруженного противостояния на территории Сибири увеличивалась и численность участвовавших в нем чехословацких войск. 20 августа 1918 г. филиал чехословацкого Национального совета объявил мобилизацию среди всех находившихся на территории России чехов и словаков. И затем в сентябре-декабре 1918 г. в корпус вступило еще 18,5 тыс. человек. В результате в феврале 1919 в Красноярске в дополнение к двум действующим дивизиям была сформирована 3-я, а общая численность корпуса достигла 51 тыс. солдат и офицеров. Однако одновременно, уже с января 1919 г. началась эвакуация чехословацких частей из Владивостока на родину, и их численность стала сокращаться.

Но еще до выступления белочехов 6 апреля 1918 г. на юге Приморья высадился японский десантный отряд, захвативший остров Русский с его крепостными укреплениями и артиллерийскими батареями, военными складами и воинскими казармами. Вслед за этим начал новое наступление на юге Забайкалья атаман Семенов, активизировал свои действия атаман Уссурийского казачьего войска И. М. Калмыков. Семенов продвигался в направлении Читы и мае 1918 г. на станции Борзя объявил о создании «Временного Забайкальского правительства» включавшего его самого близких к нему людей кадета С. А. Таскина и генерала И. Ф. Шильникова. Так что и начало иностранной интервенции, и создание региональных альтернативных большевикам правительств неправомерно связывать только с выступлением Чехословацкого корпуса.

Для разрозненных антибольшевистских сил Чехословацкий корпус сыграл роль и вооруженной опоры, и организующего начала, не только потому, что обладал более или менее единым военным командованием, но и потому, что вскоре контролировал практически всю Транссибирскую магистраль – единственную артерию, связывающую огромный регион в широтном направлении. В Забайкалье чехословацкие войска объединились с казачьим войском Семенова и 1 сентября 1918 г. захватили столицу Забайкалья Читу. Таким образом, и восточный отрезок Транссиба от Байкала до Владивостока оказался в руках антибольшевистских сил. На Дальнем Востоке 4 сентября японские войска при поддержке калмыковцев захватили Хабаровск, а 18 сентября – Благовещенск.

Самой влиятельной политической силой на этом пространстве стало Временное сибирское правительство, организационная структура которого сформировалась еще в январе 1918 г. в процессе утверждения советской власти в Томске. Но за право представлять собой эту структуру боролись две группы политических деятелей. Сначала провозгласил себя властью Западно-Сибирский комиссариат и уполномоченные, назначенные правительством Дербера еще до его отъезда в Харбин. На посты четырех уполномоченных правительства были назначены активные деятели эсеровской партии П. Я. Михайлов, Б. Д. Марков, М. Я. Линдберг, В. О. Сидоров. Отправной точкой в деятельности ЗСК можно считать первые акты новой власти — воззвания «Граждане-крестьяне!» и «Всем самоуправлениям» от 31 мая 1918 г. с уведомлением о переходе власти «в руки уполномоченных Временного Сибирского правительства, избранного Сибирской областной думой». Но уже 28 июня несколько членов Временного Сибирского правительства, оказавшихся к тому времени в Омске, - министры П.В. Вологодский, И.А. Михайлов, Г.Б. Патушинский, М.Б. Шатилов – и председатель Сибирской областной думы И.А. Якушев организовали совещание и решили принять власть на себя. Эти действия мотивировались тем, что остальная часть правительства во главе с Дербером, находясь слишком далеко от места действий, не может управлять Сибирью из Харбина. ***Был образован Совет министров, который 30 июня официально***

принял власть от Западно-Сибирского комиссариата. Председателем и министром иностранных дел стал Петр Вологодский [6; С.29].

Некоторое время две структуры сибирской власти действовали параллельно, но 24 июля правительство Дербера, которое с 1 июля 1918 г. именовалось Временным правительством автономной Сибири (ВПАС), практически передало все полномочия омскому Совету министров.

Между двумя конкурирующими политическими центрами имелись значительные расхождения во взглядах. Эсеры и меньшевики - уполномоченные и члены комиссариата первого ВСП, будучи в полной мере социалистами, рассматривали события лета 1918 г. как подлинную «сибирскую революцию», которая должна привести к возобновлению деятельности Всероссийского Учредительного собрания и Сибирской областной думы, восстановлению городских и земских органов местного самоуправления. Советы рабочих и крестьянских депутатов признавались как классовые организации и объявлялись неприкосновенными, но лишались властных функций. Деятели же нового Совета министров во главе с Вологодским по своим политическим взглядам были намного «правее» не только Западно-Сибирского комиссариата, но и избравшей их Сибирской областной думы. Они заняли более ясную и жесткую позицию в важнейших политических вопросах: аннулировали все декреты советской власти, отвергли заключенный большевиками Брестский мирный договор, признали партию большевиков антигосударственной и запретили ее деятельность. Рабочим, крестьянам и представителям других классов разрешалось создавать только организации профессионального типа при условии их обязательной регистрации в установленном законом порядке. Существование Советов, как противоречащих принципам демократии, было признано недопустимым и постановлением от 6 июля они были запрещены. Все национализированные предприятия и имущества подлежали денационализации, хотя в дальнейшем допускалась необходимость национализации некоторых особо важных для государства предприятий.

Политическая программа нового ВСП по вопросу о власти нашла свое отражение в его **декларации «О государственной самостоятельности Сибири» от 18 июля 1918 г.** Объявляя о взятии в свои руки всей полноты власти в стране, Временное сибирское правительство, с одной стороны, провозгласило полную свободу независимых сношений с иностранными государствами и непризнание любой другой власти на территории Сибири. С другой стороны, оно признало территориальную целостность России, заявив, «что не считает Сибирь навсегда оторвавшейся от тех территорий, которые в совокупности составляли Державу Российскую, и полагает, что все его усилия должны быть направлены к воссозданию Российской государственности». «Характер дальнейших взаимоотношений между Сибирью и Европейской Россией» в перспективе должен быть определен Всесибирским и Всероссийским учредительными собраниями. Таким образом, правительство выражало областнические идеи автономии Сибири,

какими они оформились к 1917 г. А обособление Сибири от европейской части России рассматривалось лишь как временное. Для «защиты родины и революции» правительство взяло курс на формирование армии на основе обязательного призыва.

К концу октября 1918 г. под контролем ВСП и созданной им Сибирской армии находилась вся территория азиатской России от Екатеринбурга до Тихого океана. Его власть признало ВПАС и «временный правитель» генерал Д. Л. Хорват [6; С. 31-32].

В последующей деятельности региональной сибирской власти отчетливо прослеживается ее дальнейшая эволюция «вправо» от идей народовластия с опорой на самые широкие социальные слои к авторитарным методам управления. Это выразилось в жестких мерах по восстановлению и поддержанию порядка: регулировании земельных отношений, запрете самовольной порубки лесов, сборе государственных налогов и долгов по ним, борьбе с самогоноварением и самосудами, передаче милиции из ведения органов самоуправления в распоряжение министерства внутренних дел, в учреждении особых прифронтовых военно-полевых судов. Этот политический курс с одной стороны, привел к утрате правительством значительной части своей первоначальной социальной опоры, с другой – вызвал в нем самом политический кризис, ускоривший падение.

Поведение большей части сибирского населения в процессе ликвидации Советской власти и формирования региональных правительств можно характеризовать как пассивное. Основная масса – крестьянство – к свержению Советской власти отнеслась равнодушно, практически не приняв участие в ее вооруженной защите. Более того, во многих волостях и даже в некоторых уездах (в Минусинском, Тюкалинском) местное население собственными силами бескровно ликвидировало правление большевиков либо активно этому содействовало (в Бийском, Змеиногорском, Канском, Кузнецком, Курганском, Тарском уездах). Активно встали на защиту своей власти большевики и находящиеся под их влиянием рабочие: несколько их тысяч с оружием в руках сражались в отрядах Красной гвардии и Красной армии. Большинство тех, кто активно не участвовал в вооруженной борьбе, все же явно симпатизировали Советам. Поддержку и сочувствие части крестьянского населения красноармейцы и красногвардейцы нашли лишь в отдельных волостях.

ВСП, напротив, сначала опиралось на широкую социально-политическую базу. Его активно поддерживали офицеры и казачество, городская и студенческая молодежь, «цензовые» слои общества, и зажиточное крестьянство, демократические организации (кооперативы, земские и городские органы самоуправления, областники, представители национальных движений), социалисты в лице «правых» эсеров, энесов. Описанная выше эволюция его политического курса привела к росту числа противников ВСП и проявлению крайних форм недовольства с середины августа 1918 г. Антиправительственные вооруженные выступления

последовательно охватили Змеиногорский, Тюкалинский, Славгородский, Красноярский, Бийский, Мариинский и Минусинский уезды. В общей сложности в них приняло участие около 35 тыс. человек. Восстания были быстро и решительно подавлены правительственными войсками.

Политический кризис выразился в борьбе правых и левых внутри правительства, отставке последовательных социалистов, прекращении работы Сибирской областной думы.

Следующим этапом в развитии политической ситуации в Сибири стало *государственное совещание в Уфе 23 сентября 1918 г., сформировавшее Временное Всероссийское правительство – Уфимскую Директорию. И в кадровом, и в административном отношении Директория фактически стала преемницей ВСП.* Одним из пяти членов ВВП стал председатель ВСП Вологодский, а в ходе формирования Всероссийского Совета министров, происходившего в октябре — начале ноября 1918 г., соответствующие посты в нем получили фактически все министры, товарищи министров и управляющие ведомствами ВСП (в 10 из 14 министерств), его деловой аппарат стал основой для создания соответствующих министерств и ведомств общероссийского правительства. Помимо ВСП и Комуча, Директория была признана всеми областными, национальными и казачьими правительствами, Сибирской Областной думой. 3 ноября ВСП сложило с себя верховное управление и всю полноту власти на территории Сибири передало ВВП. Оно, в свою очередь, подтвердило все акты Временного сибирского правительства. Центром власти, приобретшей теперь общероссийский формат, оставался Омск.

3. Противостояние в период диктатуры Колчака.

Дальнейшая эволюция сибирской власти в сторону ужесточения ее методов и усиления авторитарного характера представляется вполне закономерной. Для организации сплоченного антибольшевистского фронта и ведения активных военных действий требовалась мобилизация материальных и людских ресурсов региона. В противовес этому среди населения усиливалась склонность к анархии и противостоянию любым распоряжениям власти. Крестьянство было недовольно усилиями правительства собрать налоги и недоимки по ним за несколько лет, пресечь покушение на государственные лесные и земельные угодья. Рабочие были раздражены утратой тех социальных благ, которые успела дать им Советская власть – 8-часового рабочего дня, права на забастовки и защиту своих интересов через рабочие организации (рабочие комитеты, профсоюзы). Последовательные социалисты были недовольны ограничением демократии. Разрастание масштабов и ужесточение форм недовольства стимулировало поиски «сильной руки», желательно – из военной среды.

На этом фоне происходит выдвижение фигуры А. В. Колчака, прибывшего в Омск в октябре и 4 ноября сменившего Иванова-Ринова в качестве военно-морского министра Директории. По-видимому, *сам Колчак*

не являлся непосредственным инициатором переворота, совершенного казачьими офицерами в ночь на 18 ноября 1918 года, приведшего к разгону Уфимской директории, аресту ее эсеровских руководителей во главе с председателем Н. Д. Авксентьевым и решению вручить власть одному лицу с титулом Верховного правителя. Но он принял предложенную ему роль, возможно, расценивая это как свой вклад в избавление России от большевизма.

Приняв должность Верховного главнокомандующего и Верховного правителя, Колчак попытался создать полноценную и сложную структуру власти, за которой позднее закрепилось название Омского правительства. *При Верховном Правителе был сформирован его Совет, учреждены Совет Министров, Государственное экономическое совещание, Департамент милиции и государственной охраны.* Большая часть делового Совета Министров состояла из бывших членов Директории и ВСП, содействовавших этому перевороту, включая Вологодского. По своим политическим убеждениям члены правительства представляли партии правее эсеров. Позже было создано особое «Подготовительное совещание», занимавшееся вопросами внешней политики и координирующее деятельность с делегацией «Русского Политического Совещания», представляющей Белую Россию на Парижской мирной конференции. Был даже восстановлен Правительствующий Сенат в качестве высшей судебной инстанции. Колчаковский Совет министров совмещал функции законодательной и исполнительной власти, высшей же законодательной инстанцией, утверждавшей законы, был сам Верховный правитель. *Фактически, основные политические решения принимал Совет Верховного правителя.*

Несмотря на фактическое признание странами Антанты и государствами, образовавшимися в результате распада европейских монархий (Чехословакией, Польшей, Финляндией), юридического признания Колчак удостоился только от королевства Югославии, и то – уже в последние месяцы своего правления. Если державы Антанты весьма благосклонно отнеслись к перевороту в Омске и приходу к власти в Сибири Колчака, то позиция Японии оказалась иной. *В Токио предпочли поддерживать на Дальнем Востоке власть казачьих атаманов Г. М. Семенова, И. М. Калмыкова, И. М. Гамова.* Опираясь на поддержку командования японских экспедиционных сил на Дальнем Востоке Семенов отказался признать верховную власть Колчака, претендуя на роль Правителя Забайкалья и прилегающих к нему земель и восточной части Монголии. Он саботировал действия Колчака, прервав телеграфную и железнодорожную связь между Омском и Дальним Востоком. Позже задерживал поезда с военными грузами держав Антанты, направлявшимися в Омск для колчаковских войск. Получив поддержку монгольских и бурятских родовых элит, Семенов взял курс на создание панмонгольского государства под собственным управлением, присвоив себе титул князя Ванского, потребовал от США его признания и представительства

на конференции по Дальнему Востоку. Действия атамана нарушали баланс интересов между США и Японией в пользу последней, что и вынудило державы Антанты вмешаться в конфликт между Колчаком и Семеновым. Пойдя на уступки Японии, Колчак признал Семенова «главным начальником» всех казачьих войск Дальнего Востока, присвоив ему очередное (генеральское) воинское звание. 4 января 1920 г. адмирал Колчак передал генерал-майору Г. М. Семенову всю полноту военной и государственной власти на территории так называемой «Российской восточной окраины». Получив эти полномочия, атаман Г. М. Семенов 8 января создал под своим председательством очередное правительство, но уже Российской восточной окраины. [14; С. 52]

Рассматривая колчаковский период в развитии гражданской войны в Сибири, необходимо выделить два взаимосвязанных аспекта – военный, представляющий военные действия армии под командованием Колчака против частей Красной армии, и социально-политический, представляющий деятельность правительства Колчака на территории Сибири и взаимоотношения с местным населением. ***Целью Колчака был разгром большевиков с помощью хорошо организованной, многочисленной, созданной на основе обязательного призыва армии.*** И здесь он достиг значительных успехов. В декабре 1918 г. Сибирская армия заняла Пермь, имевшую важное стратегическое значение и существенные запасы военного снаряжения. В марте 1919 войска Сибирской и Западной Армий белогвардейцев развернули генеральное наступление в направлении на Самару и на Казань, в апреле заняли весь Урал и приблизились к Волге. Но это был самый крупный военный успех – большего им добиться не удалось. Войска Восточного фронта РККА остановили наступление колчаковских войск, а в мае 1919 нанесли им поражение, в результате которого последовательно были оставлены Уфа, Екатеринбург и Челябинск. Отчасти это объясняется стратегическими просчетами Ставки во главе с начальником штаба генерал-майором Д.А. Лебедевым, уровень командования которой был весьма низким. Наступление разворачивалось по расходящимся направлениям, одновременно и на север на соединение с Миллером, и на юго-запад, на соединение с Деникиным. Затем начался обвал фронта и неуклонное отступление Сибирской армии на восток. 14 ноября был оставлен Омск, и правительство спешно эвакуировалось в Иркутск. Но отступление докатилось и туда, 4 января 1920 г. под давлением союзников, в том числе французского генерала Жанена Колчак вынужден был передать должность Верховного правителя Деникину, а 5-го власть в городе перешла к меньшевистскому Политцентру. 15 января, командование Чехословацкого корпуса, которое видело свою цель в скорейшем возвращении на родину для обеспечения беспрепятственного движения своих эшелонов к Владивостоку выдало на станции Иннокентьевская близ Иркутска Колчака представителям Политцентра.

Но дальнейшее продвижение Красной Армии было остановлено сразу же за Иркутском, на рубеже озера Байкал – за Верхнеудинском. В ходе

наступления японских войск, частей Семенова и генерал-лейтенанта В. О. Каппеля (главнокомандующего Восточным фронтом Колчака) в начале 1920 г. Красная армия потеряла Читу, Нерчинск, Сретенск и узловую железнодорожную станцию Карымская. Образовалась так называемая «читинская пробка». А 6 апреля 1920 г. в Верхнеудинске Учредительное собрание провозгласило образование Дальневосточной республики (ДВР) в составе: Забайкальской, Приморской, Сахалинской, Камчатской областей и полосы отчуждения КВЖД. 14 апреля советское правительство приняло решение признать правительство ДВР. ***Только ликвидация ДВР в ноябре 1922 г. поставила точку в гражданской войне в Сибири.***

Ставя своей целью ликвидацию большевистской власти на всей территории России, Колчак естественным образом воспринимал Сибирь как свой тыл, ресурс для действий своей армии. Именно этим обстоятельством наряду с некоторыми политическими идеями определялись его отношения с сибирским населением. ***В вопросе о будущей форме власти в России Колчак неоднократно заявлял принцип «непредрежденчества»,*** подчеркивая, что решает исключительно военную задачу: создание сплоченной и боеспособной армии и обеспечение победы над большевизмом. По достижении этой цели народ через Учредительное собрание должен «устроить государственное управление по своей воле». На практике Колчак не мог уклониться от определения своей позиции по целому ряду политических вопросов. Одним из важнейших было признание принципа территориальной и национальной автономии в устройстве будущего российского государства. Судя по его высказываниям, Колчак был категорическим противником этого принципа, твердо отстаивая идею единой и неделимой России. Известен факт его переговоров с финским генералом Маннергеймом, готовым поддержать наступление Колчака одновременным наступлением на Петроград своей 100-тысячной армии. Верховный правитель уклонился от прямого обещания признать независимость Финляндии – единственного весомого аргумента для финского парламента вмешаться в российскую смуту, переложив это решение на Учредительное собрание. Более определенно Колчак выразил свои унитаристские взгляды в отношении к национальным движениям в Сибири. Он высказался отрицательно относительно представительства национальностей в законодательных и исполнительных органах будущей власти, сводя все проблемы межнациональных отношений к «нервному состоянию страны, особенно в прифронтовой полосе». А свою миссию видел в борьбе «за русское национальное дело восстановления России». Естественно, что такая позиция не могла обеспечить ему поддержку со стороны влиятельной части национальных элит. Но последние вынуждены были идти на уступки, лавируя между различным военно-политическими силами. Так, буряты вынуждены были пойти на включение Бурятского национального комитета в соответствующий отдел правительства атамана Семенова, поддержав его идею панмонголизма [18; С. 161-162]. В конце 1919 г. Э.-Д. Ринчино, один из

лидеров бурятских националистов, бежал от семеновцев и стал одним из руководителей партизан в Хоринском аймаке. Большевики, стремясь привлечь национальную интеллигенцию, готовы были предоставить бурят-монголам национальную автономию.

В отношении к рабочему вопросу Колчак проявлял определенную гибкость. При нем не были официально запрещены профсоюзы и не был отменён 8-ми часовой рабочий день. Профсоюзы были единственной легальной организацией, с помощью которой рабочие могли защищать свои экономические интересы. Но на практике местные власти под давлением предпринимателей ставили их вне закона. Запрещались собрания и коллективные петиции, организации распускались, лидеры подвергались арестам с последующим судом и расстрелом. Фактически политика правительства Колчака в рабочем вопросе сводилась к тому, что «все конфликты между трудом и капиталом разрешались в Сибири начальниками карательных отрядов, причём рабочие подвергались бессудным расстрелам и массовой порке». Как следствие, в декабре 1918 г. произошли открытые вооружённые выступления рабочих в Омске, Канске и Иланске. И весной 1919 г. сибирские большевики, признав пролетариат Сибири «активной революционной силой» стали его идеологически направлять и организовывать. ***С осени 1919 г. рабочее движение в Сибири приобретает массовую форму вооружённого восстания против колчаковской власти.***

Крайне негативно адмирал Колчак относился к большевикам и другим представителям социалистических партий, именуя их «шайкой грабителей», «врагами народа». В них он видел виновников саботажа и подстрекателей к неповиновению власти. Рассматривая эти действия как угрозу тылу, Колчак считал необходимым карать за них по законам военного времени. 30 ноября 1918 г. Колчак он подписал постановление своего правительства, которое предусматривало смертную казнь для лиц, виновных в «воспрепятствовании» осуществлению власти Верховного правителя России или Совета министров. На практике этот документ стал основанием для жесточайших карательных акций и террора в отношении гражданского населения. Так, при подавлении большевистского вооружённого восстания 22 декабря 1918 г. по официальным данным было убито 133 человека, по приговору военно-полевого суда в г. Омске расстреляно 49 человек, приговорено к каторжным работам и тюрьме 13 человек. А в поселке Куломзино (пригороде Омска), куда затем распространился мятеж, убито при подавлении 144 человека, по приговору суда расстреляно 117. Более 625 человек были расстреляны при подавлении восстания в Кустанае в апреле 1919 г., несколько селений были выжжены. Согласно официальному заключению зав. отделом юстиции большевистского Сибревкома А. Г. Гойхбарга, в одной только Екатеринбургской губернии, находившейся под контролем Колчака, было подвергнуто телесным наказаниям около 10% двухмиллионного населения, в том числе женщины и дети, а расстреляно не менее 25 тысяч человек. ***Можно говорить о возникновении ценной реакции террора и насилия. На***

неповиновение своей власти правительство Колчака отвечало карательными мерами, которые вызывали ответные вооруженные действия различных групп населения, также отличавшиеся жестокостью, вследствие чего власти расширяли масштаб репрессий, а отдельные стихийные выступления населения превращались в организованные восстания и мятежи.

Взаимосвязь между действиями колчаковской власти в тылу и на фронте выражается в том, что Верховный правитель вынужден был во все возрастающих масштабах использовать в карательных операциях против партизан и мятежников части регулярной армии и даже отряды чехословацкого корпуса. Использование в качестве карателей деморализовало армию и вызвало недовольство чешских союзников. Разрастание партизанского движения и мятежей, ослабляя тыл, подрывало боеспособность наступающей армии. В свою очередь, поражения на фронте и отступление воинских частей усиливало брожение в тылу и множило число участников восстаний.

Таким образом, падение правительства Колчака было обусловлено как военным поражением на антибольшевистском фронте, так и развалом тыла в следствие массового сопротивления гражданского населения. Немаловажную роль в последнем обстоятельстве сыграла непопулярная социальная политика. При этом мобилизация различных слоев сибирского населения против Колчака вовсе не являлась заслугой большевиков. Они лишь в подходящий момент смогли придать стихийному процессу организованность и нужное идеологическое направление. Исследователи (Н. С. Ларьков, В. И. Шишкин) выделяют в развитии партизанского движения два этапа. На первом этапе, который датируют серединой 1918 г. и серединой (иногда весной) 1919 г., движение, на 9/10 состоявшее из крестьян, представляло из себя немногочисленные и слабо связанные между собой группы и отряды. Для них были характерны идейно-политическая и организационная аморфность, выборность командного состава, слабая дисциплина, митингование как способ решения даже маловажных вопросов, несогласованность действий. При этом партизанские отряды действовали в максимально неблагоприятных условиях наибольших успехов антибольшевистских органов власти и на Восточном фронте против Красной армии, и в тылу.

Крестьяне брались за оружие в большинстве своем стихийно, как правило, в ответ на притеснения и репрессии со стороны местных властей. Организационное и идейное влияние большевиков было минимальным. Находящиеся на нелегальном положении деятели партии и Советов, красноармейцы и красногвардейцы пытались возглавить и направить стихию крестьянского недовольства, но не всегда успешно. Так, представитель Томского нелегального комитета РКП(б) в отряде одного из самых популярных партизанских командиров П. К. Лубкова М. Ф. Ператинский,

признался, что командир твердо заявил ему: «Управлять мною я никому не позволю. Управлять и сам я могу».

При этом, на территории Восточной Сибири партизанское движение с самого начала развивалось под сильным партийно-политическим и организационным влиянием большевиков и социалистов-революционеров. В результате оно приобрело большой размах, большую организованность и устойчивость, использовало не только отрядно-групповую, но и очагово-территориальную форму организации. Несколько крупных отрядов действовало с осени 1918 г. в Иркутской губернии, в Ачинском уезде Енисейской губернии. В Канском и Красноярском уездах складывались целые «партизанские республики» (Степно-Баджейская на территории четырнадцати волостей с населением около 100 тыс. человек и партизанской армией около 3,5 тыс. чел.), фронты - Южно-Канский и Тасеевский (Северо-Канский). Устанавливались советские органы власти. На территории Забайкалья инициаторами партизанского движения стали скрывавшиеся в горно-таежной местности на юго-востоке района бывшие партийные и советские работники. Они образовали в сентябре 1918 г. «лесные коммуны», а весной 1919 объединились в Восточно-Забайкальский фронт.

На втором этапе с лета 1919 г. партизанское движение приобрело настоящий размах. Значительно возросли его массовость и организованность. Общая численность партизан Западной Сибири в это время достигла, по оценке некоторых историков, 10 тысяч человек. Помимо роста недовольства местного населения внутренней политикой А.В. Колчака, влияние на ситуацию оказали его военные неудачи, отступление на восток под давлением Красной армии, что привело массовому дезертирству, также пополнявшему ряды партизан.

На первом этапе карательным отрядам и регулярным армейским частям колчаковского правительства удавалось если не подавить, то, по крайней мере, локализовать партизанское движение. В конце весны — начале лета 1919 г. вооруженные формирования колчаковского правительства провели ряд успешных операций против партизан как в Западной, так и в Восточной Сибири. До конца весны 1919 г. в качестве «союзника» власти выступала сибирская зима, ограничивавшими действия партизан. Но уже в июле — августе 1919 г. в сельской местности вспыхнул ряд крупных вооруженных восстаний, из числа участников которых сформировались многочисленные партизанские отряды, появились и новые обширные очаги движения. В июле 1919 г. крестьянское восстание охватило несколько десятков волостей на территории Западной Сибири в пределах Каинского, Тарского и Татарского уездов в опасной близости от Транссибирской железнодорожной магистрали. Сюда были направлены регулярные части Белой армии, но после подавления основных очагов сопротивления партизаны вскоре вновь организовались и продолжили вооруженную борьбу.

Партизанские отряды обретая массовость превращались в настоящие воинские формирования — корпуса, дивизии, полки, самостоятельно

освобождали от колчаковской власти значительные территории еще до подхода регулярных частей Красной армии. Масштабное восстание началось 2 августа 1919 г. в Степном Алтае, охватило около 90 сел и деревень Барнаульского и Бийского уездов, перекинулось в Горный Алтай. Общая численность повстанцев достигла 15 тысяч человек. Сформировался Южный фронт Степного Алтая, который в октябре 1919 г. объединился с Северным фронтом в Западно-Сибирскую крестьянскую Красную армию. Восемь полков армии контролировали значительную часть региона. Ее общая численность достигла примерно 10 тыс. чел. Эти действия совпали с захватом Красной армией Омска. С этого времени Западно-Сибирская крестьянская армия сама перешла в наступление по всем направлениям. Деморализованные колчаковские войска фактически не оказывали партизанам никакого сопротивления, чаще всего сдавая населенные пункты без боя. В ноябре-декабре почти вся территория Степного Алтая и ряда прилегающих к нему районов была освобождена партизанами от белогвардейцев за несколько дней до прихода частей 5-й советской армии. Крупный очаг движения и партизанский фронт сформировался в Чумышском крае на границе Томской и Алтайской губерний: до 30 волостей Барнаульского, Бийского, Новониколаевского и Кузнецкого уездов. В декабре 1919 г. на юго-востоке Томской губернии партизанские отряды объединились в 1-ю Томскую дивизию численностью до тысячи бойцов. В Енисейской губернии партизанская армия осенью 1919 г. захватила уездный город Минусинск, а к декабрю 1919 г. выросла до 22 тысяч человек. Вершиной военного строительства партизанских сил в тылу Колчака явилось создание Восточно-Сибирской советской армии. Она была образована после взятия власти в Иркутске военно-революционным комитетом в конце января 1920 г. по образцу Красной армии. К концу февраля 1920 г. численность армии составила 28 тыс. человек, имевших на вооружении 96 пулеметов. В Забайкалье наиболее упорные сражения между партизанскими отрядами и казаками атамана Семенова, поддержанного японскими и американскими интервентами, развернулись в январе-феврале 1920 г.

Таким образом, партизанское движение превратилось в стратегический фактор гражданской войны в Сибири, второй по значимости в разгроме колчаковщины, в восстановлении на территории Сибири власти Советов, победе большевизма. В то же время ***неправомерно рассматривать партизанское движение как однозначно воюющее на стороне большевиков.*** Действительно, большевики добились наибольших успехов в подчинении крестьянской стихии своему влиянию. Уже летом 1918 г. в сибирской деревне появились первые подпольные организации большевиков, к началу 1919 г. в них состояло несколько тысяч человек. В рядах сибирских партизан находилось несколько сотен членов большевистской партии. ЦК РКП(б) посредством специально образованного в декабре 1918 г. Сибирского бюро ЦК, а также сибирских нелегальных большевистских организаций стремился установить централизованное воздействие на партизанское

движение. Но руководящие сибирские партийные органы большевиков были разгромлены колчаковской контрразведкой. Поэтому члены партии, оказавшиеся в рядах партизан, действовали, как правило, самостоятельно, на свой страх и риск [19; С. 84-88].

Значительная часть партизан на протяжении всего времени находилась под непосредственным руководством идейных анархистов. Это крупный партизанский отряд И. П. Новоселова в Томской губернии и отряд под командованием Н. А. Каландаришвили, в Иркутской губернии. Кроме того, отдельные анархисты входили в состав руководящих партизанских органов власти. Однако, поведение многих партизанских формирований определялось не столько идейным анархизмом, сколько своеобразным *стихийным крестьянским анархизмом*, выразившимся в отрицании всякой власти вообще, пренебрежении законностью, актах самосудов, бессмысленных разрушений, грабежей, а иногда и настоящих погромов.

Подобный *партизанский бандитизм*, хотя объективно способствовал расшатыванию колчаковской власти, стал угрозой и для гражданского населения. Самым показательным его проявлением в Западной Сибири стал разгром в декабре 1919 г. объединенным отрядом под командованием анархистов Г. Ф. Рогова и И. П. Новоселова уездного города Кузнецка. В течение трех суток партизаны производили массовую расправу над всеми, кто был причастен к белогвардейским органам власти и управления, расстреливали офицеров и представителей интеллигенции, жгли церкви. Одновременно они разграбили имущество состоятельных горожан и покинули разоренный город с внушительным по размерам обозом. По наиболее взвешенным оценкам количество жертв погрома достигло 800 человек при численности населения города около 3,5 тыс. На территории партизанских «республик» самосуды, самовольные реквизиции, конфискации, грабежи также были частым явлением [19; С. 91-93].

В этой связи нельзя обойти вниманием и один из наиболее обсуждаемых вопросов – об оценке белого и красного террора. *Красного террора как целенаправленной организованной государственной политики большевистской власти в Сибири не было и не могло быть*, поскольку с лета 1918 г. большевики не осуществляли здесь государственную власть. Среди условных сторонников Советской власти к террору прибегали партизаны, но не в качестве обдуманной системы мер, а скорее, как стихийного проявления мести. *Колчаковское правительство*, с деятельностью которого больше всего связывают террор гражданской войны, также *не рассматривало его в качестве методов осуществления власти*. Это был ответ на вооруженное неповиновение, попытка удержать тыл. При этом сам Верховный правитель настаивал на том, чтобы наказания основывались на приговоре суда, а случаи внесудебных расправ хотя бы декларативно, расследовались. Рост уровня насилия в обществе являлся неизбежным следствием гражданской войны, которая порождала и усиливала

в рядах всех противоборствующих сторон ненависть к противнику, чувство мести, жестокость, применение пыток, порой самых что ни на есть варварских. «Исторические источники содержат массу фактов такого рода с участием сибирских партизан. Однако и действовавшие против них карательные отряды также в полной мере использовали методы устрашения, прибегали к массовому насилию: истязаниям и расстрелам без суда и следствия попавших в плен партизан, сожжению их домов, конфискации имущества. Иначе говоря, *белый и красный террор был неотъемлемой частью борьбы между силами революции и контрреволюции*». [19; С. 101] В то же время *неправомерно оценивать как более справедливый и более оправданный террор с какой бы то ни было одной стороны.*

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Какие обстоятельства делали процесс установления Советской власти в Сибири затяжным и трудным?
2. В каких населенных пунктах и почему имело место вооруженное и политическое противостояние в процессе захвата власти Советами?
3. Какую роль в победе антибольшевистских сил в Сибири и почему сыграл Чехословацкий корпус?
4. Как вы думаете, выражало ли Временное сибирское правительство интересы широких слоев сибирского населения? При каких условиях оно могло бы удержать власть в регионе?
5. На какой территории вел военные действия атаман Семенов? Какую политическую программу он выдвигал и на какие силы опирался?
6. Определите цели и социальный состав партизанского движения против Временного сибирского правительства и А. В. Колчака.
7. Какие факторы способствовали эволюции антибольшевистских сил в Сибири в сторону авторитарных методов и репрессий в отношении гражданского населения?
8. Почему политическая программа правительства Колчака привела к потере им социальной опоры?
9. Несмотря на значительные военные успехи Сибирской армии под командованием Колчака и установлением им контроля над обширной территорией, он потерпел сокрушительное поражение от Красной армии и партизан. Назовите не менее трех причин такого развития событий.

Тема 6. Восстановление экономики Сибири после гражданской войны.

1. Последствия гражданской войны и переход к нэпу.
2. Восстановление сельского хозяйства.
3. Новая экономическая политика в промышленности.

1. Последствия гражданской войны и переход к нэпу.

В период гражданской войны, в отличие от первой мировой, военные действия разворачивались непосредственно на территории Сибири. ***Вооруженное противостояние в регионе продлилось дольше, чем в европейской части России. Это обусловило масштабность и глубину последствий гражданской войны в Сибири.***

Самым очевидным из них стала ***хозяйственная разруха***. Поскольку военные действия длились дольше и охватывали значительные районы, экономический кризис, особенно в сельском хозяйстве оказался более глубоким и длительным. В отличие от мировой войны, которая не привела к деградации экономики Сибири, в гражданской, происходившей на своей территории, обе воюющие стороны уничтожали материальные ресурсы противника. Партизаны сжигали станционные постройки, разбирали рельсы, уничтожали подвижной состав; белые затапливали рудники, прииски и заводы, сжигали посевы и т.д. Военные действия повстанческих отрядов и подавлявших их ЧОНов продолжались в течение 1920-1921 гг. На территории Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний действовало до 250 вооруженных групп.

Во-вторых, необходимо отметить ***деградацию и милитаризацию управления***. Все управленческие и административные практики сводились к принуждению и угрозе насилием. Среди населения глубоко укоренились привычки к анархии, противостоянию любой власти, отказу от выполнения любых обязательств перед государством. Любая власть не воспринималась населением как легитимная.

Не столь очевидными, но более глубокими и длительными стали ***морально-психологические последствия***. Они выразились в массовом «озверении», привычке к насилию, решению любых конфликтов, даже на бытовом уровне, силой оружия. Обе воюющие стороны накопили агрессию, чувство мести за убийство и издевательство над близкими. Тотальное распространение получили правовой нигилизм, отрицание закона, порядка. Те, кто владел оружием считали себя источником закона и права.

Все эти обстоятельства еще долго сказывались на характере власти, методах управления, взаимоотношениях власти и населения. ***В Сибири по обстоятельствам военного времени не были сформированы выборные органы новой власти – Советы***. Вместо этого создан ***чрезвычайный орган управления – Сибревком, партийное руководство было представлено Сибирским бюро ВКП(б), для подавления вооруженного сопротивления действовали ЧОНЫ (части особого назначения)***. Главным инструментом управления стали приказы, сопровождаемые угрозами. Методы военного коммунизма сохранялись в Сибири дольше – например, позже произошел отказ от использования трудовой повинности и трудовой армии, от продразверстки как способа получения продовольственных ресурсов. Для

решения хозяйственных вопросов организовывались мобилизации партийных и административных работников, лояльных к власти рабочих.

Деградация сельского хозяйства выразилась в сокращении посевных площадей. В 1922 г. они составляли около половины от довоенного уровня. Удельный вес основных товарных культур в Сибири – пшеницы и овса – понизился, а проса и огородных культур повысился. Таким образом, население выращивало продукты для личного потребления, а не на продажу. В состоянии упадка находилось и животноводство. В 1922 г. общее количество скота в Сибири уменьшилось по сравнению с 1916 г. примерно на одну четвертую часть. Основная товарная отрасль сельского хозяйства Сибири – маслоделие – оказалась разрушенной. Заготовки масла сократились более чем в 13 раз. Помимо продолжавшихся военных действий на ситуацию повлияло то, что в 1920 г. в ряде районов случился неурожай, в том числе – на Алтае и в Омской губернии, где находилось около половины всех посевов. В 1921 г. из-за засухи урожай также был низким в Омской, Новониколаевской и Томской губерниях. Массовый падеж скота происходил из-за периодических эпизоотий. Ситуацию усугубили повышенные задания по хлебозаготовкам в 1920 -1922 гг., выполнявшиеся с массовым применением насилия. Они обосновывались тяжелым продовольственным положением страны и массовым голодом, охватившим в 1921 г. важнейшие хлебные районы. Правительство установило в Сибири более высокие ставки налога, чем в среднем по РСФСР. Продналог 1921 г. здесь составлял 20% валового сбора (в Алтайской губернии 31 %), а по РСФСР - 12%. Нередко продовольственные заготовки затрагивали необходимые семенные и фуражные фонды.

Этим обусловлена такая особенность Сибири, как *более поздний по сравнению с другими районами страны переход к продналогу*. К марту 1921 г. процент выполнения здесь разверстки не достиг и половины планового задания. Поэтому в конце марта 1921 г. Сибревком полностью отменил разверстку лишь в наименее хлебной Иркутской губернии и Якутской области. В остальных губерниях она отменялась частично и только в том случае, если задание было выполнено не менее чем на 75%. В своих телеграммах в Сибирь В. И. Ленин «в порядке боевого приказа» потребовал развернуть хлебные заготовки путем товарообмена, не отменяя в то же время разверстку. Сибревком принял чрезвычайные меры, сократил нормы потребления в Сибири, организовал борьбу с мешочничеством и спекуляцией. *В марте-июне 1921 г. посредством применения чрезвычайных мер было собрано дополнительно 6,5 млн пуд. сибирского хлеба.* Это стало возможным за счет призыва в местные продовольственные органы «надежных пролетарских кадров». Так, решением Сиббюро ЦК РКП(б), принятым в августе 1921 г., на продовольственную работу было мобилизовано более 2200 коммунистов и передовых рабочих. В распоряжение сибирских продовольственных органов прибыло около тысячи человек из центральных районов страны. Эти люди, не будучи сами

местными уроженцами, не считались с реальной ситуацией в деревне, не останавливались ни перед чем при выполнении распоряжений центра.

Яркий пример взаимоотношений государства и населения на почве продразверстки показали события в Ишимском уезде Тюменской губернии. Декретом Совнаркома от 20 июля 1920 г. об изъятии хлебных излишков в Сибири на регион была назначена разверстка в 110 млн. пудов хлебофуража. В Тюменской губ., с конца августа 1920 г. до начала января 1921 г. было введено 34 вида разверстки. Самыми обременительными из них являлись разверстки на хлеб и зернофураж (соответственно 3,3 и 4,9 млн пудов), две трети количества которых приходилось на один Ишимский уезд. Выполнить хлебофуражную разверстку намечалось к 1 марта 1921 г. При этом в 1920 г. Тюменскую губернию, особенно Ишимский уезд, постиг неурожай. По мнению коллегии местного губпродкома, размер почти всех разверсток, назначенных Наркомпродом на губернию, превышал количество реальных излишков, имевшихся у населения. Тем не менее, коммунистам, работавшим в продовольственном аппарате (уездным и районным комиссарам, комиссарам заготовительных контор, волостным инструкторам), а также примерно 300 членам партии, дополнительно мобилизованным из городских учреждений, было поручено добиться перелома на продовольственном «фронте», заставить крестьян выполнить все разверстки в назначенный срок.

В конце октября 1920 г. Тюменский губисполком и губпродком дали местному партийно-советскому аппарату директиву во чтобы то ни стало выполнить 60% разверстки к 10 ноября, а оставшиеся 40% – к 1 декабря 1920 г., не стесняясь при этом в выборе средств. В ней говорилось: *«Будьте жестоки и беспощадны [ко] всем волисполкомам, сельсоветам, которые будут потворствовать невыполнению разверсток. ...к не выполнившим применяйте, помимо ареста волисполкомов, конфискацию всего имущества. Уничтожайте целиком в пользу обществ хозяйство тех лиц, кои будут потворствовать невыполнению разверстки.»* По отношению к оказавшим сопротивление сельским обществам Г. С. Инденбаум, начальник губпродкома, потребовал «беспощадной расправы», конфискуя у членов таковых всю наличность продовольствия и оставляя их на голодной норме. Из мобилизованных коммунистов были образованы контрольно-инспекторские комиссии и «тройки», члены которых получили мандаты чрезвычайных уполномоченных. Согласно мандатам, они имели право налагать административные взыскания, арестовывать граждан, сотрудников волисполкомов и сельсоветов, осуществлять конфискацию и реквизицию их имущества, брать заложников. В помощь комиссиям и «тройкам» была выделена вооруженная сила – продотряды военно-продовольственного бюро ВЦСПС и красноармейские отряды 61-й стрелковой бригады войск внутренней службы. На крестьянство и местные советские органы обрушился государственный произвол, сопровождавшийся насилием со стороны продработников. У большинства крестьян изымались не только излишки сельскохозяйственных продуктов, но и резервный фонд, а в ряде мест –

продовольственный хлеб и семена. Благодаря таким методам, к 6 января 1921 г. задание Наркомпрода по хлебофуражу Тюменским губпродкомом было выполнено на 102%. При этом сотрудники продаппарата, работавшие в деревнях, отбирали у сельских жителей предметы домашнего обихода и деньги, рукоприкладствовали и драли их плетью, сажали в «холодную» и устраивали фиктивные расстрелы, насиловали женщин.

В 1921 г. продналог в Сибири на хлеб, мясо и другие продукты был определен (в переводе на ржаные единицы) в 53 млн пуд., что составляло около половины объема фактически выполненной разверстки. **При обложении соблюдался классовый принцип, налог взимался по прогрессивной системе в зависимости от экономической мощности хозяйств.** Но, что характерно для Сибири, переход от продразверстки к продналогу не дал ожидаемого положительного эффекта. В связи с затянувшейся продразверсткой сбор его начался позже, чем в центре страны, и к 1 октября дал лишь 800 тыс. пуд. Чтобы спасти положение Сибревком, Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибпродком приказом от 5 октября образовали сибирскую оперативную тройку для руководства налоговой кампанией и потребовали выделить новые силы на организацию хлебазаготовок. На местах вновь прошли дополнительные мобилизации. Нежелание крестьян выполнять продналог объясняется сложившимся недоверием к политике советской власти и тем, что платежные силы деревни были подорваны прежней чрезмерной продразверсткой. **При этом при сборе продналога продолжали применяться меры военного коммунизма.** По отношению к кулачеству использовались принудительные меры взыскания. В Алтайской, Новониколаевской и других губерний имели место незаконные аресты и репрессии. В ответ на жалобу из Новониколаевской губернии в ситуацию даже вмешался лично В. И. Ленин, потребовав от Сибревкома «наказать виновных в превышении власти при сборе продналога и в истязании крестьян» и «принять особо энергичные меры к полному обсеменению мест, пострадавших от неправильного сбора продналога». К апрелю 1922 г. сбор продналога закончился. Ограничив собственные потребности, **Сибирь дала 28% всего продовольствия, заготовленного в стране.**

Во время второй продналоговой компании все прошло более гладко, механизм постепенно отлаживался, нормы снижались. Величина второго продналога была примерно на 10% ниже первого, и сбор его прошел в более короткие сроки. Уже к декабрю 1922 г. крестьяне выполнили налог на 96%, а Новониколаевская и Томская губернии, Бурятия и Горный Алтай перевыполнили задание. При этом число административных взысканий уменьшилось примерно в два раза. **В итоге отношение крестьян к советской власти несколько улучшилось, весной 1923 г. начался быстрый подъем сельского хозяйства Сибири.** Но Сибирь, как и европейская Россия, в 1920-е гг. не избежала голода. Так, в 1922 г. были признаны голодающими 66 тыс. крестьян Канского уезда Енисейской губернии, были случаи голодных смертей. В Омской губернии к дефицитным в отношении

продовольствия было официально причислено 900 тыс. По официальным данным в 1922 г. голодало 300 тыс. чел., зарегистрированы 740 случаев голодных смертей, 20 тыс. опухших от голода. В Томской губернии голодающими признано 150 тыс.

2. Восстановление сельского хозяйства.

Для ускорения восстановления сельского хозяйства государство пошло по пути широкого предоставления крестьянам сельхозкредита, что значительно увеличило масштабы приобретения техники. Специальные меры использовались для поддержки бедняцких хозяйств, создавались крестьянские комитеты. **С 1923/24 г. вводился единый сельскохозяйственный налог. Часть налога крестьяне вносили натурой, а часть (по своему желанию) - деньгами.** Это облегчало его уплату и создавало большую свободу в развитии хозяйства. С 1924/25 г. налог стал взиматься только в денежной форме, что позволило полнее учесть доходы кулачества и усилить его обложение. Это было актуально для Сибири, где кулачество, наряду с доходами от сельского хозяйства, получало большие прибыли от торговых и ростовщических операций и содержания различного рода предприятий. Таким образом налоговая политика носила четкий классовый характер. В целом ставка налога ежегодно снижалась. В 1923/24 г. пятая часть всех крестьянских хозяйств Сибирского края, преимущественно бедняцких, была полностью освобождена от налога. Как свидетельствуют бюджеты крестьянских хозяйств Сибири за 1924-1925 гг., на одно бедняцкое хозяйство в среднем приходилось 5,5 руб. налога, середняцкое – 32,5 руб. и кулацкое – 92,8 руб.

В результате такой политики менялась социальная структура сибирской деревни. Хотя сохранялись единоличный характер крестьянских хозяйств и частная собственность на орудия производства как условие для имущественного неравенства и классового расслоения, земля была национализирована и не могла продаваться или покупаться. Это затрудняло концентрацию земельных угодий в руках кулачества. Крестьянское хозяйство развивалось под воздействием мероприятий Советского государства, которое укрепляло бедняцко-середняцкие хозяйства и ограничивало кулаков. В 1925-1926 гг. к бедняцким можно было отнести 39% всех крестьянских дворов Сибирского края, к середняцким - 56% и кулацким - 5%. Среднякам принадлежало три четверти посевных площадей, более трех пятых всех капиталов в средствах производства и подавляющая часть товарной продукции (около четырех пятых). **Классовое расслоение в Сибири, таким образом, имело некоторые особенности. При общей более высокой зажиточности деревни процент середняков здесь ниже, а бедноты и кулачества выше, чем в центре Советской России.**

С 1924 г. в Сибирском крае началось увеличение числа кулацких хозяйств, обусловленное общей сменой политического курса по отношению к деревне. Основной формой предпринимательства в деревне являлась сдача

в наем машин, инвентаря и рабочего скота. Скот или машины давались за деньги, хлеб и отработки. Второе место среди форм кулацкой эксплуатации занимали наем рабочей силы и аренда земли. С 1923 г. сфера арендных отношений расширилась и к концу восстановительного периода охватила примерно четвертую часть всех крестьянских хозяйств. Землю сдавали главным образом бедняки и маломощные середняки, а в качестве арендаторов выступали кулаки и зажиточные середняки.

К 1924 г. общинная форма землепользования в Сибири охватывала примерно 94% всех крестьянских земель, хутора и отруба - 5 и коллективные хозяйства - 1%. Предпринимались попытки развивать кооперацию, но теперь нового – социалистического – типа. В июле 1922 г. состоялся общесибирский организационный съезд сельскохозяйственной кооперации, подготовленный под руководством Сиббюро ЦК РКП(б). Ему предшествовала острая борьба со старыми кооператорами, меньшевиками и эсерами, пытавшимися захватить руководство кооперацией в свои руки. В 1925 г. в Сибирском крае насчитывалось около 4800 сельскохозяйственных кооперативов, объединявших примерно четвертую часть всех крестьянских дворов. Среди них 41% составляли бедняки, 54% - середняки и 5% - зажиточные крестьяне и кулаки. Преобладающей являлась кооперация по совместной переработке и сбыту молочной продукции. Таким образом, кооперативное движение опиралось на дореволюционную традицию. С 1923 г. возрождается вывоз сибирского масла на лондонский рынок, где оно получило высокую оценку. В 1922-1925 гг. в работе сельскохозяйственной кооперации преобладали посреднические и снабженческо-сбытовые операции. Производственная была развита минимально. Более того, происходил даже спад в развитии производственной кооперации (колхозов). К октябрю 1921 г. на территории, подведомственной Сибревкому, насчитывалось 1067 коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли, объединявших около 66 тыс. человек. В 1925 г. имелось 564 коллективных хозяйства. В условиях свободного товарооборота часть коллективов, не получая прямых государственных пособий, не смогла выжить и распалась. Переход к нэпу оживил собственнические настроения среди крестьян-колхозников, прежде всего середняков, которые предпочли вернуться к единоличному хозяйству. Из колхозов вышли крестьяне, вступившие в них из конъюнктурных соображений, из желания воспользоваться льготами. С ликвидацией продовольственных трудностей и оживлением промышленности часть рабочих, ремесленников и служащих, входивших в колхозы, возвратилась в город. На состоянии коллективных хозяйств отрицательно сказались и ошибки в налоговой политике первых лет нэпа, когда колхозы приравнивались к крупным хозяйствам единоличников, облагаемых повышенными ставками, хотя большинство коллективных хозяйств состояло из бедняцких семей.

В 1926-1927 гг. удельный вес посевных площадей Сибири в СССР равнялся 6,91%, валовой продукции 5,7 %. *При этом уровень изъятия*

продовольствия у населения был выше, чем по стране в целом. Так, в 1920-21 хозяйственном году из 107 млн. пудов хлеба, заготовленных в стране, в Сибири было заготовлено 87-89 млн. пуд. (81,3 - 83,1%). Очевидно, столь высокая доля Сибири в общероссийских заготовках хлеба обусловлена неурожаем в Поволжье, вызвавшим известный голод 1921 – 1922 г. В 1926-27 хозяйственном году доля Сибири в хлебозаготовках составляла 11,1%, в 1927-28 - 11,2%, а 1928-1929 - 18,11% при численности сельского населения Сибири 6-7% от общего количества всех крестьян страны. **К социально-экономическим итогам нэпа можно отнести снижение нормы потребления хлеба в Советской деревне на 3,2%, в городе – на 12,8%, у сибиряков соответственно – на 8,2% и 14%.**

3. Новая экономическая политика в промышленности.

Кризис промышленного производства выразился в закрытии значительного числа предприятий. Из 1640 государственных предприятий Сибири (без Дальнего Востока) значительная часть бездействовала или работала не в полную нагрузку. Оборудование изнашивалось и технически устарело. Еще хуже обстояло дело с топливом, сырьем, денежными средствами. Ситуация оценивалась как топливный голод. Остро чувствовалась нехватка металла. **Потребность сибирской промышленности в чугуне и стали к октябрю 1921 г. обеспечивалась на 2-6%.** Гражданская война особенно сильно отразилась на состоянии железнодорожного транспорта. К 1 октября 1921 г. половина паровозов и пассажирских вагонов, четвертая часть товарных вагонов были неисправными. Не хватало топлива, что угрожало полной остановкой движения. Для решения проблемы требовались чрезвычайные мобилизационные меры. С 15 ноября 1921 г. проводился трехнедельник по подвозке топлива к железной дороге. По степени важности эта работа приравнивалась к сбору продналога. До 15 декабря пришлось прекратить пассажирское и сократить товарное движение, усилив подвозку угля к станциям. Комиссия ВЦИК, СТО и НКПС во главе с наркомом путей сообщения Ф. Э. Дзержинским выехала в Сибирь 5 января 1922 г. Удалось ускорить темпы отгрузки продовольствия в центр и выполнить соответствующие задания в срок. В декабре 1922 г. количество перевезенных грузов, приходившееся на одного работника, составляло немногим более четверти довоенного. Расходы же на содержание путевого хозяйства не уменьшились. Все это делало транспорт убыточным.

26 августа 1921 г. Сибревком принял постановление об изменении политики в промышленности в условиях нэпа и утвердил «Положение об органах Совета Труда и Оборона на территории Сибири». Такими органами в губерниях стали губернские экономические совещания (губэконосо). Они включали в свой состав представителей различных экономических ведомств и координировали их деятельность в масштабах губернии. **Было создано Сибирское промышленное бюро ВСНХ**

(Сибпромбюро), подотчетное Сибревкому и ВСНХ. Оно осуществляло координацию и направление деятельности губернских совнархозов, а также непосредственное руководство наиболее важными промышленными объединениями. *В декабре 1920 г. была разработана сибирская часть плана ГОЭЛРО – СибГОЭЛРО. В 1921 г. была образована Сибирская общеплановая комиссия (Сибплан).*

В отношении управления промышленным предприятиями руководствовались «Наказом Совета Народных Комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики», принятым 9 августа 1921 г. Ввиду ограниченности топливных, сырьевых, продовольственных и финансовых ресурсов, нехватки квалифицированных кадров все силы и средства государства концентрировались на крупнейших предприятиях, прежде всего тяжелой промышленности. Они были отнесены к первой группе, оставались на государственном снабжении и в непосредственном управлении государства. Ко второй группе предприятий были отнесены, главным образом, мелкие промышленные заведения, которые могли сдаваться в аренду кооперативам, товариществам, а также частным лицам. Это необходимо было для быстрого увеличения выпуска предметов широкого потребления и восстановления недействующих предприятий без затрат со стороны государства. Остальные предприятия относились к третьей группе и подлежали временному закрытию. Был произведен отбор фабрик и заводов, оставшихся в непосредственной эксплуатации государства - 299 предприятий с 41 140 рабочими. Мелкие предприятия были возвращены прежним владельцам или сданы в аренду, а другие, отнесенные к третьей группе, представляли собой фонд, из которого черпался технический инвентарь для замены износившегося оборудования действующих фабрик и заводов.

12 августа 1921 г. Совет Труда и Оборона принял постановление о мерах восстановления крупной промышленности, предусматривавшее создание трестов. К 1 октября 1922 г. в Сибири было образовано 38 трестов, объединивших 184 предприятия, на которых работало 77.6% всех рабочих, занятых на государственных предприятиях. Основные отрасли промышленности Сибири - угольная, золотодобывающая - были трестированы почти полностью. Отказ от методов военного коммунизма и переход к нэпу выразился также в том, что с упразднением в конце 1921 г. трудовой повинности, мобилизаций и трудовых армий прекращалось принудительное распределение рабочей силы. Начался переход от натуральной к денежной оплате труда. Постепенно преодолевалась уравнильность оплаты.

В условиях топливного голода советская власть особенное внимание уделяла состоянию добычи угля в Сибири. Еще в июле 1920 г. была выделена ударная группа угольных предприятий, подлежащая восстановлению в первую очередь. К ней были отнесены Анжерские, Судженские, Кольчугинские и Кемеровские копи. Для управления угольной

промышленностью Кузбасса был создан трест Сибирьюголь, администрация которого находилась в Томске. В каменноугольной промышленности с лета 1921 г. из-за нехватки квалифицированных кадров и крайней изношенности оборудования началось падение добычи. Треть всей добычи угля в Сибири давали наиболее крупные рудники, Анжерский и Судженский, объединявшие 8 шахт. Их оборудование настолько изнашивалось, что первое время затраты на ремонт превосходили расходы на добычу угля. Для освоения южных угленосных районов Кузбасса - Прокопьевского, Киселевского и Осинниковского - необходимо было завершить постройку Кольчугинской железной дороги, обеспечивавшей выход на Транссибирскую магистраль. На наиболее трудных участках дорогу приходилось перекладывать по четыре раза, но в 1922 г. она вступила в эксплуатацию. Это повысило роль южных районов Кузбасса, которые с 1920 по 1922 г. увеличили добычу угля в 3,5 раза. 16 февраля 1922 г. Совет Труда и Оборона принял постановление о мерах по усилению добычи на каменноугольных копях Сибири и Урала. В качестве этих мер СТО установил повышенные нормы продовольствия для сибирских горняков, выделил дополнительные средства для улучшения материально-технического снабжения шахт.

Добыча золота, одна из основных отраслей дореволюционной промышленности Сибири, в 1920/21 г. составила 3.3% от довоенной. Но золотопромышленность начала восстанавливаться быстрее других отраслей и уже в 1921/22 г. составила 20% довоенного уровня. Некоторые позитивные сдвиги произошли и в других отраслях промышленности. Весной 1921 г. были восстановлены и пущены Николаевский и Лучихинский металлургические заводы в Приангарье, вошедшие затем в трест «Ангарометалл». К осени 1922 г. их производительность достигала 45% довоенного уровня. К концу 1921 г. был восстановлен Гурьевский металлургический завод. 1 октября 1921 г. открылась первая в Сибири государственная обувная фабрика в Омске, построенная за пятнадцать месяцев. Но в целом объем промышленного производства Сибири в 1921/22 г. продолжал падать. Действовало лишь 131 государственное предприятие с 33,3 тыс. рабочих. Произведенная ими продукция составляла немногим больше пятой части довоенного уровня. В этих условиях весной 1921 г. Госплан одобрил *проект Урало-Кузнецкого комбината, подготовленный обществом сибирских инженеров*, и было решено его доработать в соответствии с планом ГОЭЛРО. В марте на техническом совещании в Томске постройка Кузнецкого металлургического завода была обозначена как первоочередная задача наряду с восстановлением Гурьевского завода.

Постепенный общий подъем экономики начался с 1922/23 хоз. года. В соответствии с директивой Сибревкома производилась дальнейшая концентрация промышленности. Была создана специальная комиссия по изучению хозяйственной деятельности трестов и определению их технической и финансово-экономической необходимости, приняты меры по перераспределению капиталов между отдельными предприятиями и даже

целыми отраслями промышленности. Правда при проведении этой директивы были допущены серьезные просчеты и неоправданная ликвидация некоторых производств. В Иркутской губернии был ликвидирован трест «Ангарометалл» и прекращена деятельность входивших в него двух заводов. В мае 1923 г. был также законсервирован и Абаканский железоделательный завод. В результате из пяти металлургических заводов, имевшихся в Сибири, оставалось только два: Гурьевский в Кузбассе и Петровско-Забайкальский, выдавшие вместе в 1922/23 г. всего 3 тыс. т чугуна. Такое радикальное свертывание промышленного производства стало следствием господствовавшей установки хозяйственных работников и руководителей плановых органов на то, что Сибирь в ближайшее время будет сельскохозяйственным регионом. **Считалось, что индустриализация края – дело далекого будущего.** Так, в докладе на 5-м Сибирском экономическом совещании 4 января 1924 г. председатель Сибревкома М. Лашевич заявил, что «вряд ли есть основания полагать, что нам удастся установить какую-нибудь крупную промышленность в Сибири в ближайшие годы».

В интересах восстановления **угольной промышленности** Сибири Советское правительство использовало интернациональные связи с рабочим классом капиталистических государств. Еще 25 октября 1921 г. Совет Труда и Оборона подписал договор с организационной группой американских рабочих во главе с коммунистами В. Хейвудом и С. Рутгерсом об эксплуатации ряда предприятий Кузбасса. **В декабре 1922 г. СТО утвердил новый договор, теперь уже с «Автономной индустриальной колонией Кузбасс».** Колония непосредственно подчинялась Совету Труда и Оборона. В Кузбассе ей были переданы все предприятия Кемеровского района стоимостью в 6 млн руб. Первоначально это был Кемеровский рудник и недостроенный коксохимический завод. Позже, в 1924 г. в распоряжение АИК были переданы Прокопьевский, Киселевский и Кольчугинский рудники. Помимо того, что это начинание стало проявлением интернациональной солидарности, оно было коммерческим предприятием, занимавшимся закупкой оборудования за границей в условиях отсутствия официальных дипломатических отношений. Сам Рутгерс выступал и в роли посредника, и в роли продавца. Колония получила право беспошлинного ввоза машин и оборудования из-за границы, освобождалась от налогов, инвесторы получали гарантированные 8% годовых.

Первоначально для работы в Кузбасс приехало около 500 иностранных рабочих и инженеров, 176 из них уехало. В декабре 1923 г. из 2362 рабочих и служащих, работавших на кемеровских предприятиях колонии, иностранцев было только 269. В дальнейшем количество иностранцев на АИК составляло около 400 человек. Приняв в свое ведение Кемеровский район, АИК «Кузбасс» сосредоточила внимание на пуске электростанции, достройке коксохимического завода, обновлении оборудования рудника. В течение 1923 г. на эти цели было израсходовано почти миллион руб., в том числе более чем на 100 руб. из-за границы было закуплено различных машин. В

марте 1924 г. в Кемерове был открыт первый в Сибири химический завод. Его поставки на Урал позволили на 30% поднять производительность уральских доменных печей и ликвидировать тяжелую и трудоемкую работу по выжигу древесного угля. Этим было положено начало осуществления Урало-Кузбасского комплекса.

Низкий уровень развития производительных сил, высокие транспортные расходы, высокая себестоимость и высокая цена на уголь привели к резкому кризису сбыта, вследствие чего снизилась его добыча. В Кузбассе к 1923 30% добытого угля не было реализовано. Еще более тяжелыми были условия сбыта для черемховских углей. Главное управление по топливу в 1923/24 г. даже снизило для Черемхова производственную программу на 30%. Трудности сбыта угля поставили вопрос о расширении круга его потребителей. Наркомом путей сообщения Ф. Э. Держинским было дано специальное указание об использовании прокопьевско-киселевских углей на транспорте, что увеличило его потребление в 1923/24 г. на 39%. Руководство АИК даже заключило договор об использовании кузнецких углей на балтийском флоте. С января 1924 г. был установлен льготный тариф на перевозки кузнецких углей на Урал и в европейскую часть страны. С 1 июня 1924 г. на кузнецком коксе начинают работать доменные печи Урала. С марта 1925 г. общая добыча угля в Сибири начинает неуклонно расти. В 1925/26 г. было добыто 2,2 млн т угля, т. е. на 75% больше, чем в 1913 г.

В *золотопромышленности* было занято около пятой части всех сибирских рабочих. Основная добыча вначале сосредоточилась в общесоюзном тресте «Лензолото», который давал большую часть всей золотодобычи Сибири. Действовали также трест «Енисейзолото» и четыре золотопромышленные конторы по организации артельных работ. Летом 1923 г. было открыто богатое месторождение золота в районе Алдана (Якутия), на основе которого в 1924 г. был организован трест «Алданзолото». В целом по Сибирскому краю добыча золота в 1924/25 г. в 1,7 раза превысила уровень 1922/23 г. и достигла 53% довоенной.

В 1923 г. начинается постепенное оживление лесопромышленности Сибири. В 1924/25 г. она дала увеличение выпуска продукции почти на одну треть по сравнению с предыдущим годом, особенно за счет заготовки древесины для внешнего рынка. *Особо важное значение приобрел экспорт леса, давая валютные фонды, необходимые для восстановления народного хозяйства.* В 1923/24 г. лес экспортировался в Японию и Китай, в 1924/25 г. было заключено 75 договоров с 24 иностранными фирмами, и лес стал вывозиться в Южную Африку, Сирию, Египет и Англию. В 1926 г. экспорт леса на Дальнем Востоке в 15 раз превысил довоенный уровень.

Первоначальный план индустриального развития Сибири предусматривал строительство шести электростанций, трех из них в Кузбассе, затем планы были пересмотрены. К шестой годовщине Октября (1923 г.) вошла в строй новая электростанция в Барнауле. 10 мая 1924 г. была

заложена центральная электростанция в Новониколаевске. С 1 сентября 1925 г. начала работать электростанция на ст. Слюдянка (Иркутская губерния), а к VIII годовщине Октября (1925) открылась электростанция в Туруханске.

Основная проблема в процессе восстановления промышленности заключалась в том, что рост производительности труда отставал от роста заработной платы. Зарплата рабочих Сибирского края в первом полугодии 1923/24 г. увеличилась на 53%, а производительность труда - лишь на 32%. Такое положение было характерным для всей страны. Улучшению производственной деятельности предприятий способствовал рост капиталовложений. Если в 1923/24 г. они составили по Сибирскому краю около 1 млн. руб., то в 1924/25 г. - уже 3,7 млн. руб. Крупная промышленность Сибирского края в 1925 г. насчитывала 336 действующих предприятий с 36 тыс. рабочих и производила продукции более 72% довоенного уровня. *Темпы ее развития несколько отставали от общесоюзных.* Крупная промышленность СССР в 1925 г. достигла 75% довоенного уровня. *Государственный сектор крупной промышленности Сибирского края к концу восстановительного периода производил почти 84% всей продукции, кооперативный – 13, а частный – чуть больше 3%.*

В мелкой промышленности Сибирского края в 1925 г. имелось около 80 тыс. мелких кустарных предприятий с 82 тыс. рабочих. То есть в подавляющем большинстве это были предприятия, на которых работало по одному человеку. Их валовая продукция составляла около половины продукции всей промышленности края против 30% в целом по промышленности СССР. Подавляющая масса мелких предприятий находилась в деревне и была занята переработкой сельскохозяйственного сырья: зерна, шерсти, льна, пеньки, кожи и т. д. В большинстве своем они принадлежали частным владельцам. В связи с тем, что мелкая промышленность края развивалась более медленными темпами, общий объем промышленности в 1924/25 г. составил 61,4% довоенного уровня против 73%, достигнутых общесоюзной промышленностью. К концу 20-х годов доля региона в основных фондах союзной промышленности не превышала 1,3%, в валовой продукции промышленности - 0,9%, а в РСФСР - 2,6%. Здесь было занято 1,35% рабочих СССР.

Грузооборот сибирских железных дорог в течение 1924/25 г. возрос в 1,6 раза по сравнению с предыдущим годом, достигнув 83% от уровня 1913 г. Улучшились экономические показатели работы железнодорожного транспорта. Транспорт перестал быть убыточным. Важнейшей стройкой была дорога Ачинск – Абакан протяженностью в 459 км, строительство которой было начато еще до гражданской войны. 23 ноября 1925 г. состоялось торжественное открытие станции Абакан.

Параллельно с восстановлением сибирской экономики на базе рыночных отношений происходила эволюция в организации административного и партийного руководства в сторону отказа от чрезвычайных методов эпохи военного коммунизма. Весной 1924 г.

сложилась обстановка, которая позволила отказаться от назначаемых общесибирских партийных органов. **В мае 1924 г. состоялась Первая Сибирская краевая партийная конференция, на которой был избран краевой комитет РКП(б).** Первым секретарем Сибкрайкома партии был избран С. В. Косиор. Однако выборы в Советы осенью 1924 г. в Сибири, как и по всей стране, имели явные проявления партийной диктатуры. Пережитки «военного коммунизма» проявлялись в нарушениях выборного законодательства и социалистической законности, командовании, приказах и давлении на избирателей – крестьян и рабочих. В результате по Западной и Восточной Сибири в выборах сельсоветов приняло участие лишь 31,4% избирателей. По отдельным местам явка была еще ниже. В Иркутской губернии, например, она составила 29,6%. ВЦИК был вынужден учесть негативный опыт и принял решение о проведении новых выборов в Советы в тех местностях, где осенью 1924 г. участвовало менее 35 % избирателей. Новые выборы в Сибирском крае проходили в феврале-марте 1925 г. Теперь в рамках избирательной кампании была организована широкая политико-пропагандистская работа, которая дала свои результаты. В повторных выборах по Сибирскому краю приняло участие уже 50% от числа всех избирателей.

В конце восстановительного периода было изменено административно-территориальное устройство – ликвидировано волостное деление и созданы сельские районы. В течение 1924 г. было создано 259 районов вместо 905 волостей и 4400 сельских Советов вместо 7000 до районирования. Таким образом произошло укрупнение низших административно-территориальных единиц. Функции райисполкомов по сравнению с волисполкомами во многом были расширены, штаты же сократились в целом по Сибирскому краю на 24.4%.

В 1925 г. закончилось преобразование уездного и губернского аппарата и был **упразднен Сибревком как чрезвычайный орган Советского государства. Старое административно-территориальное деление на уезды и губернии было упразднено и созданы новые единицы – округа.** Всего на территории Сибирского края было образовано (без Иркутской губернии, где образование округов производилось в 1926 г.) 16 округов и одна автономная область вместо 5 губерний и 38 уездов. В октябре-ноябре прошли окружные съезды Советов, избравшие окружные исполнительные комитеты Советов и депутатов на краевой съезд Советов. **3 декабря 1925 г. в г. Новониколаевске во Дворце Советов открылся Первый Сибирский краевой съезд Советов.**

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие последствия имела гражданская война для экономики и общества Сибири?
2. В чем особенности перехода к новой экономической политике в Сибири?

3. Какие социальные процессы происходили в деревне под влиянием политики Советской власти?
4. Каковы итоги восстановительного периода в сельском хозяйстве?
5. В каком состоянии находилась промышленность региона после окончания гражданской войны? Как было организовано управление?
6. Каких результатов в восстановлении достигли важнейшие отрасли сибирской промышленности?
7. Когда произошла реорганизация партийных и советских органов власти?
8. Какие обстоятельства, с вашей точки зрения, привели к утрате Сибирью в 1920-е гг. того значения в сельском хозяйстве России, которое она имела до революции?
9. Сформулируйте основные проблемы и противоречия, с которыми столкнулась экономика Сибири в период нэпа. Возможно ли было их разрешение в рамках той же экономической политики?

Тема 7. Сибирь в конце 1920 – 1930-е гг.: становление социалистической экономики

- 1. Планы индустриализации Сибири и их реализация**
- 2. Коллективизация в сельском хозяйстве и ее итоги.**

1. Планы индустриализации Сибири и их реализация

До принятия первых пятилетних планов и курса на социалистическую индустриализацию Сибирь специализировалась на обеспечении страны сельскохозяйственным сырьем и продуктами. Крупномасштабного нового промышленного строительства в Сибири в 1921–1928 гг. не велось, в общем объеме строительных работ преобладали капитальный ремонт и реконструкция. В нескольких городах (Омске, Барнауле, Новониколаевске) были сооружены центральные электростанции. Силами АИК «Кузбасс» был достроен и пущен Кемеровский коксохимический завод. Определенные успехи были достигнуты в развитии пищевой и легкой промышленности, ориентированных, на удовлетворение потребностей сибиряков. Были введены в строй новые кожевенные заводы в Иркутске, Омске, Новониколаевске. Механизированные обувные фабрики сооружены в Омске, Томске, Красноярске. В эти годы ***Сибирь не значилась среди приоритетных регионов в планах экономического развития***, основной упор делался на восстановление хозяйства Европейской России.

Необходимость создания за Уралом современной тяжелой промышленности, в том числе – оборонной – связывалась с угрозой войны против СССР. Процесс индустриализации в экономике Сибири начался еще в 1890-е гг., но до революции не был завершен. ***Необходимо было решить ряд специфических сибирских проблем. Во-первых***, отсутствовала необходимая материально-техническая база для развертывания крупного

промышленного строительства; в зачаточном состоянии находилась тяжелая индустрия, металлообрабатывающая промышленность, производство строительных материалов. **Во-вторых**, при громадности территории была слабо развита сеть путей сообщения, особенно в меридиональном направлении; единственная Транссибирская железнодорожная магистраль пролегла в широтном направлении. Ввиду отсутствия железнодорожного транспорта в меридиональном направлении, все таежные территории на севере и северо-востоке оставались малодоступными и слабо освоенными. **В-третьих**, более суровые, чем в европейской части России природно-климатические условия (тайга, болота, вечная мерзлота на значительной части района) сочетались с отсутствием населенных пунктов и инфраструктуры. **В-четвертых**, остройшей проблемой являлись кадры. Малолюдье, отсутствие квалифицированных рабочих, самая низкая в стране прослойка инженеров и техников на предприятиях затрудняли индустриальное развитие края. Требовалось привлечь на стройки и в промышленность десятки тысяч новых рабочих, обучить их, создать необходимые жилищно-бытовые условия.

Центральное место в планах индустриализации Сибири занимала программа строительство Урало-Кузнецкого комбината, направленная на создание второй угольно-металлургической базы СССР. На него приходилась основная часть строительно-монтажных работ в годы первой пятилетки. Сибирская часть Урало-Кузнецкой проблемы предусматривала не только создание современной черной металлургии в виде Кузнецкого металлургического комбината, но и самое широкое развитие многих отраслей промышленности: угольной, химической, машиностроения, цветной металлургии и др. *«Вторая всесоюзная угольно-металлургическая база, - говорил В. В. Куйбышев, - должна получить свое мощное развитие на основе превращения Урало-Кузнецкого комбината, во-первых, в одну из основных баз снабжения страны качественной сталью и чугуном; во-вторых, в основную базу по снабжению страны цветными металлами: медью, цинком, свинцом, никелем и т. д., а также по снабжению легкими металлами - алюминием, магнием и др.; в-третьих, Урало-Кузнецкий комбинат должен превратиться в одну из основных решающих баз химизации страны, и, наконец, в-четвертых, Урало-Кузнецкий комбинат должен превратиться в крупную базу по снабжению оборудованием и машинами всего Советского востока, части Поволжья и других районов Союза... Урало-Кузнецкий комбинат станет вторым центром нашей индустрии и нашего народного хозяйства».* Таким образом, создание Урало-Кузнецкого комбината и развитие в Сибири ряда новых отраслей тяжелой промышленности являлось решающей составной частью индустриализации всего Советского Союза.

В течение пятилетия намечалось построить и пустить первую очередь Кузнецкого металлургического завода, Кемеровский коксохимический комбинат, Беловский цинковый завод, десятки шахт в Кузбассе и Черембассе, несколько электростанций, предприятий машиностроительной и

металлообрабатывающей, лесной, легкой и пищевой промышленности, соорудить ряд рудников по добыче цветных металлов и редких минералов. В промышленность Сибирского края планировалось вложить почти 930 млн. руб., из них в новое строительство – 721 млн. руб. Почти четыре пятых всех капиталовложений направлялось в развитие тяжелой индустрии, в которой доля нового строительства составляла 77%.

Составной и неотъемлемой частью создания Урало-Кузнецкого комбината являлось ускоренное развитие **угольной промышленности** Сибири, и прежде всего **увеличение добычи коксующихся углей в Кузбассе**. За четыре года пятилетки в Сибири было заложено свыше пятидесяти новых шахт и штолен, из них почти половина в Кузбассе. Вступили в строй новые рудники: Киселевский, Куйбышевский и Осинниковский в Кузбассе; Букачачинский, Канский и Головинский в Восточной Сибири. Коренной реконструкции подверглись старые шахты. Резко возросла техническая оснащенность угольной промышленности. **Добыча угля в Сибири увеличилась почти в 2,7 раза**. Особенно быстро росла добыча коксующихся углей в Кузбассе. В конце пятилетки она составила треть всей угледобычи бассейна против 9,9% в 1927/28 г. В годы второй и начале третьей пятилеток продолжилось усиленное развитие черной металлургии и угольной промышленности в Сибири. Расширялись и реконструировались КМК, Гурьевский и Петровск-Забайкальский металлургические заводы. Новые шахты активно создавались не только в Кузбассе, но и в Черембассе, Красноярском крае и Читинской области.

В годы первой пятилетки **было положено начало созданию нефтяной промышленности на Дальнем Востоке**. Добыча нефти возросла с 296 т в 1928 г. до 189 тыс. т в 1932 г.

Успешно развивалась **химическая промышленность** Сибири, в которой приоритет отводился переработке угля. Поэтому центром ее развития естественным образом стал Кузбасс. Введенный в строй еще до начала индустриализации Кемеровский коксохимический завод значительно расширился: в конце 1929 г. вошла в строй третья коксохимическая батарея. Также в Кемерове развернулось строительство коксохимического и азотнотукового комбинатов, завода пластмасс. В конце 1930-х гг. в Омске началось сооружение шинного завода.

Создание и развитие цветной металлургии. Сооружение основных цехов и монтажные работы на Беловском цинковом заводе были закончены уже к середине 1930 г. А в январе 1931 г., на девять месяцев раньше установленного правительством срока, дистилляционная печь выдала первый металлический цинк. В 1932 г. строители закончили сооружение всех объектов, и завод дал более четверти общесоюзной выплавки цинка. Для обеспечения завода сырьем с 1931 г. начались работы по освоению Салаирских полиметаллических руд. В конце следующего года Салаирский рудник и первая очередь обогатительной фабрики были в основном

сооружены. Только за 1931-1933 гг. в Сибири было построено и введено в строй 19 золотоизвлекающих заводов, 4 фабрики по переработке руды, первая в СССР обогатительная фабрика. Начинают применяться экскаваторы, электрические и паровые драги, гидравлические установки и много другой техники. **Добыча золота за годы пятилетки возросла по основным районам Сибири в 2-3.5 раза.** До 1932 г. в Советском Союзе олово не добывалось и потребность в нем покрывалась за счет ввоза из-за границы. Разработкой оловянных месторождений в Забайкалье в 1932 г. было положено создание собственной оловопромышленности. Тогда же в Забайкалье открывались рудники по добыче вольфрама, молибдена, слюды. В этом же году началось сооружение предприятий по добыче и обработке полиметаллических руд в районе Норильска, в том числе – Норильского горно-металлургического комбината, первого предприятия-гиганта в сибирском Заполярье. Восточные районы Сибири в годы первых пятилеток стали основными поставщиками для индустрии СССР редких цветных металлов, асбеста, промышленной слюды. **В Забайкалье добывалось 95 % производимого в СССР оловянного концентрата, 80% вольфрама, 70 % молибдена.** [1; С. 54]

Первая пятилетка, по существу, стала отправной точкой в создании и развитии сибирского **машиностроения**, в том числе – станкостроения и транспортного машиностроения, радикальном техническом перевооружении металлообрабатывающей промышленности. В 1929 г. в Иркутске на базе обозных мастерских началось сооружение крупнейшего в Восточной Сибири машиностроительного завода им. В. В. Куйбышева, производящего оборудование для золотодобывающей промышленности. В Новосибирске развернулось строительство заводов «Сибкомбайн» (впоследствии «Сибсельмаш»), станкостроительного им. XVI партсъезда (с 1930 г.). В Омске был построен новый обозный завод, а завод "Оммеханлит" превращен в крупное предприятие по производству запасных автотракторочастей. Коренной реконструкции подверглись и другие омские предприятия сельскохозяйственного машиностроения. Их производственная мощность за годы пятилетки возросла в 7 раз. Новые машиностроительные и металлообрабатывающие предприятия создавались и для обслуживания угольной промышленности, в частности, Новосибирский завод горного оборудования (в 1936 г. перепрофилированный в авиационный). В Кузбассе были построены два механических завода. Коренной реконструкции подверглись механический завод в Черембассе, Томский и Владивостокский заводы «Металлист». В годы первых пятилеток были также построены Красноярский завод тяжелого машиностроения, паровозоремонтные заводы в Омске и Улан-Удэ.

В годы двух первых пятилеток строительство машиностроительных предприятий ориентировалось в основном на обслуживание добывающей промышленности и сельского хозяйства, что отвечало потребностям самой Сибири. Но **с конца 1930-х гг., в соответствии с решением о создании в**

восточных районах СССР предприятий-дублеров, в Сибири стали сооружаться новые объекты авиационной и судостроительной промышленности, заводы по производству турбин, тяжелых станков и гидропрессов, пороховые и многие другие. Пуск большинства из них пришелся уже на годы начала войны.

Индустриальное развитие потребовало опережающего наращивания мощностей по производству электроэнергии. Крупные по тем временам районные электростанции сооружались во всех административных центрах и в городах Кузбасса, а также при некоторых промышленных предприятиях (ТЭЦ КМК). В годы первой пятилетки крупные электростанции были построены и Новосибирске, Чите, на Черновских коях, в Улан-Удэ, Нерчинске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре. *Общее число крупных районных электростанций в Сибири и на Дальнем Востоке увеличилось в 4 раза,* установленная мощность возросла почти в 4,4 раза, а производство электроэнергии — в 5,6 раза. К концу третьей пятилетки удельный вес электроэнергетики в валовой продукции производства региона по сравнению с 1928 г. увеличился в 3 раза.

Новое крупномасштабное строительство было невозможно без соответствующего развития промышленности строительных материалов. За 1929–1940 гг. в районах промышленного строительства многократно увеличилось производство кирпича, извести, облицовочного материала. Но особенно быстро развивалась цементная промышленность. Коренным образом реконструирован Яшкинский завод, недалеко от Новосибирска сооружен новый — Чернореченский. Эти два предприятия обеспечили рост производства цемента в Западной Сибири в 29 раз. [1; С. 53]

Итогом индустриализации стал ускоренный рост крупного современного производства: *число крупных предприятий по сравнению с дореволюционным периодом увеличилось в 10 раз и в 1940 г. достигло 5 тыс. Валовый объем продукции этих предприятий вырос в 9 раз,* в том числе по предприятиям черной металлургии — в 152 раза, металлообработки — в 32, электроэнергетики — в 30, строительных материалов — в 17, добычи каменного угля — в 8 раз. Объем капитальных вложений в промышленность Сибири за первую пятилетку составил 791 млн руб. (в сопоставимых ценах на 1 января 1984 г.), что в четыре раза превышало сумму капиталовложений, направленных в народное хозяйство Сибири за 11 предыдущих лет. В дальнейшем размеры инвестиций в экономику Сибири продолжали нарастать. Их среднегодовой объем во второй пятилетке увеличился на две трети, а в третьей пятилетке еще на 40 %. [1; С. 54] Но более важными были принципиальные структурные сдвиги в экономике Сибири: *уже в 1933 г. именно промышленное производство вышло в ней на первое место.* Не менее важной была глубокая реконструкция в целом народного хозяйства на базе электрификации и новой техники. Ее основу составила *принципиальная смена энергоносителей.* К концу 1930-х гг. был осуществлен переход от водяных и паровых двигателей, в основном на электрический привод. По

этому показателю промышленность Сибири достигла общесоюзного уровня, тогда как в 1920 г. отставала от него более, чем в 2 раза.

Но при всех успехах промышленного развития Сибири, многие его негативные черты не только не были преодолены, но и усилились. **Сохранялась ярко выраженная неравномерность** в распределении капиталовложений и размещении производства. К 1937 г. почти три четверти основных производственных фондов крупной промышленности приходились на Западную Сибирь. Рост индустрии носил своего рода очаговый характер, был жестко привязан к месторождениям сырья и районам развития добывающей промышленности, транспортным узлам. Как и по всей стране в целом **ведущие позиции занимала тяжёлая промышленность**. На ее долю в предвоенный период приходилось **более половины общего объема промышленного производства** (ранее – одна треть). Особенно отчетливой сырьевой ориентацией отличалось индустриальное развитие Восточной Сибири; машиностроение, химическая, обрабатывающая промышленность сосредотачивались по преимуществу в западных районах Сибири. Отчасти это обусловлено тем, что производственная база для этих отраслей начала складываться еще в предыдущий период, имелись кадры подготовленных рабочих, были лучше развиты транспортное сообщение и инфраструктура.

Темпы развития сибирской промышленности были выше, чем общесоюзной. Если валовая продукция крупной промышленности СССР выросла за первые 2 пятилетки в 5 раз, то в Сибири – в 9. Вместе с тем, нет оснований говорить об особом приоритете районов Сибири в планах индустриализации. Так, доля Сибири в общем объеме капиталовложений в годы первой пятилетки несколько выросла (с 8,2% до 8,5%), но затем снизилась в годы второй и третьей пятилеток до 7,4%, что даже ниже чем до начала индустриализации. В сочетании с более высокими, чем общесоюзные, показателями роста валовой продукции это свидетельствует о большей эффективности вложений в промышленность Сибири. Таким образом, **речь скорее шла об увеличении отдачи от капиталовложений в сибирскую индустрию, чем о приоритетном финансировании ее роста.**

2. Коллективизация в сельском хозяйстве и ее итоги.

К октябрю 1929 г. – рубежу, который вошел в историю как начало «великого перелома» в колхозном движении – **уровень коллективизации в Сибири достиг 6,7%** и незначительно отставал от средних показателей в стране (7,6%), но был примерно в три раза ниже основных зерновых районов (Северного Кавказа, Нижней Волги, Украины). На процесс коллективизации влияли **специфически сибирские условия**. Доля зажиточных хозяйств здесь была выше, уровень снабжении техникой, наоборот, отставал от среднесоюзного (при том, что до революции уровень обеспечения сибирских крестьян техникой был значительно выше, чем в европейской части). Партийные и хозяйственные работники, являвшиеся носителями соответствующих идейно-политических установок, были сосредоточены

преимущественно в центре, поэтому для проведения новой политики в деревне не доставало опоры на кадровые ресурсы. Таким образом, сибирское крестьянство еще менее было убеждено в преимуществах колхозного строя. Вместе с тем, на протяжении осени 1929 г. повсеместно организовывались кампании – «недели коллективизации», в ходе которых массово создавались колхозы.

После ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б), выдвинувшего задачу перехода к сплошной коллективизации сельского хозяйства, 15 декабря 1929 г. Сибкрайком ВКП(б) принял свое постановление «О темпах коллективизации Сибкрая». Оно определило темпы коллективизации региона, более высокие, по сравнению с прежними установками. ***Ставилась задача в течение 1929/30 г. вовлечь в колхозы около 30% сельского населения края.*** В зависимости от степени подготовленности к коллективизации были определены три группы районов. К первой относились зерновые округа: Новосибирский, Барнаульский, Рубцовский, Славгородский. Они считались районами глубокого классового расслоения крестьянства, в них наибольшее развитие получили кооперативное и колхозное движение, имелись совхозы и МТС. Здесь коллективизацию предполагалось в основном завершить к 1 октября 1931 г. Во вторую группу входили округа зернового и животноводческого направления: Омский, Барабинский, Бийский, Каменский, Кузнецкий, Красноярский, Канский и Иркутский. В них намечалось завершить коллективизацию к 1 октября 1932 г. Остальные районы - Томский, Ачинский, Хакасский, Минусинский, Киренский округа, Ойротская область и Бурятия - были отнесены к третьей группе. Здесь коллективизация должна была в основном закончиться к 1 октября 1933 г. Эти решения не противоречили последующим указаниям ЦК партии, изложенным в постановлении от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». ***Сибирь была отнесена Центральным Комитетом по темпам строительства колхозов ко второй очереди, где коллективизацию предполагалось в основном закончить осенью 1931-весной 1932 г.***

Принятые решения стали основой для усиления давления на крестьянство и резкого форсирования колхозного строительства. На 1 февраля 1930 г. в Сибирском крае уже было коллективизировано 20% крестьянских хозяйств. Многие округа Западной Сибири значительно превзошли этот уровень: Тюменский – около 70%, Барабинский – 45, Новосибирский – 30, Омский – 29%. Таким образом, с самого начала местное руководство при поощрении центра взяло курс на перевыполнение поставленных задач.

Одновременно, как и по всей стране, развернулась кампания по вытеснению кулачества из сельского хозяйства. Еще до начала сплошной коллективизации, с 1927 по 1929 г. в Сибирском крае число кулацких хозяйств, применявших наемный труд свыше 50 дней в году (показатель, считавшийся социально-экономическим критерием принадлежности к

эксплуататорским классам), сократилось с 61,3 до 20,7%, т.е. в три раза. Доля кулаков в производстве хлеба сократилась не столь значительно – с 18,1 до 14,2%. Руководители Сибколхозсоюза, по-видимому, не разделявшие идеи классового противостояния в сибирской деревне, считали возможным принимать в колхозы и кулаков. Но Сибкрайком ВКП(б) решительно осудил и пресек эти попытки. 5 декабря 1929 г. он принял специальное постановление «О чистке колхозов и простейших сельскохозяйственных объединений», в котором намечались сроки проведения чистки всех колхозов от кулачества. В результате, как и по всей стране, колхозное строительство в Сибири сопровождалось бескомпромиссным вытеснением кулаков. На эти меры кулаки ответили самоликвидацией, которая квалифицировалась властью как злонамеренное уничтожение части своих производительных сил (сокращение посевов, убой скота и т. п.). Во многих селах зимой 1929/30 г. кулаки оставляли лишь по одной лошади и корове, уничтожая остальной скот. Другим проявлением самоликвидации стали раздробление или полная распродажа своего хозяйства. **«Самораскулачивание»** по сути было актом пассивного саботажа политики Советской власти в деревне со стороны наиболее сильной в экономическом отношении части крестьянства, отчаявшейся найти себе место в новых социально-экономических отношениях. Но самой властью оно рассматривалось как одна из опасных форм борьбы с ней со стороны сельской буржуазии. **Активные формы сопротивления коллективизации** и раскулачиванию тоже имели место. Так, во второй половине 1929 г. в Сибирском крае кулаки совершили против сельских активистов свыше 600 террористических актов, а в первой половине 1930 г. – около тысячи. Только за период с 1 февраля по 10 марта 1930 г. органы Советской власти разоблачили и ликвидировали 19 повстанческих контрреволюционных организаций, 465 кулацких антисоветских группировок, в которых состояло свыше 4 тыс. кулаков. Около 5,5 тыс. кулаков за враждебную деятельность было репрессировано. Незначительное количество участников этих «контрреволюционных организаций» и «антисоветских группировок» свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве они не имели массового характера и насчитывали в среднем менее десятка человек.

Сама кампания по ликвидации кулачества как класса была организована как инициатива снизу. В качестве образца можно привести деревню Каде-Переселенческую Куйтунского района Иркутского округа, где в августе 1929 г. по инициативе бедноты на собрании был обсужден вопрос «О борьбе с кулачеством». Собрание единогласно постановило: «Просить следственные органы привлечь к суровой ответственности всех главарей кулаков и их подпевал за срыв мероприятий, проводимых партией и Советской властью, террористические действия по отношению к бедняцко-батрацкому активу, переизбрать правление земельного общества, правление потребкооперации, открыть избу-читальню». Следом были инициированы сотни подобных постановлений батрацких, бедняцких и общекрестьянских

собраний, проходивших зимой 1929/30 г., которые требовали экспроприации и выселения кулаков.

Следуя указаниям Политбюро ЦК ВКП(б), Сибкрайком 2 февраля 1930 г. принял постановление, в котором указывалось, что «экспроприации подлежат все кулацкие хозяйства данного села или района, перешедшего к сплошной коллективизации». Число ликвидируемых кулацких хозяйств строго дифференцировалось по районам и должно было составить в целом по краю примерно 4-5%. На Сибирь распространялись общие критерии разделения кулаков на три категории в соответствии с характером хозяйств и степенью активности в борьбе с Советской властью и колхозами. К первой категории относилась антисоветски настроенная кулацкая верхушка, инициаторы террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций. По отношению к ним разрешались строгие репрессии, вплоть до высшей меры наказания, заключение в тюрьму и т. п. Вторую категорию составляли «остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков». Они должны были высылаться в отдаленные районы страны. В третью категорию входили кулаки, лояльно настроенные к Советской власти. Они подлежали расселению в районе на новых, отводимых им за пределами коллективных хозяйств участках. В постановлении разъяснялось, что экспроприации и выселению не подлежат семьи красноармейцев, командного состава РККА, бывших красных партизан. Особенно осторожный подход рекомендовался к кулацким хозяйствам, члены семей которых длительное время работали на фабриках и заводах. В постановлении подчеркивалось, что раскулачивание должно проходить при самом активном участии широких бедняцко-середняцких масс деревни. Вопросы раскулачивания и выселения первоначально должны были обсуждаться на бедняцко-батрацких собраниях, потом на общих крестьянских собраниях, и лишь после этого решения крестьянских собраний утверждались сельсоветом. Таким образом раскулачивание становилось фронтом классовой борьбы в деревне, противостояния одной группы крестьянства другой.

При ликвидации кулацких хозяйств безвозмездно конфисковались жилье и хозяйственные постройки, сложный и простой инвентарь, рабочий и продуктивный скот. Однако должен был сохраняться некоторый минимум средств производства, необходимый для ведения трудового хозяйства. Поэтому выселяемым кулакам должны были оставлять рабочую лошадь, на две-три семьи - по плугу и бороне, различный инструмент, семена, двухмесячный запас продовольствия, до 500 руб. денег на хозяйственное обзаведение на местах выселения. На практике эти нормы повсеместно нарушались, поскольку переселение проводилось в кратчайшие сроки, органы, на которые возлагалась отправка крестьян не могли обеспечить огромный поток переселенцев необходимым транспортом и т.п.

В Сибири *перегибы в колхозном строительстве* приняли большой размах и мало отличались по своим проявлениям от общесоюзной картины.

Как и повсюду, пытались «одним скачком» завершить коллективизацию основных масс крестьянства уже весной 1930 г., увлекались коммунами. Сибкрайком ВКП(б) и другие местные организации в начале 1930 г. приняли ряд соответствующих решений, причем явно с согласия вышестоящих партийных органов, а также под влиянием созданной в стране обстановки нездорового соревнования, погони за высоким процентом коллективизации. Так, в постановлении от **2 февраля 1930 г. Сибкрайком выдвинул задачу завершения коллективизации уже в весеннюю сельскохозяйственную кампанию 1930 г.** И к марту 1930 г. более половины крестьян Сибирского края были вовлечены в колхозы, а в ряде округов – еще больше. Ориентировались на **преимущественное создание коммун**. В ряде решений 1929 – начала 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) высказывался за коммуны как лучшую форму коллективного объединения крестьян. С октября 1929 г. по апрель 1930 г. число коммун в Сибирском крае возросло в 3,5 раза. К апрелю 1930 г. они охватывали более половины всех коллективизированных хозяйств. Отсутствие подсобного хозяйства при низком развитии производительных сил и слабости общественного производства тяжело отражалось на материальном положении коммунаров. Обобществление всего скота и птицы в условиях, когда не было создано материальных стимулов для передачи колхозниками своего скота в колхозы, привело к массовому забою скота крестьянством. **Сибирь более других районов пострадала от забоя скота.**

Отрицательно сказалась на колхозном строительстве и гигантомания, попытка создать **колхозы-гиганты**. В Сибири были такие колхозы, куда входили десятки селений, разбросанных на огромной территории, с количеством хозяйств, исчисляемым тысячами. Выдвигались фантазерские проекты организации колхозов-гигантов с посевной площадью 50-100 тыс. га и более.

Темпы раскулачивания значительно опережали коллективизацию. Это породило массовое беззаконие и произвол. По данным на июнь 1930 г., при рассмотрении 28.6 тыс. заявлений о неправильном раскулачивании и лишении избирательных прав было установлено, что значительная часть крестьян была репрессирована незаконно (главным образом раскулачивание середняков).

2 марта был опубликован Примерный Устав сельхозартели, который, наконец, вносил ясность в вопросы обобществления средств производства, определял размеры личного подсобного хозяйства и приусадебных участков членов артели. В этот же день была опубликована в газетах статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов». 14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Руководство ряда окружных и районных партийных комитетов, оказавшихся не в состоянии исправить допущенные ошибки, было смещено. Таким образом центральное партийное руководство «перевело стрелки» на местные партийные кадры, объявив их виновными в неправильной

реализации решений центра. Следствием стал массовый отлив крестьян из колхозов. Он продолжался в Сибири до осени 1930 г. К маю число коллективизированных крестьянских хозяйств сократилось по Сибирскому краю до 20%. В числе выбывших из колхозов 69% составляли середняки. Главной причиной выхода было недовольство методами коллективизации. Другая причина состояла в хозяйственной неустроенности колхозов. Проведенное в марте 1930 г. бригадой Колхозцентра СССР обследование колхозов Сибирского края показало, что организационно-хозяйственная слабость, плохая организация труда, уравниловка порождали у колхозников безразличное отношение к колхозному труду и ценностям, содействовали отливу из колхозов.

Весенний сев 1930 г. оказался провалом и демонстрацией слабости колхозов. Трудности его проведения вызывались отсутствием опыта, а также массовым отливом из колхозов крестьян, которым возвращались земля, инвентарь, скот и т. п. Тягловая сила в деревне вследствие забоя скота сильно сократилась. Имевшийся скот был истощен от бескормицы. Сбор семян проходил с большим трудом и запозданием. Сказывались последствия неурожая 1929 г., особенно сильно поразившего юго-западные районы. В 1930 г. в Сибирском крае было посеяно на 19,1% меньше, чем в предыдущем году. Однако и эти результаты дались с трудом. Подорвав производительные силы сибирского сельского хозяйства советская власть теперь вынуждена была его дополнительно финансировать. Размер капиталовложений в сельское хозяйство Сибирского края в 1929/30 г. вырос по сравнению с предыдущим годом в 1,5 раза. Начинается практика привлечения в сельское хозяйство в период посевных и уборочных работ дополнительной рабочей силы из города. Весной 1930 г. в сибирской деревне в подготовке первого колхозного сева, в проведении массовой коллективизации участвовало около 15 тыс. городских рабочих.

В середине и второй половине 1930 г. колхозное движение в Сибири стабилизировалось. Выходы крестьян из колхозов уже не носили массового характера, многие «выходцы» вернулись обратно. С осени 1930 г. начался новый, хотя и медленный подъем. С октября до конца года уровень коллективизации крестьянских хозяйств повысился примерно на 2%. В этой ситуации центральное партийное руководство решило вновь форсировать темпы коллективизации. Началась новая волна искусственного взвинчивания темпов. Декабрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1930 г. поставил задачу на 1931 г. - завершить в основном коллективизацию в районах первой группы, а в районах второй группы, куда относилась и Сибирь, коллективизировать не менее 50% крестьянских хозяйств. Местные руководители, естественно, постарались эти показатели превысить. В результате число коллективизированных крестьян за год возросло в 2,5-3 раза и достигло в Западной Сибири примерно 60%, а в Восточной Сибири - 56%. Таким образом, основная масса крестьян все же склонилась в сторону колхозов; решающий сдвиг в позиции крестьянства произошел весной и летом 1931 г.

Способом подстегнуть хозяйственную активность крестьян-колхозников стало организованное среди них *соревнование*. Осенью 1930 г. в Западной Сибири в соревновании участвовало более половины всех колхозов. Было создано свыше 3200 ударных бригад, число ударников достигло 38 500 чел., или 6,4% всего трудоспособного населения колхозов. Широкое развитие получили такие формы соревнования, как встречный план и общественный буксир. В конце 1930 г. колхозы Западной Сибири выделили 540 бригад общественного буксира отстающим колхозам и 290 бригад буксира в помощь единоличникам. С конца 1930 г. повсеместно стали возникать вербовочные бригады из активистов-колхозников. Последних в деревне называл красными сватами. С осени 1930 г. стала практиковаться посылка активистов-колхозников из старых передовых колхозов для передачи опыта вновь создающимся хозяйствам. В Сибирь для передачи передового опыта колхозного строительства приезжали три бригады колхозников с Северного Кавказа и три с Украины. Осенью 1931 г. на период распределения урожая в Западной Сибири в неокрепшие колхозы из передовых было направлено около 4 тыс. колхозников.

6 марта 1931 г. ЦК партии принял специальное постановление «О колхозном строительстве и развертывании массовой политической работы среди крестьянства в Западно-Сибирском крае». Деятельность западносибирской партийной организации подверглась критике за недостаточно оперативное устранение тех «искривлений партийной линии», которые осуждались в директивах марта 1930 г. ЦК подчеркнул, что слабо велась борьба с антисередняцкими перегибами, с «левацкими» попытками перепрыгивания через артель к коммуне, с пережитками «гигантомании», а также с потребительскими и иждивенческими настроениями в колхозах. Коммуны, показавшие свою нежизнеспособность, переводились на устав артели, проводилось разукрупнение искусственных «гигантов». Из учтенных на начало 1931 г. в районах Западной Сибири 139 колхозов-«гигантов» к весеннему севу было разукрупнено 124.

В начале 1932 г. в колхозном движении вновь произошел очередной отлив, вызванный целым рядом причин. Многие районы Сибири, как и других областей страны, в 1931 г. пострадали от неурожая. В условиях организационной и хозяйственной неустроенности большинства колхозов это сильно сказалось на доходах колхозников. Материальная заинтересованность в развитии общественного производства подрывалась уравниловкой и нарушением принципов справедливости при распределении доходов. Началась очередная волна принудительного обобществления коров и мелкого скота у колхозников в некоторых районах Сибири.

Таким образом, траектория развития колхозного движения напоминала синусоиду со сменой резких подъемов и глубоких спадов. Она отражала чередование периодов усиленного давления на крестьян и временного отступления в ответ на директивы партийного руководства.

Несмотря на все эти колебания, *к концу 1932 г. колхозы Западной Сибири объединяли 63.2% крестьян и 89% посевных площадей, в Восточной Сибири - около 50% крестьян и 85% посева.* При этом в главных сельскохозяйственных районах, и в особенности зерновых, уровень коллективизации был значительно выше средних показателей. В постановлении ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 г. указывалось, что критерием завершения в основном коллективизации в районе или области является вовлечение в колхозы не менее 68-70% крестьянских хозяйств с охватом минимум 75-80% посевных площадей. В большинстве районов Сибири к концу первой пятилетки эти показатели были превзойдены и, таким образом, коллективизация в основном завершена.

Были достигнуты намеченные показатели и в направлении ликвидации кулачества. По данным Сибкрайисполкома, уже к апрелю 1930 г. экспроприации подверглось около 52 тыс. кулаков, т. е. 3,4% всех крестьянских хозяйств. При этом к первой категории было отнесено и репрессировано около 10,5 тыс. кулаков; выселено в отдаленные малообжитые районы кулаков второй категории 16 025 семей (82 922 чел.); остальные кулаки, отнесенные к третьей категории, расселялись в пределах округов прежнего жительства. У кулачества было конфисковано имущества на 15 млн руб. Основная часть его, свыше 11 млн руб., передана колхозам. В конце 1930 и в 1931 г. были предприняты повторные экспроприации и выселение кулацких семей. Всего в 1930-1931 гг. было выселено в северные районы Западной Сибири 42,5 тыс. кулацких семей (примерно 193 тыс. чел.).

Зажиточные крестьяне Сибири отвечали на эту политику кулацким мятежами, организацией «банд». Во время контрреволюционного мятежа, вспыхнувшего в мае 1930 г. в Усть-Карийском районе (Забайкалье), кулаки убили 19 коммунистов, комсомольцев и колхозников-активистов. По неполным данным, в 1931 г. в колхозах Западной Сибири было зарегистрировано 347 случаев поджога, 154 отравления скота, 399 порчи машин, 742 нападения на активистов. По данным 38 районов Западной Сибири, в первой половине 1932 г. из колхозов было исключено за антиколхозную деятельность 1275 кулацких хозяйств. В хлебозаготовительную кампанию 1931/32 г. из осужденных за злостный срыв хлебозаготовок 95,6% (из 6 тыс. человек) составляли кулаки и близкие к ним зажиточные крестьяне.

Помимо радикальной социальной ломки в деревне, коллективизация предполагала кардинальный подъем технического уровня сельского хозяйства (механизацию, повышение уровня агротехники и т.д.). В годы первой пятилетки эта задача решалась посредством создания МТС и снабжения их сельхозтехникой. В конце 1929 г. в Сибирском крае началась организация 8 крупных машинно-тракторных станций. Ежегодные поставки в Западную Сибирь сельскохозяйственных машин в стоимостном выражении увеличились примерно в 2,5 раза; тракторный парк вырос в 13 раз, а по мощности в 17,7 раз. Сельское хозяйство края получило 1,8 тыс. комбайнов и

1 тыс. автомашин. А к середине 1932 г. в Сибири действовало уже 254 МТС, в распоряжении которых имелось свыше 8,6 тыс. тракторов, тысячи комбайнов и других современных сельхозмашин. Но **темпы технической реконструкции сельского хозяйства в годы пятилетки существенно отставали от темпов социальной перестройки.** Хотя доля колхозных посевов, обслуживаемых МТС, в Западной Сибири за 1930 – 1932 г. выросла с 6 до 50%, этот показатель был ниже среднего по стране. Половина коллективизированных посевов и две трети колхозов оставалась вне сферы деятельности МТС, следовательно, вне технического прогресса. Но даже в тех хозяйствах, которые пользовались услугами МТС, уровень механизации был невысоким, многие работы по-прежнему выполнялись лошадьми. По технической оснащенности, главным образом по обеспеченности тракторами, комбайнами, сельское хозяйство Сибири сильно отставало от основных зерновых районов страны. Но к концу пятилетки это отставание было значительно сокращено. Например, удельный вес Западной Сибири в тракторном парке страны поднялся с 1928 по 1931 г. с 3,5 до 8,8%.

Повышение уровня агротехники и развитие механизации требовали **массовой подготовки специалистов для сельского хозяйства.** В годы первой пятилетки при МТС, совхозах, промышленных предприятиях и школах колхозной молодежи была создана система стационарных школ и курсов по подготовке руководящих колхозных кадров и механизаторов. За 1932 г. в Западной Сибири в ней было подготовлено более 25 тыс. механизаторов, 37 тыс. руководящих колхозных кадров и 18,5 тыс. животноводов. Была значительно расширена сеть сельскохозяйственных вузов и техникумов, которые за 1932-1933 гг. выпустили 1778 специалистов высшей квалификации.

Экономический эффект от коллективизации оказался невысоким. В целом в Сибири рост посевных площадей с 1928 по 1933 г. был незначительным и составил 261,5 тыс. га. Урожайность зерновых в первые годы массовой коллективизации находилась примерно на дореволюционном уровне, а по сравнению с 1928 г. даже несколько снизилась. Валовой сбор зерна в 1932 г. в Сибири составил около 400 млн. пуд. Это почти на 40% выше уровня 1913 г., но по сравнению с 1928 г. на 24% ниже. При этом, если урожайность и размеры посевных площадей не увеличились, возникает вопрос, за счет чего достигнуто увеличение валовых сборов. Безусловно, более высокой была и товарность в колхозах, достигнутая за счет уменьшения доли личного потребления и увеличения государственных поставок. Это позволило увеличить хлебозаготовки. **В 1932 г. заготовки зерна в Сибири возросли по сравнению с 1928 г. на 10%, а к уровню 1929 г. - на 41 %.**

Трудности реорганизационного периода сильнее всего сказались в животноводстве. **Поголовье лошадей, крупного рогатого скота сократилось примерно в 2 раза, а овец, коз и свиней еще больше.** Это привело к снижению заготовок основных продуктов животноводства.

Заготовки масла в Сибири снизились за пятилетку примерно на четверть. Заготовки мяса и кож после значительного подъема в 1929-1931 гг. в 1932 г. также уменьшились.

К 1932 г. несколько улучшилось по сравнению с 1930 г. материальное благосостояние колхозников. На трудодень колхозники Западной Сибири получили 4 кг хлеба, 68 коп. денег (средняя выработка трудодней на коллективизированное хозяйство - 329), в Восточной Сибири - 2.4 кг хлеба, 90 коп. денег (при средней выработке 355 трудодней). Кроме того, значительную часть доходов колхозники получали от своего хозяйства - приусадебного участка, скота, находящегося в личной собственности. В целом уровень доходов колхозников (в особенности денежных) от общественного хозяйства был низким.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие специфически сибирские проблемы возникли в процессе индустриализации?
2. Какое место в планах индустриализации отводилось Урало-Кузнецкому комбинату?
3. Какие отрасли промышленности региона получили приоритетное развитие?
4. В чем состоят наиболее важные итоги процесса индустриализации в Сибири? Определите позитивные и негативные последствия этого процесса.
5. Сформулируйте аргументы «за» и «против» следующего высказывания: *«В результате индустриализации роль Сибири в экономике страны существенно изменилась».*
6. Какие партийные документы ми как определяли сроки проведения коллективизации?
7. Как менялись темпы и уровень коллективизации на протяжении 1930 – 1932 гг.?
8. Какие меры определялись в отношении кулаков и как они были реализованы?
9. Что такое «самораскулачивание»? Как зажиточные крестьяне сопротивлялись раскулачиванию и коллективизации?
10. Каковы экономические итоги коллективизации?

Тема 8. Социалистические преобразования в быту, культуре и социальной сфере в конце 1920-х – 1930-е гг.

1. Модернизационные процессы в социальной сфере и их специфика.
2. Переустройство социально-бытовой сферы и влияние идеологических установок.
3. Проблемы качества жизни.
4. Ликвидация неграмотности и развитие системы народного образования.

Следствием социалистических преобразований в экономике стали масштабные изменения в социальной структуре. Самым заметным проявлением процесса формирования индустриального общества стал ***стремительный рост численности рабочего класса и качественные изменения в его составе***. Темпы роста численности рабочих Сибири были значительно выше, чем по стране в целом. За 1928-1932 гг. общая численность рабочих и служащих выросла почти в 3,5 раза, а по стране в целом - всего в 2,1 раза. До первой пятилетки в Сибири фактически отсутствовали постоянные квалифицированные кадры строителей. В 1928 г. здесь имелось всего около 40 тыс. рабочих и служащих, занятых в строительстве. Создание второй угольно-металлургической базы на востоке страны, сооружение новых и реконструкция старых предприятий потребовали сотен тысяч строительных рабочих. К концу пятилетки их численность возросла почти до полумиллиона человек. Они получали не только строительные квалификации, но и овладевали различными специальностями по эксплуатации строящихся объектов. После окончания строительства часть из них оставалась на построенных предприятиях в качестве постоянных рабочих. Рабочий класс Сибири рос за счет как местных ресурсов, так и населения европейской части СССР, особенно молодежи, которая массово отправлялась на крупнейшие стройки востока.

Кадры высококвалифицированных рабочих на новых предприятиях формировались за счет старых индустриальных центров – Москвы, Ленинграда, Урала, Украины. Но основным источником формирования рабочих кадров явилось местное население. Оно составило почти четыре пятых всего нового пополнения рабочих Сибири. В Сибири удельный вес непрофессиональных рабочих во всех отраслях промышленности был значительно выше, чем в целом по СССР. В конце пятилетки почти три четверти всех рабочих составляли пришедшие на производство в последние пять лет. В отраслях промышленности, созданных или коренным образом реконструированных в годы пятилетки, прослойка новых кадров была еще выше. ***В черной металлургии, в промышленно-коммунальном строительстве, на Кузнецкстрое новые кадры рабочих, начавших работать на производстве с 1928 г., составляли 80-90%, в том числе почти две трети имели производственный стаж до двух лет.***

Основным источником роста рядов рабочего класса являлось крестьянство. В новых пополнениях рабочих, например, Западной Сибири, выходцы из деревни составили 80-85%. В пополнениях строительных рабочих, особенно на Кузнецкстрое, доля крестьян была еще выше. Более трех четвертей всего нового пополнения до поступления на производство не работало по найму, из них почти две трети ранее были заняты сельским хозяйством.

Модернизационные процессы в экономике Сибири сопровождались развитием урбанизации и становлением индустриально-урбанистического образа жизни. Хотя эти процессы не определялись однозначно политическим

режимом, но имели общецивилизационный характер, в СССР, и в частности, в Сибири, их протекание имело свою *специфику, обусловленную как господствующей социалистической идеологией, так и невероятно высокими темпами социальных трансформаций*. Именно для восточных районов страны в первую очередь был характерен ускоренный рост численности городского населения, развернувшийся на основе форсированной индустриализации. В Сибири, особенно в Кузбассе, урбанизация была столь бурной, что вышла за рамки процесса, характерного для многих других районов нового промышленного освоения. По темпам роста численности городского населения Сибирь, но в особенности Кузбасс, не имели себе равных. По мнению В. А. Исупова, «специфика форсированной урбанизации Сибири оказалась столь существенной, что сегодня мы вправе говорить о ярко выраженном аномальном процессе, обусловленном не только экономическими, но в значительной степени политическими факторами.» Его правомерно было бы назвать *квазиурбанизацией* [18].

Речь идет о том, что лавинообразный количественный рост населения городов вступил в резкий диссонанс с темпами формирования их инфраструктуры (*между переписями 1926 и 1937 гг. численность городского населения более, чем утроилась*). При этом города возникали как поселенческие приложения к промышленным предприятиям. Их промышленный потенциал наращивался за пределы нормы, в то время как обеспечение ресурсами социальной сферы в условиях абсолютного приоритета финансирования тяжелой промышленности находилось на минимальном уровне. Население этих новых, возникших на пустом месте городов воспринималось государством как трудовые ресурсы, обеспечивавшие индустриализацию. Как следствие такого подхода, проблемы городского развития решались исходя из соображений общегосударственной целесообразности, в интересах производства, игнорируя интересы территории и потребности ее жителей. Это накладывало отпечаток на формирование совершенно специфического облика сибирских городов и убогого городского пространства. Подавляющее большинство сибирских городов индустриальной эпохи складывалось как конгломерат промышленных зон и поселков, скопление бараков, землянок и других форм временного жилья при отсутствии городского ядра, типичного для старых городов.

Специфическими были и источники формирования населения сибирских городов. Обеспечить столь фантастический рост их населения только за счет естественного прироста было невозможно в принципе. Города Сибири не обладали для этого необходимым демографическим ресурсом. К тому же, начиная с конца 1920-х гг. естественный прирост городского населения быстро сокращался в следствие снижения рождаемости и увеличения смертности, связанных с ухудшением условий существования. Таким образом, важнейшим и необходимым элементом форсированной

урбанизации стали крупномасштабные миграции. В 1926–1939 гг. *на долю механического прироста во всем приросте городского населения Сибири приходилось свыше 72 %, тогда как удельный вес естественного прироста составлял всего 13 %*. Жителями новых сибирских городов стали рабочие строящихся предприятий. Как уже было отмечено ранее, в подавляющем большинстве это не были кадровые высококвалифицированные рабочие с высоким уровнем социального самосознания. Основной контингент «новых горожан» составляли малограмотные (или совсем неграмотные), низкоквалифицированные и низкооплачиваемые вчерашние выходцы из деревни. Так, в Кузбассе в 1931 г. 40% процентов жителей проживало в городах менее полугода, 34% - до трех лет и только четверть имела «стаж» городской жизни более трех лет. Согласно данным, основанным на регистрации прописки-выписки, в города Сибири в 1933–1937 гг. вселилось около 4,5 млн человек, из которых 2,7 млн являлись выходцами из деревни. Около 70% приходили на стройки стихийно, «самотеком», часто нелегально и не по доброй воле. Крестьяне сотнями тысяч выталкивались из деревни коллективизацией, проводившейся насильственными методами. Немаловажную роль играли насильственные депортации так называемых «кулаков», спецпереселенцев.

Из 89 новых городов и рабочих поселков, образовавшихся в 1926 – 1939 гг. абсолютное большинство может быть названо городами с большой долей условности. *Формирование в них городского образа жизни – важнейшей составляющей «нормальной» урбанизации – катастрофически отставало от темпов экстенсивного роста и протекало со значительными деформациями.*

2. Переустройство социально-бытовой сферы и влияние идеологических установок.

На формирование индустриально-урбанистического образа жизни оказывали определяющее влияние идеологические установки, эксперименты по переустройству жизни в соответствии с утопическими идеями о новом социалистическом быте. По идеологическим соображениям прежний уклад жизни отвергался как наследие капитализма. Под сомнение были поставлены его основные принципы и институты: семья как основная социальная группа в сфере быта, индивидуальная и семейная организация потребления и досуга, независимость индивида в сфере частной жизни. Предполагалось, что в противовес буржуазному индивидуализму в социалистическом городе не только производство, но и *сфера быта будет перестроена на принципах коллективизма, полного обобществления*. Наиболее радикальные проекты перестройки социальной сферы предполагали переход к социалистическому типу жилища, превращение семьи из хозяйственно-бытовой ячейки в свободный союз мужчины и женщины и преобразование частного домашнего хозяйства в отрасль общественного производства, переход от семейного к общественному воспитанию детей.

Практическая и теоретическая разработка этих идей воплотилась в *бытовых коммунах*, которые на конкретном опыте должны были показать возможности обобществления бытовой жизни людей. Значительное число бытовых коммун было организовано в городах и рабочих поселках Сибири, где это движение, судя по косвенным данным приобрело довольно широкий масштаб. Имеются сведения об организации коммун в Омске, Новосибирске, Новокузнецке, Иркутске, Кемерово, Тулуне, Красноярске и других городах.

В ходе разработки и принятия первого пятилетнего плана проблемы создания новой жилищной среды и строительства соцгородов стали широко обсуждаться. Некоторыми радикальными партийными публицистами (Ю. Ларин, Л. Сабсович, Н. Милютин) разрабатывалась программа полной коллективизации быта, т. е. отказа от семейного хозяйства как традиционной формы организации потребления и частной жизни людей. Индивидуальное жилище семьи должно было вытесняться домами коллективного проживания, в которых потребление и досуг были бы организованы на принципах бытовой коммуны, а семейное воспитание детей заменено общественным воспитанием в детских яслях и садах. Для разработки оптимального проекта соцгорода в 1929 г. была создана правительственная комиссия под председательством Н. А. Милютина. В основу работы комиссии были положены следующие принципы: многоэтажный дом с индивидуальными квартирами – это наследие капитализма, которое следует ликвидировать. Новым типом жилища должны стать дома-коммуны; жители этих домов, особенно женщины, будут освобождены от малопродуктивного домашнего труда, отвлекающего от общественных занятий. С этой целью предполагалось создать развитую систему коммунальных учреждений, обслуживающих быт. Милютин считал, что в соцгороде необходимо «создать экономические предпосылки для уничтожения семьи как хозяйственной единицы».

В рамках разработки плана развития народного хозяйства Сибирского края на первую половину 1930-х гг. Сибкрайисполком представил в СНК РСФСР предложение о создании в Сибири трех городов социалистического типа: Новокузнецк (Сталинск), соцгород на левом берегу Новосибирска при строящемся заводе сельхозмашин и Прокопьевск. Кроме того, намечались ускоренные темпы обобществления быта во всех городах Кузбасса. Основными принципами развития таких городов должны были стать вовлечение всего трудоспособного населения в общественное производство, организация нового типа жилища, т. е. домов-коммун, создание широкой сети коммунальных учреждений, благоустройство и озеленение улиц. Для практической реализации этих планов в 1930 г. в Новосибирске создается специализированное краевое управление по строительству соцгородов и рабочих поселков (Новосибсоцстрой). В 1930 г. трест «Востокуголь» начал строительство соцгорода при Прокопьевском руднике. Тогда же управление Кузнецкстрой объявило конкурс на лучший проект города-коммуны. Победил проект, подготовленный в мастерской братьев Весниных.

Но в мае 1930 г., а затем в июне 1931 г. принимаются два программных постановления ЦК ВКП(б) по вопросам перестройки быта и развития городского коммунального хозяйства. В них создание социалистических городов, строительство домов–коммун определялось как в целом перспективное, но не своевременное направление. На официальном уровне было заявлено, что идеи радикальных изменений сфере быта в настоящий момент не актуальны, их реализация должна быть отодвинута на неопределенное будущее. Следует признать, что отказ от идеи города-коммуны был вызван скорее практическими соображениями: острейший недостаток финансовых и материальных ресурсов вынуждал все время перерабатывать проекты соцгородов в сторону их удешевления. Именно эта проблема решила судьбу проекта братьев Весниных.

Как результат, в планировке новых индустриальных городов, была принята модель, основанная скорее на сохранении привычных форм повседневности. Основные принципы организации быта рабочих сохранили преемственность с прежним, так называемым буржуазным бытом – индивидуальной и семейной организацией потребления и обслуживания, относительной автономией индивида. Новым элементом быта стало лишь создание государственных коммунально-бытовых учреждений, принимавших на себя часть функций и труда по обслуживанию населения. На практике принцип экономии на потребностях людей порождал целые кварталы казарменной застройки из однотипных зданий, где квартиры, предназначенные для одной семьи, превращались в «коммуналки». ***Именно за этими плодами компромисса между социалистической утопией и жесткой экономической реальностью исторически закрепилось название «соцгород».***

Коммунистическая идеология по существу отрицала право индивида на частную жизнь. Поэтому вопросы устройства быта, организации досуга, формирования городской среды во все возрастающих масштабах становились предметом государственного регулирования и контроля посредством партийных, профсоюзных, советских органов. Формы этого прямого и опосредованного регулирования были различны. Проводились различные общественно-политические кампании, «культурно-бытовые походы» по совершенствованию данной сферы, в быт внедрялось социалистическое соревнование. Организовывались конкурсы на лучшее содержание рабочих жилищ, благоустройство мест проживания. Важное значение приобретали общественные формы регулирования быта в бараках, поскольку в них проживало большое количество рабочих Сибири. Традиция регулярного проведения подобных мероприятий становилась типичной чертой советского образа жизни.

Формой общественного воздействия на быт рабочей семьи являлась деятельность домовых и уличных комитетов. Постановлением Запсибкрайисполкома 1935 г. рекомендовалось создавать уличные комитеты

во всех городах Западной Сибири, хотя их формирование началось еще раньше. На них возлагалось решение следующих задач:

- непосредственное участие горожан в сохранении и восстановлении жилого фонда;
- организация жильцов для общественно-полезной деятельности, благоустройства территории и пр.;
- связь с городскими органами власти.

Хотя основой семейного уклада рабочих Сибири осталась типичная для индустриального общества модель нуклеарной партнерской семьи, достаточно радикально менялся статус женщины и ее социальная роль. Всячески поощрялось активное участие женщин в общественно-политической жизни. Такие формы как делегатские собрания, женские секции и отделы в организациях, «движение жен-общественниц за создание женсоветов», помогали формированию равноправных отношений с мужчинами. Устраивались бытовые конференции, слеты домохозяек, конкурсы на лучшее воспитание детей, на которых женщины могли обменяться опытом, обсудить пути дальнейшего улучшения быта.

Условия городского образа жизни, для которого характерно интенсивное развитие сферы проведения свободного времени, постепенно меняли привычки и интересы рабочих. Но и в сфере организации досуга не ослабевала руководящая и регулирующая роль партийных и советских органов, стремящихся осуществлять идеологическое воздействие. Это воздействие проводилось через распространение практики чтения газет, которые являлись носителем идеологически выверенной информации. Постоянными читателями газет были от 50% до 70% рабочих Сибири (данные варьируются в зависимости от профессии и места жительства). На чтение газет рабочие тратили около 38 часов в месяц. Новым средством массовой информации становится радио, которое с начала 20-х гг. начинает распространяться в Сибири. В 30-е гг. радиоприемник стал привычным предметом домашней обстановки в жилищах рабочих.

Типичной формой проведения свободного времени рабочих Сибири становилось чтение художественной и научно-популярной литературы. Читателями библиотек по данным на начало первой пятилетки являлись около 37% всех членов профсоюзов. По оценкам профсоюзных организаций Сибири к концу 30-х годов около 40-50% рабочих являлись читателями библиотек. По Сибирскому краю в 1928 г. насчитывалось всего около 650 стационарных библиотек. Из этого числа на громадное сельское население приходилась едва лишь половина. Наиболее действенным методом улучшения библиотечного дела явилось проведение массовых смотров-походов. В 1934 г. Восточно-Сибирский крайком ВКП(б) организовал длительный библиотечный поход с целью приведения библиотек в образцовый порядок, укрепления их кадрами, организации массовой работы. В октябре 1935 г. на Сибирь распространилось постановление СНК РСФСР о

создании библиотек в каждом районном центре. В это время Сибирь включилась во Всесоюзный конкурс на лучшую сельскую библиотеку.

Самым массовым зрелищем на рубеже 20-30-х годов становится кино. Ленин назвал кино важнейшим из искусств, оценив его возможности как средства идеологического воздействия. Поэтому при невозможности открытия стационарных кинотеатров в рабочих поселках разворачивались передвижные киноустановки. Рабочие Сибири в этот период посещали кино 2-3 раза в месяц. Одной из организованных и управляемых форм досуга рабочих Сибири являлось их участие в работе кружков при клубах. Расчеты показывают, что около трети членов профсоюзов Сибири в начале первой пятилетки посещали какие-либо кружки при клубах. В 1936 г. по данным профсоюзов Восточно-Сибирского края в кружковую работу при клубах было вовлечено - от 35 до 50% рабочих.

На клубы, красные уголки, дома и дворцы культуры возлагалась основная обязанность по организации идеологически выверенного досуга, формированию новой, социалистической культуры. К 1928 г. в Сибирском крае насчитывалось 215 клубов и свыше трех тысяч красных уголков, на Дальнем Востоке – 102 клуба. Однако по количеству клубов и красных уголков на тысячу человек Сибирь продолжала сильно уступать европейской части страны, тем более по охвату населения таежных и тундровых районов.

В ходе культурной революции клубные учреждения превращались в важные центры просвещения трудящихся и в своей деятельности отражали проблемы повседневной жизни страны в соответствии с «правильными» идейно-политическими установками. Поэтому, большое значение придавалось лекционной работе, в том числе, антирелигиозной пропаганде. Работали марксистско-ленинские кружки, кружки по изучению Конституции СССР и Положения о выборах в Верховный Совет СССР. Клубы активно участвовали в различных хозяйственно-политических кампаниях. При них работали библиотеки. Поддержку и признание государственных и партийных органов получила такая форма массовой работы клубов как агиткультбригада. Члены бригад периодически выезжали на предприятия, промыслы, лесозаготовки, в села и части Красной Армии, где в художественной форме, пользуясь местным злободневным материалом, вели партийную агитацию и пропаганду. Таким образом, клубы выступали организаторами и пропагандистами нового быта, новых, соответствующих задачам культурной революции форм досуга трудящихся. В деревне формирование нового уклада и новой социалистической культуры было возложено на армию культполитпросветчиков - сельское учительство, избачей и т. д. Организационным центром культурной и политической активности бедняцких и середняцких масс сибирской деревни стала изба-читальня. Основой работы изб-читален стала помощь в коллективизации сельского хозяйства, тесно увязанная с культурно-бытовыми делами села.

3. Проблемы качества жизни

Однако эта трансформация социальных и культурных практик не давала немедленного результата. Ускоренные темпы формирования городского образа жизни способствовали и распространению негативных социальных практик, которые как правило трактовались как пережитки старого буржуазного прошлого. На первом месте среди них следует назвать **пьянство** и тесно связанное с ним **хулиганство**. Непоследовательные попытки введения советским государством "полусухого" закона в середине 20-х гг. сменились ростом производства и продажи водки и вина. По некоторым оценкам, с 1924 по 1928 г. потребление спиртных напитков возросло в 8 раз, назывались и более высокие цифры. В среднем в 1927-1928 гг. в стране на душу населения потреблялось около 8,8 л водки. У рабочих Сибири расходы на потребление спиртных напитков в 4 - 4,5 раза превышали затраты на культурно-просветительные нужды. В среднем доля расходов рабочих Сибири на спиртное составляла 2-3% бюджета рабочей семьи. По данным некоторых обследований, она по отдельным группам рабочих могла достигать 4-5% и более. Антиалкогольная работа была постоянным направлением в деятельности партийных, профсоюзных, комсомольских организаций Сибири. В ходе проводившихся чисток партийных рядов в числе причин исключения пьянство занимало видное место.

Распространенное среди рабочей молодежи хулиганство было обусловлено в том числе низким культурным уровнем молодых рабочих, их неумением разумно организовать свой отдых. К середине 20-х годов хулиганство являлось серьезной проблемой для жителей сибирских городов. По оценке правоохранительных органов Сибири, в 1926 г. наблюдался рост хулиганства в 4-5 раз по сравнению с 1923-1925 г. По данным правоохранительных органов Новосибирска в 1931 г. при общем росте преступности на 121%. число преступлений, квалифицируемых как хулиганство, выросло на 325%, этому сопутствовало и усиление пьянства среди рабочих. Традиционная укорененность в рабочем быту таких негативных форм проведения досуга как пьянство, хулиганство, азартные картежные игры усугублялась плохими материально-бытовыми условиями, недостаточным развитием сферы культурного досуга, общими процессами маргинализации населения.

В течение всего этого времени **уровень жизни населения оставался крайне низким**. Сталинское государство решало в первую очередь задачи укрепления своей экономической мощи и пренебрегало насущными потребностями людей. Поддерживался лишь минимальный уровень потребления, который был необходим для воспроизводства рабочей силы. Политика ограничения потребления, впервые примененная в 20-х - 30-х гг., стала постоянным рычагом при решении многих экономических и политических задач советского государства.

Зарплата в денежном выражении за годы первой пятилетки выросла почти в 2 раза, в годы второй пятилетки также увеличилась почти вдвое. Однако тенденции развития реальной зарплаты были совсем иные. В Сибири

цены на продовольствие к марту 1930 г. возросли по сравнению с мартом 1929 г. в государственной и кооперативной торговле в 2,5 раза, на частном рынке – в 3 раза. Реальная зарплата рабочих составляла в лучшем случае только две трети от наиболее благополучного из исследуемых 1928 г. Наличие в доходах рабочей семьи дополнительных приработков, займов, поступлений от продажи вещей (до 10 – 15%) свидетельствовало о переживаемых ею материальных трудностях. Высокая доля расходов на питание в бюджете рабочей семьи (от 50 до 60%) показывала, что задача простого выживания поглощала львиную долю средств. Формой дополнительного изъятия средств у рабочих стала также практика распространения облигаций государственного займа в условиях «добровольно-принудительного» их приобретения. Несмотря на снижение уровня жизни рабочих, советская статистика давала искаженную картину, доказывая, что рабочие живут лучше, чем до революции. Прекратилась публикация данных о стоимости бюджетного набора, росте цен.

Введение в 1929 г. карточной системы снабжения существенно ухудшило быт рабочих. Скудные нормы выдачи продуктов по карточкам, долгие часы стояния в очередях вызывали раздражение рабочих, критику советской власти. По данным ОГПУ только за первую половину 1929 г. зафиксировано 715 случаев проявления недовольства рабочих в городах Сибири. Однако массовых выступлений протеста в Сибири, как и в целом по стране, не наблюдалось. Государство проводило политику купирования недовольства. Важные с точки зрения государства категории людей или отдельные стройки, регионы получали приоритетный статус снабжения. Так, в Кузбасс, в том числе на КМК, направлялось от 50 до 60% продуктов, распределяемых в Западно-Сибирском крае.

Данные о розничном товарообороте дополнительно характеризуют снабжение населения: основной продукт питания – это хлеб (к середине 30-х гг. более 20%), мясные и молочные продукты составляли непропорционально малую долю (3 - 4%). К числу продуктов питания статистика относила и алкогольные напитки, занимавшие довольно внушительную долю в товарообороте: около 1/5 всего товарооборота или 1/3 продовольственных покупок. Постоянной обратной стороной системы нормированного снабжения стали злоупотребления служебным положением, махинации с числом и категориями прикрепленных, элементарное воровство. Периодически проводились чистки среди работников торговли (так, в ходе такой чистки за лето 1933 г. было уволено около 10% всех торговых работников), но это не решало проблемы.

В числе других характеристик бытовых условий одним из самых главных факторов, определяющих уровень и образ жизни человека, являлось жилищное положение. Дома индивидуальной застройки были основным типом жилых строений в сибирских городах. Так, в Барнауле в 1931 г. они составляли 75%, в Новосибирске - 67,7%, в целом по городам Сибири - 72,8% всего жилого фонда. В домах индивидуального сектора в конце 1920-х –

начале 1930-х гг. проживало более 70% рабочих Сибири. К концу 1930-х г. в связи с возрастанием объемов государственного строительства доля индивидуального сектора сократилась до 40-50%. Но темпы государственного строительства жилья значительно отставали от темпов роста городского населения. Так, если жилая площадь основных городов Кузбасса за 1927-1930 гг. выросла в 2 раза, то численность населения - почти в 3 раза. В итоге на начало 1931 г. здесь в среднем приходилось лишь 2,4 кв. м жилой площади на человека. В Восточной Сибири рабочие имели в среднем 2,0 – 2,5 кв. м жилья. Особенно трудным было жилищное положение рабочих на сибирских новостройках, где большинство строителей жили в бараках, землянках, палатках, шалашах. Парадоксально, но в процессе индустриализации имело место не увеличение, а уменьшение размеров жилплощади, приходившейся в среднем на жителя городов Сибири. В 1923 г. этот показатель составлял 5,4 кв. м, в 1928 – 4,6, в 1932 – 3,6, в 1937 – около 3 кв. м. Жилищный кризис оставался одной из острейших бытовых проблем, хотя строительство жилья велось в широких масштабах. В целом это являлось следствием все той же политики партийного государства, решавшего свои стратегические задачи за счет экономии на элементарных бытовых потребностях населения. Так, в Кузбассе, где острота жилищной проблемы была просто вопиющая, из общего объема капиталовложений в 1932-1937 гг. только 15 – 25% шло на строительство жилья. В результате по данным на 1937 г., 89% всего жилого фонда шахтеров Кузбасса составляли дощатые, бревенчатые и саманные жилища, а также землянки. Следует отметить все же серьезное улучшение жилищного положения ударников, стахановцев, которым вне очереди предоставлялись благоустроенные квартиры в построенных домах.

В городах Сибири возник и развивался общественный транспорт. В середине 30-х гг. автобусное сообщение имелось практически во всех крупных и средних городах. В 1935 г. в Западной Сибири было перевезено 13 390 000 пассажиров, или в 1,5 раза больше, чем в 1933 г. В Восточно-Сибирском крае в 1931 г. автобусы перевезли 4 711 тыс. пассажиров, в 1934 г. – 8 751 тыс., или почти в 1,9 раза больше.

Незавершенность процесса формирования городского образа жизни и ***сохранение традиционных деревенских практик выражались в сохранении у «новых горожан» различных сельских занятий.*** Среди них самым распространенным был труд на индивидуальных огородах, который в летнее время занимал определенную часть внепроизводственного времени рабочих Сибири. В 1935 г. в целом 35-40% рабочих Западной Сибири имели свои огороды. В Восточной Сибири около 45-50% рабочих имели огородные участки размером в среднем около 0,1 га. Устойчивость огородничества как пережитка сельского уклада, конечно, была обусловлена дефицитом продуктов в системе государственного распределения и дороговизной на рынке. С этими же обстоятельствами связана устойчивость традиционных родственных связей, которая отличала жителей новых сибирских городов,

вопреки тенденции к индивидуализму, характерной для урбанистического образа жизни. Характерный пример – кооперация для откорма животных, когда жившие в частном секторе родственники выращивали скот для себя и тех, кто жил в бараках и квартирах.

4. Ликвидация неграмотности и развитие системы народного образования.

Одним из показателей успешной социальной модернизации является распространение грамотности. Несмотря на достижения первого десятилетия Советской власти, грамотность населения Сибири к началу 1-й пятилетки была в целом на уровне 50 %. По сравнению с другими областями РСФСР Сибирь отставала и по общей грамотности населения, и по темпам ликвидации безграмотности. Число обученных ежегодно перекрывалось притоком новых неграмотных из числа подростков, не учившихся раньше в школе, а также за счет притока переселенцев. Пятилетний план РСФСР намечал закончить ликвидацию неграмотности в районах Сибири в целом к 1936-1937 гг., а в городах - к 1932- 1933 гг. Благодаря росту школьной сети в предшествующий период, в первый учебный год первой пятилетки за парты смогли сесть свыше 67% всех детей Сибирского края.

Стало вводиться всеобщее начальное обучение в некоторых городах: в 1928/29 учебном году Омске и Анжеро-Судженске, в 1929/30 учебном году – в Новосибирске. Учитывая это, президиум Сибирского краевого исполнительного комитета и II пленум Дальневосточного крайкома партии приняли решение ввести всеобщее начальное обучение на территории краев досрочно - с 1 октября 1930 г. Прежде всего встал вопрос об увеличении количества школьных зданий, и так как на их строительство требовались значительные средства и время, то на первых порах под школы приспособлялись бывшие кулацкие дома. (в течение одного 1930 г. в Сибири было переоборудовано под школы более 1800 таких домов). В последующие годы развернулось строительство специальных зданий, которые смогли вместить сотни тысяч учеников. Одновременно на крупных железнодорожных станциях, в административных центрах и больших населенных пунктах при школах стали создавать интернаты для учащихся из мест, где не было возможности обучать их. Дети деревенской бедноты обеспечивались по сниженным ценам обувью и одеждой.

Но уже в первые месяцы 1930/31 учебного года возникли проблемы с выполнением плана всеобщего начального обучения в Кузбассе, на новостройках которого в связи с быстрым ростом населения не хватало школьных помещений. В декабре 1930 г. по этой причине был объявлен месячник «культтревоги». Созданная культармия численностью в 17,5 тыс. чел. (более 60% составляли рабочие и работницы) была разбита на культотряды, получившие конкретные задания. В итоге к 1 января 1931 г. во всех промышленных районах Кузбасса стало возможным ввести всеобщее начальное обучение, а в Щегловске - семилетнее.

Параллельно вставал вопрос об охвате начальной школой в Сибири около 450 тыс. переростков в возрасте 11-15 лет. За годы пятилетки охват школой переростков повысился с 60 до 95-100%. Был создан денежный фонд для детей низкооплачиваемых рабочих; всех детей обеспечили одеждой и обувью, большинство - горячими завтраками.

Наиболее серьезной оказалась проблема кадров. До 1930/31 учебного года в начальных школах Сибири (без Дальневосточного края) не хватало 2,5 – 3 тыс. учителей. Но с введением всеобуча в этом учебном году потребовалось свыше 5600 учителей. Нехватка учителей еще более возросла в последующие годы, когда с увеличением числа средних школ началось продвижение учеников из начальных классов в старшие. С целью подготовки учителей начальной школы расширяется сеть педтехникумов. За два года в Сибири число педтехникумов почти удвоилось, а количество учащихся в них выросло в четыре раза. Однако в условиях бурного роста начальной школы одни педтехникумы не могли удовлетворить потребности в учителях. В связи с этим вводится система краткосрочных курсов. В одном лишь Западно-Сибирском крае на краткосрочных курсах в 1930 г. было подготовлено 3 тыс., а в 1932 г. – свыше 6 тыс. учителей.

Всеобщее начальное обучение в Сибири, как и во всей стране, было в основном осуществлено к концу первой пятилетки. В 1927/28 учебном году в Сибири обучалось в начальной школе 625 тыс. учащихся. В последний год первой пятилетки, 1932/33 учебном году, число учащихся удвоилось. Охват детей 8-10 лет школой в 1927/28 учебном году в Западной Сибири составлял около 62%, а в 1932/33 - почти 95%; в Восточной Сибири соответственно 72 и 90%, в ДВК - 83 и 97%. К началу 1933 г. в городах почти все дети, окончившие начальную школу, продолжали учебу в средней, в сельской местности - примерно 30%. В среднем охват детей пятими классами в Сибири был выше, чем по РСФСР в целом.

В годы второй пятилетки основной задачей культурного строительства стало ***введение всеобщего семилетнего обучения и воссоздание средней 10-летней школы.*** Дело в том, что в начале 1930-х гг. средние школы были почти полностью упразднены в связи с преобразованием их в техникумы. Постановлением ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. средние школы были восстановлены, и с 1932/33 учебного года их сеть начала быстро расти. Также продолжало увеличиваться число начальных школ. В 1937/38 учебном году в Сибири (без национальных округов и районов) функционировало почти 17 тыс. школ всех типов по сравнению с 13 тыс. в 1932/33 учебном году. Увеличилась также численность учащихся – до 2 650 тыс. в 1937 учебном году. Увеличение количества школ в годы второй пятилетки позволило отказаться от занятий в три смены. Но материальное обеспечение всеобщего семилетнего обучения, особенно в сельской местности, все еще оставалось неудовлетворительным.

Введение всеобщего начального и семилетнего обучения сопровождалось ***перестройкой школы на политехнической основе.*** С осени

1930 г. началось прикрепление школ на договорных началах к фабрикам и заводам, совхозам, колхозам, МТС.

Параллельно с охватом школьным обучением детей решалась проблема обучения неграмотных и малограмотных взрослых – так называемый ликбез. В январе 1931 г. Состоялось Всекузбасское культпросветсовещание, которое отметило, что ликбезом в Кузбассе охвачено 90% общего числа неграмотных и малограмотных, а в некоторых городах (Прокопьевск, Новокузнецк) – почти 100%. Однако в постановлении СНК РСФСР от 15 августа 1931 г. «О всеобщем обучении неграмотных» указывалось, что в Сибири план ликвидации неграмотности не выполнен. Постановление требовало осуществить всеобщее обучение населения в возрасте от 16 до 50 лет, перевести работу по ликбезу на непрерывный учебный год. В помощь новостройкам Сибири были мобилизованы интеллектуальные ресурсы старых культурных центров страны. В 1931 г. шефом Кузнецкстроя стал Ленинградский облпрос. В 1932 г. из Москвы в Кузбасс были откомандированы для работы по ликбезу сроком на 2 года 184 просвещенца.

С осени 1931 г. началась перестройка системы обучения взрослых. Она была разделена на три курса: первый – ликвидация неграмотности в объеме двухлетки; второй – ликвидация малограмотности в объеме четырехлетки; третий – общеобразовательная школа взрослых в объеме семилетки. **К началу второй пятилетки в Западно-Сибирском крае** было обучено 2,5 млн чел., в результате **грамотность населения достигла 88%. В Восточно-Сибирском крае грамотность поднялась до 84%.** Достижение такого уровня грамотности стало самым впечатляющим и самым бесспорным результатом социалистической модернизации в социокультурной сфере.

Не столь однозначным было развитие советской **системы высшего образования**. Программными документами, определившими пути и формы реорганизации высших учебных заведений, явились постановления июльского (1928 г.) и ноябрьского (1929 г.) пленумов ЦК ВКП(б). Они определили **курс на создание вузов нового типа – отраслевых, с резко выраженной специализацией**, – которые призваны были сыграть главную роль в решении проблемы инженерных кадров. Они создавались путем деления многофакультетных вузов и передачи их соответствующим наркоматам и хозяйственным ведомствам. Позитивным эффектом от реализации реформы стало увеличение числа вузов и улучшение их географического размещения. На базе Сибирского технологического института были созданы девять институтов в пяти городах (Томске, Новосибирске, Омске, Новокузнецке, Иркутске). Вместе с тем, новые вузы испытывали огромные материальные и организационные трудности, о чем свидетельствует становление Сибирского института черных металлов, переведенного на площадку Кузнецкстроя из Томска. Кроме отраслевых институтов создавались и самостоятельные. Так, в 1929 г. в Омске открылся Автодорожный институт, в Новосибирске и Хабаровске – Институты народного хозяйства и др. Задачу подготовки командных кадров решали

промышленные академии. В Сибири были открыты три академии – в Томске, Иркутске и Хабаровске. Новыми формами подготовки технических кадров, возникшими в годы первой пятилетки, стали заводы-втузы, учебные комбинаты.

В результате этих усилий, *по сравнению с дореволюционным 1913/14 учебным годом, число студентов в вузах Сибири к 1934 г. увеличилось в 11 раз, в то время как по Российской Федерации - в 4 раза. К концу второй пятилетки в Сибири в 64 высших учебных заведениях обучалось почти 35 тыс. студентов.* Основной формой подготовки рабочих в вузы в 30-е годы остаются рабфаки.

В начале 1930-х гг. тяжелое время переживали университеты как всей страны, так и Сибири в частности. Их будущее оказалось под вопросом, т.к. в Наркомпросе высказывались сомнения по поводу необходимости существования университетов. В результате в некоторых городах, в том числе во Владивостоке, университеты были расформированы, превращены в отдельные отраслевые институты. Но постановление Совнаркома СССР в 1931 г. об университетах положило конец всем экспериментам и послужило началом расширения и укрепления университетского образования. В 1931 г. Дальневосточный университет был восстановлен. *В трех университетах Сибири в 1934 г. обучалось 2 тыс. студентов, а в 1937 г. - 2.7 тыс. чел.*

Несмотря на радикальные перемены, которые пережило сибирское общество в кратчайшие исторические сроки, *правомерно сделать вывод о незавершенности процессов социально-культурной модернизации. Сами эти процессы отличались ярко выраженной спецификой и породили множество противоречий и проблем, обусловленных как экстремальными темпами социальных трансформаций, так и господствующими идейно-политическими установками.*

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем специфика процессов урбанизации и формирования городского образа жизни?
2. Какие идейно-политические установки в отношении социально-бытовой сферы господствовали в партийном руководстве в конце 1920-х гг.? Как и почему они менялись?
3. Где в Сибири планировалось создать социалистические города? Как трансформировались эти планы на практике?
4. Приведите не менее трех аргументов в доказательство утверждения о незавершенности процесса урбанизации в Сибири.
5. Как менялась сфера досуга советских горожан? В чем проявлялось идеологическое воздействие на эту сферу?
6. Как развивался процесс ликвидации неграмотности? Какие успехи были достигнуты?
7. Какие процессы происходили в организации школьного и профессионального образования?

8. Какие изменения в быту, культуре, образе жизни вы могли бы оценить как положительные. А какие – как негативные?

Тема 9. Основные направления и тенденции экономического развития Сибири в 1940-е – 1980-е гг.

- 1. Этапы и тенденции развития промышленности**
- 2. Противоречия развития сельского хозяйства**

1. Этапы и тенденции развития промышленности

В промышленном развитии Сибири со второй половины 1940-х гг. и до конца 1980-х можно выделить *несколько периодов*. *Первое послевоенное десятилетие* отличается тем, что приоритетными задачами являлись восстановление, реконструкция достраивание действующих в годы войны предприятий. При том, что экономика Сибири не пострадала от боевых действий, она испытывала сильнейшую *нехватку средств и ресурсов*. Многие производственные корпуса, в годы войны возводились как временные и теперь пришли в ветхое состояние, износ оборудования приобрел катастрофический характер, т.к. в годы войны производился только текущий ремонт. Срочно требовались капитальный ремонт или замена морально устаревшего оборудования. Одной из типичных послевоенных проблем была реконверсия.

Естественно, что основные капиталовложения направлялись на восстановление тех районов страны, которые пережили военную разруху и оккупацию. При этом некоторые промышленные районы Сибири еще и оказывали шефскую помощь родственным предприятиям западных районов – например, горняки и металлурги Кузбасса отправляли стройматериалы, оборудование и другие ресурсы угольным и металлургическим предприятиям Украины. Доля ассигнований в экономику Сибири по сравнению с военным периодом уменьшилась с 9,8 % в 1941–1945 гг. до 8,6 % в четвертой пятилетке. Однако в абсолютных показателях размер капиталовложений в народное хозяйство региона в 1946–1950 гг. составил почти 4 млрд руб. (в сметных ценах 1984 г.) – столько же, сколько за весь предвоенный период [5; С. 60].

Приоритетными в послевоенную пятилетку оставались *угольная, металлургическая, химическая промышленность, машиностроение и промышленность строительных материалов*. Но в них преобладало не новое строительство, а реконструктивные работы, достройка объектов, начатых строительством в предшествующие годы, замена временных сооружений капитальными и перестройка производства в связи с реконверсией. *Совершенно новой отраслью сибирской экономики была атомная промышленность*, становление которой началось в послевоенные годы. Особым направлением сибирской промышленности в послевоенное десятилетие стало *создание ракетной техники*. Его базой стали оборонные предприятия, эвакуированные в годы войны и теперь существенно

модернизированные. Но расцвет ракетостроения и комплекса обслуживающих отраслей пришелся уже на следующий период.

С середины 1950-х гг. после успешного решения задач послевоенного восстановления промышленность Сибири вступила в *следующий этап* своего развития. Он отличается резким **расширением масштабов освоения природных ресурсов региона**, что стало основной стратегической задачей. Был принят курс на строительство предприятий большой производственной мощности во всех отраслях промышленности. Так, в гидроэнергетике были построены Иркутская и Новосибирская ГЭС. Крупнейшими химическими предприятиями стали Новосибирский завод химконцентратов, Ангарский и Омский нефтехимические комбинаты. К середине 1960-х гг. были построены также Западно-Сибирский металлургический завод, заводы «Сибэлектросталь» в Красноярске, турбогенераторный в Новосибирске, Иркутский, Красноярский и Братский алюминиевые заводы, Красноярский и Байкальский целлюлозно-бумажные комбинаты, Братский лесопромышленный комплекс. Министерство среднего машиностроения создало целые засекреченные города-предприятия – Томск-7 и Красноярск-26.

О том, что индустриальное освоение Сибири теперь становится приоритетом в экономике СССР свидетельствует **заметное увеличение доли региона в общем объеме инвестиций**. В 1951–1955 гг. она составляла уже 10,5 %, а в двух следующих пятилетиях по 11,9 %. Рост абсолютных объемов капиталовложений был еще более впечатляющим. Если в четвертой пятилетке они составляли 4 млрд руб., то в пятой – 9,4 млрд, в шестой – 19,2 млрд, а в седьмой пятилетке – 29,3 млрд руб. (в ценах 1984 г.) [5; С. 61].

При этом внутри самой промышленности, с одной стороны, сохранялась и усиливалась прежняя специализация по районам, а с другой – обеспечивалось ускоренное развитие таких отраслей, как энергетика, нефтехимия, промышленность стройматериалов. Поэтому в Западной Сибири наиболее крупные объемы капиталовложений были направлены в оборонную и угольную промышленность, во вторую очередь – в электроэнергетику и машиностроение. В Восточной Сибири преимущество в финансировании отдавалось химической и нефтехимической промышленности, цветной металлургии, лесной, бумажной, деревообрабатывающей промышленности и промышленности стройматериалов.

Значительное количество введенных в строй крупных предприятий свидетельствует о приоритете, по сравнению с четвертой пятилеткой, нового строительства в отраслях обрабатывающей промышленности. В результате масштабного промышленного строительства за этот период в Сибири сложилось передовое для того времени машиностроение, различные отрасли оборонной промышленности, в том числе – атомная. Со второй половины 1950-х гг. и вплоть до конца XX в. **опережающими темпами развивались отрасли, связанные с добычей и первичной переработкой**

сырья: топливная и химическая промышленность, черная и цветная металлургия, электроэнергетика.

В этот период Западная Сибирь становится **центром производства ракетной техники**. Так, в г. Куйбышев Новосибирской области в декабре 1959 г. был введен в эксплуатацию, а в 1962 г. вышел на проектную мощность химический завод № 227 по производству ракетного топлива. С 1959 г. выпуск ракет был начат на модернизированном Омском заводе №166. С конца 1950-х гг. Новосибирские номерные заводы «Комета» и «Луч» начали выпускать радиолокационные устройства и другие приборы для ракет различного класса. Новосибирский приборостроительный завод разработал и освоил выпуск сложных приборов для зенитных ракет. В 1958 г. в Бийске был учрежден НИИ-9, который за последующие 10 лет создал заряды для первой в СССР твердотопливной межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2 и многие другие виды техники (ракеты для подводных лодок «Тайфун», межконтинентальные баллистические ракеты «Воевода»). Новосибирские и омские заводы производили наземное оборудование, бортовую аппаратуру для ракет. Новосибирское ОКБ-10 разрабатывало ракету-носитель «Космос» для выведения на орбиту искусственного спутника Земли. Выпуск этих ракет и другой космической техники с 1960-х гг. осуществлялся на Омском производственном объединении «Полет». Ракетно-космическую технику производил с 1959 г. Красноярский машиностроительный завод [27; С. 76 – 85]. Таким образом **промышленные предприятия Сибири внесли заметный вклад в реализацию советской космической программы и развитие ракетного вооружения**.

Следующий **период (1966 – 1990 г.) характеризуется снижением темпов роста инвестиций в промышленность как в Сибири, так и по стране в целом**, хотя в абсолютных показателях капиталовложения продолжали увеличиваться (в восьмой пятилетке по сравнению с седьмой – в 1,39 раза, в девятой – в 1,52, в десятой – в 1,47, в одиннадцатой – в 1,41, в двенадцатой – в 1,27 раза). Но, поскольку в целом по стране тенденция снижения темпов роста капиталовложений проявилась сильнее, **доля Сибири в общем объеме инвестиций в народное хозяйство СССР увеличилась**. Если в 1955 – 1975 гг. она составляла около 12 %, то в 1981 – 1985 гг. уже 16,5 %. [5; С. 61 – 62]. Но львиная доля этих средств в этот период уходила на развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которое являлось абсолютно приоритетным в экономической стратегии тех лет. Если исключить из расчетов объемы капиталовложений, направляемых на создание ЗСНГК, то обнаружится, что и в Западную, и в Восточную Сибирь, в последнее десятилетие советского строя союзное государство инвестировало меньше, чем в среднем по СССР и РСФСР.

Рост производственных мощностей в промышленности требовал возрастающего объема электроэнергии, в связи с чем усиливалось **внимание к энергоресурсам сибирских рек и развитию гидроэнергетики**. Было завершено сооружение начатых ранее Братской и Красноярской ГЭС,

построены Усть-Илимская, Саяно-Шушенская, Майнская, Вилюйская, Усть-Хантайская и Курейская гидроэлектростанции. В рамках развития ЗСНГК построена самая мощная в Советском Союзе Березовская ГРЭС № 1. Открытие нефти и газа на севере Западной Сибири меняло отраслевую специализацию региона. ***Возникли и вышли на первое место нефтяная и газовая промышленность.*** Перераспределение инвестиций в пользу этих отраслей привело к отвлечению капиталовложений из других сфер сибирской экономики. Так, ***с 1980-х гг. стало заметно сокращаться инвестирование оборонной промышленности, энергомашиностроения, приборостроения, электротехники, станкостроения, промышленности стройматериалов и некоторых других*** [5; С. 62].

Причем сам ЗСНГК в своем развитии испытал эволюцию, отражающую общее нарастание кризиса советской экономики. В первые годы нефтегазовая промышленность стала одной из самых передовых в научном и техническом отношении. Ее развитие ориентировалось не только на экстенсивный рост объемов добычи, но и использование передовых технологий, комплексное, сбалансированное развитие территории. Все это позволило за 10 лет (1964–1974 гг.) превратить Тюменскую область в лидера среди нефтедобывающих районов СССР. Темпы роста объемов добычи были уникальными: ***с 1970 по 1980 гг. добыча нефти в Тюменской области выросла в 10 раз*** (до 312,6 млн т), ***природного газа – в 16 раз*** (до 160,0 млрд кубометров). Это был настоящий индустриальный «взрыв», в результате которого появились новые города, железные дороги, аэропорты, сотни крупных промышленных объектов [16; С. 94]. Но все это, в свою очередь, требовало больших капиталовложений.

Однако ***со второй половины 1970-х гг. в условиях снижения эффективности советской экономики*** руководство страны стало смотреть на новый уникальный нефтегазодобывающий район как на спасение от всех бед. Абсолютно приоритетной задачей стал скорейший запуск в разработку новых месторождений при минимальных затратах на механизацию и автоматизацию. Основопологающим экономическим критерием (ОЭК) нефтедобычи в СССР было выполнение планов добычи при минимизации капиталовложений в нефтедобывающий район, что спровоцировало варварскую эксплуатацию тюменских месторождений. К началу 1980-х гг. крупнейшие тюменские месторождения прошли пик добычи, и произошел резкий спад в отрасли региона. По словам Н. К. Байбакова, внедрение принципов ОЭК привело к «большой драме идей и людей» [16; С. 97]. Прирост производства в 1980-е гг. обеспечивался экстенсивным путем, за счет увеличения численности трудовых коллективов. В 1986 г. в Нижневартовске, главном районе нефтедобычи Западной Сибири, на одного работающего, занятого в основном производстве, приходилось пять – шесть и более работников обслуживающих отраслей и управленцев. В то же время на зарубежном Севере это соотношение выглядело как 1:1 или даже 1:0,5 [16; С. 98]. Это повлекло стремительный механический прирост населения в

ранее неосвоенные районы сибирского Севера и породило те же самые социальные проблемы, что и сталинская индустриализация 1930-х. Принципиальная разница, однако, состояла в том, что теперь экономика страны не могла рассчитывать, как в те годы, на неисчерпаемые источники трудовых ресурсов.

Одной из проблем данного периода, требующей значительных инвестиций, стала необходимость технического перевооружения и реконструкции ряда предприятий, построенных в военные и послевоенные годы, особенно – оборонного комплекса. Это было обусловлено как физическим и моральным устареванием оборудования, так и развитием технического прогресса.

Несмотря на снижение темпов экономического роста, масштабы промышленного строительства в Сибири оставались значительными. Примерно *пятая часть всех построенных за эти годы предприятий размещалась в Сибири* [5; С.63]. В их ряду можно перечислить Саянский алюминиевый и Ачинский глиноземный заводы, Тобольский и Томский нефтехимические комплексы, Сургутский конденсатоперерабатывающий завод, Усольское производственное объединение «Химпром», Зиминский электрохимический комплекс, Ачинский нефтеперерабатывающий завод, Усть-Илимский лесопромышленный комплекс, Красноярские заводы тяжелых экскаваторов и автомобильных прицепов, Абаканский вагоностроительный завод, завод тепловозного оборудования в Новосибирске и др.

В процессе ускоренного промышленного освоения региона острой проблемой по-прежнему была неразвитость путей сообщения и сложность их сооружения в суровых географических и климатических условиях. Формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса инициировало строительство железной дороги Тюмень – Тобольск – Сургут – Нижневартовск, ставшей основной для дальнейшего развития транспортной сети огромной территории. *В Восточной Сибири основной стройкой стала Байкало-Амурская магистраль*, сооружение которой велось долго и сложно, но в основном завершилось в середине 1980-х гг.

В целом, за 45 послевоенных лет процесс индустриализации в Сибири продолжился, промышленность региона перешла на качественно новый уровень, ее удельный вес в общесоюзной экономике значительно вырос. При этом, за исключением первого послевоенного пятилетия, приоритетными являлись топливно-энергетический комплекс, добыча и первичная переработка сырьевых ресурсов.

2. Противоречия развития сельского хозяйства

Во второй половине 1940-х гг. сельское хозяйство переживало трудности, обусловленные войной – резкое *сокращение численности трудоспособного населения* (на 800 тыс. по сравнению с 1940 г.), *тракторного парка* (примерно на 20%). Из деревни почти полностью

исчезли автомобили, остальная *техника находилась в крайней степени изношенности из-за отсутствия запчастей*. Из всех показателей увеличилось только производство картофеля и овощей – преимущественно, за счет подсобных хозяйств предприятий и личных огородов. Что касается *зерна*, то его *валовый сбор составил 47% от довоенного* [14; С. 202]. Возвращение демобилизованных мужчин отчасти позволило решить кадровую проблему со второй половины 1945 г. Обеспечение колхозов техникой стало постепенно улучшаться благодаря росту ее выпуска в связи с реконверсией промышленных предприятий. Также промышленные предприятия были привлечены к оказанию шефской помощи колхозам в ремонте техники и снабжении запчастями. Традиционной формой поддержки сельского хозяйства стало массовое привлечение рабочих и служащих к сезонным сельскохозяйственным работам. От этой формы мобилизации трудовых ресурсов для сельского хозяйства не удалось отказаться вплоть до последних лет существования советского строя.

Одной из самых тяжелых оказалась весенняя посевная кампания 1946 г. из-за нехватки тракторов, семян, рабочего скота. На Дальнем Востоке посевные площади даже уменьшились. Некоторый рост произошел только по Новосибирской области. А с середины 1946 г. ситуация еще ухудшилась в связи с *катастрофической засухой в большинстве хлебопроизводящих районов СССР*. Хотя природная катастрофа не затронула Сибирь, кроме Приморского края, но она заметно ухудшила положение колхозов. В условиях сокращения общегосударственных хлебных резервов на Сибирь были возложены *повышенные обязательства по хлебозаготовкам*. Тем более, что урожай зерновых в Западной Сибири оказался на 58% выше, чем в 1945 г., а в Алтайском крае – почти вдвое. Сначала алтайские колхозники взяли на себя обязательства сдать сверх плана 6 млн пуд. зерна, затем эта инициатива была распространена на колхозы Новосибирской, Кемеровской, Красноярской, Омской и др. областей [14; С. 205]. Естественно, что о степени добровольности этой инициативы советские источники судить не позволяют.

В то время как в целом по стране зерна собрали в 2,3 меньше чем в довоенном 1940-м, в Западной Сибири валовый сбор превысил в 2 раза уровень 1945 г., так что доля Сибири в сборах 1946 г. достигла 20%. Конечно, это было достигнуто ценой изъятия у крестьян дополнительного количества зерна сверх плана, а следовательно – значительным сокращением личного потребления колхозников. Так, колхозы Красноярского края сдали государству на 9 млн 400 тыс. пуд. больше зерна, чем в 1945 г, Алтайский край сдал сверх плана 12 млн пуд. Кроме этого, крестьяне Сибири должны были обеспечить пострадавшие от засухи районы семенным фондом [14; С. 206].

В связи с тем, что абсолютным приоритетом в годы послевоенной пятилетки стало ускоренное восстановление промышленности, сельское хозяйство оставалось почти без финансирования и *выживало за счет*

внутренних резервов. Одним из механизмов их мобилизации стало постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах». Речь шла о возвращении колхозам изъятых у них за годы войны земель, скота, имущества, о сокращении административного аппарата и «непроизводительного расхода трудодней».

Согласно установке февральского Пленума ЦК ВКП(б) 1947 г., сельское хозяйство должно было достичь довоенного уровня производства, к концу 1949 г. К концу пятилетки был достигнут довоенный уровень обеспечения техникой, увеличилось количество МТС, площади обрабатываемых техникой посевов. Одновременно, улучшения обслуживания колхозов со стороны МТС пытались добиться и административными мерами – посредством укрупнения колхозов. В результате количество колхозов за 1949 – 1950 г. сократилось в два раза. Но экономический эффект от этих мер в значительной части хозяйств не был достигнут. Довоенные показатели посевных площадей, судя по официальным данным, были достигнуты в 1949 г., валовый сбор по некоторым областям – тоже. В целом после рывка, предпринятого в первые 2 года, **темпы развития сельского хозяйства в течение пятилетки оставались низкими, особенно в животноводстве.** Посевные площади под зерновыми культурами к 1950 г. даже не достигли довоенного уровня (93%), при этом валовый сбор зерновых составил 121% от 1940 (скорее всего за счет увеличения размеров обязательных госзакупок). Заметно увеличился лишь парк машин – на 33 – 37%. Значительно увеличилась также доля Сибири в поставках сельхозпродукции (например, по зерну с 17,6% до 25,3, по картофелю – с 11,6 до 17) [14; С. 271]. Все это говорит о том, что в тяжелый послевоенный период вклад сибирских колхозников в обеспечение населения страны продуктами был весьма существенным.

В первые три года пятой пятилетки темпы роста экстенсивных показателей в Сибири увеличивались быстрее, чем в среднем по стране (например, рост посевов зерновых почти в 2 раза). При этом **рост производства продукции почти отсутствовал, планы пятилетки не выполнялись.** Одной из причин было по-прежнему недостаточное обеспечение финансовыми и материальными ресурсами в условиях продолжающегося «диктата тяжелой промышленности», основные зерновые районы Сибири три года подряд, начиная с 1951 переживали засуху.

Некоторое улучшение материального положения колхозников произошло уже в первые месяцы после смерти И.В. Сталина. Был принят **закон о сельхозналоге, который с 1 июля 1953 г. значительно снизил его ставку и поставил в зависимость от площади земли, а не доходов.** Поворотным в развитии советского сельского хозяйства, как известно, стал **сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1953 г.** Его курс продолжился на последующих пленумах и XX съезде КПСС. Значительная роль отводилась Сибири в **кампании по освоению целины.** Предполагалось, что в Сибири до

1954 г. имелось 18 млн. га пригодных к освоению целинных и залежных земель и 43 млн. га сенокосов и пастбищ, более 10 млн га из них можно было освоить без особых капитальных затрат. Согласно постановлению февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС 1954 г. на Сибирь должна была приходиться четверть земель, подлежащих освоению [14; С. 252]. Первым следствием реализации этого решения стал значительный приток трудовых ресурсов в сельское хозяйство Сибири. Только по комсомольским путевкам за 1954 – 1956 гг. приехало 130 тыс. чел. Характерно, что если проблемы индустриализации Сибири решались в 1930 - е гг. на 70% за счет собственных трудовых ресурсов, то для подъема сельского хозяйства были привлечены мигранты из европейской части страны – только 50 тыс. (38%) целинников были жителями Сибири и Дальнего Востока. Основной поток приезжих, как и во времена Столыпина, направлялся в Алтайский край, где их доля составила 66% (34 тыс. из 51 тыс. прибывших).

В первый же год план освоения целины в Сибири был перевыполнен в 2 раза (2,8 млн. га вместо 1,4), что в свою очередь привело к повышению окончательных планов до 30 млн. га по стране в целом. **Достигнутый за 5 лет результат** оказался еще выше – **36 млн.га по стране и около 10 млн. га в Сибири**. Негативные последствия целинной кампании широко известны: насаждение монокультуры пшеницы, которая вела к истощению миллионов гектаров плодородных (черноземных и каштановых) земель, их засорению и ветровой эрозии. Поскольку колхозы на целине создавались директивами из центра без учета местных условий, зачастую они возникали на неудобных и малопригодных для хозяйства территориях. Неразвитость инфраструктуры и дорог в сочетании с постоянно растущими уборочными площадями, нехваткой техники и непредсказуемыми погодными условиями приводила к огромным потерям при уборке и хранении урожая. Наиболее распространенными мерами по решению возникающих проблем были агитация и соцсоревнование, выявление и поощрение «ударников», мобилизация коммунистов, комсомольцев и, конечно, горожан. За 5 лет на сельскохозяйственным работам в Сибири было привлечено 3,8 млн. жителей городов, рабочих поселков и райцентров [14; С. 255]. Проблемы с нехваткой техники решались за счет переброски тракторов, комбайнов и автомашин из южных районов страны, многие из которых технически устарели обладали низкой производительностью. Так что «битва за урожай» по-прежнему оставалась напряженной.

Очень **проблемной отраслью оставалось животноводство**. Из-за полуголодного содержания, непригодных помещений **надеж скота достигал иногда 10%**, в этих условиях о росте продуктивности вообще думать не приходилось. Партийные пленумы 1953 и 1955 г.. попытались решить эту проблему за счет материального стимулирования колхозников – роста закупочных цен на продукцию животноводства (в 10 раз на говядину и в 6 раз на свинину), вводилось авансирование и дополнительная оплата. Радикально улучшить ситуацию должно было усиление кормовой базы, в том

числе – посевов кукурузы. В годы пятой пятилетки темпы роста поголовья скота заметно увеличились, это предопределило и рост государственных закупок, и увеличение доли Сибири как поставщика продукции животноводства – до 23 – 24% производства РСФСР п мясу, молоку и шерсти.

Особенностью развития сельского хозяйства *в 1950-е гг.* стало ***усиленное строительство совхозов***, по преимуществу – на целинных землях, где их было создано 56. С 1956 по 1962 г. происходила массовая реорганизация в совхозы колхозов и МТС, что должно было, по мысли партийного руководства, увеличить долю государственного сектора в сельском хозяйстве и ускорить процесс преодоления различий между городским и сельским трудом – колхозное крестьянство должно было превратиться в сельскохозяйственных рабочих. На практике это обернулось значительным ростом расходов государственного бюджета и в дальнейшем признано преждевременным.

Благодаря, в первую очередь, освоению целины сельское хозяйство Сибири росло в 1950-е гг. опережающим темпами, по сравнению с общесоюзным. При общем росте валовых сборов зерна на 65%, в Сибири они увеличились в 2 раза, а в Алтайском крае – в 9,6 [14; С. 262]. При этом ***источники роста производства оставались экстенсивными – преимущественно за счет роста посевных площадей.***

На результатах развития сельского хозяйства региона, как и всей страны, сказалось также заметное увеличение капиталовложений. За период 1954 – 1958 гг. было инвестировано более 2 млрд руб. (в три с лишним раза больше, чем в предыдущее пятилетие). Причем капиталовложения в аграрную экономику Сибири составили около 20% от общесоюзных – как никогда ранее. В Сибирь был направлен невиданный ранее поток техники (150 тыс. тракторов, 77 тыс. комбайнов, 53 тыс. машин), но главным образом от направлялся в районы нового сельскохозяйственного освоения (70% тракторов, 93% комбайнов, 87% автомашин). Так что проблемы обеспечения техникой основных зернопроизводящих районов оставались нерешенными. Тем не менее техническая вооруженность сельского хозяйства Сибири за пятилетие (1954 – 1958) выросла больше чем за предыдущие 13 лет. Правда эффект этого роста был практически сведен на нет параллельным скачкообразным ростом посевных площадей вследствие освоения целины: если тракторный парк увеличился за эти годы на 70%, то посевные площади – на 71%. [14; С. 246 – 247].

Внимание государства к нуждам сельского хозяйства также проявилось в ***развитии электрификации, которая в начале 1950-х гг. находилась на крайне низком уровне.*** Так, средняя мощность колхозных электростанций на Алтае составляла 27 квт. Перед началом семилетки электроэнергией пользовались уже 72% колхозов и почти все совхозы, что выше, чем с средним по стране. Вместе с тем, очевидно, что процесс электрификации сельского хозяйства в Сибири, в отличие от промышленности, где он

успешно завершался еще перед войной, отставал лет на 20. Уровень механизации также оставался низким. Ею было охвачено в основном зерновое хозяйство. В некоторых отраслях почти полностью господствовал ручной труд – в животноводстве, выращивании овощей и картофеля. Низким оставался уровень использования удобрений и передовых методов агрокультуры. Все это свидетельствует о том, что *процесс модернизации в сельском хозяйстве до конца 1950-х гг. оставался незавершенным.*

Конец 1950-х гг. в сельском хозяйстве отмечен непродуманным и поспешным реформированием, которое спустя несколько лет привело к значительному ухудшению его развития. Одной из таких реформ стала *ликвидация МТС с продажей их техники колхозам.* Позитивные и негативные последствия этой меры хорошо известны. С одной стороны, колхозы приобрели технику в собственность и смогли ею сами распоряжаться, с другой – покупка ими техники в кратчайшие сроки (она завершилась в Сибири в основном к 1 января 1960 г.) сделала их должниками перед государством и поставила перед ними множество организационно-технических проблем, на решение которых понадобилось несколько лет. Произошло снижение достигнутого в МТС уровня эксплуатации и ремонта техники, в том числе – из-за кадровых проблем. Бывшие рабочие МТС, которые являлись работниками государственных предприятий, не хотели переходить на работу в колхозы, где условия оплаты труда их не устраивали. Совет Министров был вынужден учесть эти трудности и в 1961 г. специальным постановлением разрешить длительную отсрочку колхозам платежей за купленную технику, процентов по ссудам Госбанка, ввести льготы по подоходному налогу и снизить цену на запчасти и технику. Тогда же при Совете Министров было создано Всесоюзное объединение по продаже сельхозтехники, удобрений, запчастей и организации ремонта («Союзсельхозтехника»).

Продолжалось преобразование колхозов в совхозы, число последних увеличилось за семилетку в 2 раза. Определенным преимуществом их перед колхозами была специализация.

Характерное для последних лет правления Н. С. Хрущева увлечение массовыми кампаниями выразилось в Сибири в тотальном внедрении «пропашной системы», рекомендованной Алтайским НИИ сельского хозяйства. Хотя она была всего лишь промежуточным итогом научных экспериментов и не была проверена на практике, с 1961 г. она начала внедряться повсюду как «ключ к изобилию», привела к ликвидации паров, распахке лугов, отказу от травосеяния и др. проверенных методов повышения плодородия почв. Трудности сельского хозяйства в период семилетки носили и объективный характер – три неурожайных года (1962, 1963, 1965). В результате *к концу периода были очевидны признаки кризиса в сельском хозяйстве* – снижение урожайности, сокращение производства основных культур (кроме овощей, выращивание которых обеспечивалось в подсобных хозяйствах предприятий, на личных огородах крестьян и

горожан), как следствие – уменьшение государственных закупок почти на 30% [4; С. 349].

Значительные площади занимались под кормовую базу для животноводства, где стала абсолютно преобладать кукуруза. К 1963 г. она занимала половину всех посевов кормов. Хотя она прижилась во многих районах Сибири и даже иногда давала урожаи до 500 ц с га, к концу семилетки была признана ошибочность этой политики и начался частичный возврат к традиционным видам кормов. При этом животноводство, хотя и избежало падения производства, было убыточным для хозяйств. Из-за низких закупочных цен и высокой себестоимости повсюду было нерентабельным производство свинины, почти везде – молока и шерсти. Негативную роль сыграли и ограничения, введенные по отношению к личным подсобным хозяйствам.

Нарастающие проблемы сельского хозяйства, исчерпание экстенсивных источников роста, увеличение затрат вынудили хозяйственное и партийное руководство страны искать пути повышения уровня агротехники, рационализации и т.п. Так, с 1964 г. во всех областях Сибири стала организовываться агрономическая служба, призванная изучать почвы, распространять опыт использования удобрений, вести разъяснительную работу.

Смена партийного и государственного руководства в октябре 1964 г. привела к очередной корректировке курса в отношении сельского хозяйства. ***Были сняты ограничения с личных подсобных хозяйств, на 35% повысились закупочные цены на продукцию животноводства и были введены дополнительные надбавки. К концу 1965 г. эти меры дали краткосрочный эффект.***

Уже в годы семилетки, раньше, чем в промышленности, в сельском хозяйстве Сибири стали проявляться долгосрочные проблемы, связанные с ограниченностью источников роста трудовых ресурсов. Продолжался отток населения из сельского хозяйства (на полмиллиона за годы семилетки), снижалась доля трудоспособного населения, что соответствовало общемировым тенденциям в демографической динамике. Вместе с тем в Сибири, в силу ее региональной специфики, эти проблемы приобретали дополнительную остроту. Нагрузка сельхозугодий на одного работника в сельском хозяйстве в 1,8 раза превышала среднесоюзные показатели. Гораздо более ярко выражена была сезонностью работ. Особенно остро ощущалась нехватка кадров механизаторов, несмотря на развитие системы профессиональной подготовки. Была даже предпринята попытка ввести в Сибири механизаторский всеобуч – обучить практически всех работников механизаторским специальностям. Пришлось принимать специальные меры по закреплению на работе в деревне посредством материального стимулирования агрономов, инженеров, зоотехников. Но проблема нехватки специалистов всех профилей не могла быть решена без значительного улучшения условий жизни в деревне и оплаты сельского труда. Все это

требовало дополнительных капиталовложений в социальную сферу. При этом возможности их роста чем дальше, тем больше становились ограниченными.

С целью преодоления негативных тенденций в сельском хозяйстве новым руководством страны был провозглашен **курс на его интенсификацию**. Важнейшими составляющими этого процесса должны были стать: 1) механизация и электрификация основных производственных процессов в земледелии и животноводстве, индустриализация сельскохозяйственного труда; 2) развитие процессов специализации сельскохозяйственных предприятий, межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции; 3) повышение плодородия почв за счет химизации, мелиорации и применения оптимальных агротехнологических приемов. Предполагалось, что это потребует значительных капиталовложений, прежде всего, в техническое перевооружение отрасли, улучшение агротехники, материальное стимулирование работников сельского хозяйства и развитие материальной инфраструктуры [11; С. 163 – 164].

Действительно, за 15 лет значительно увеличились поставки техники в сельское хозяйство Сибири, были механизированы многие производственные процессы, в которых ранее господствовал ручной труд, особенно в животноводстве. Индустриализация аграрного сектора экономики выразилась в создании крупных животноводческих комплексов (по производству молока и свинины) и птицефабрик. На них достигался повышенный уровень комплексной механизации – на свинофермах Сибири к середине 1980-х гг. он составлял 74%, на птицеводческих фермах и в молочных комплексах — 90%. Наиболее заметно усилия по интенсификации выразились в увеличении поставок минеральных удобрений (в три раза за 20 лет), что должно было значительно улучшить плодородие почв и повысить урожайность [11; С. 168]. Таким, образом, **можно говорить о завершении, в основном, модернизационных процессов в сельском хозяйстве региона к началу 1980-х гг.**

Решение проблемы интенсификации сельского хозяйства также пытались решить **посредством организационных и управленческих реформ**. Основной из них стало укрупнение колхозов и традиционных внутрихозяйственных форм организации труда – бригад, ферм, отделений; внедрение новых, более рациональных методов организации труда. Уменьшалось количество плановых показателей, планы закупок объявлялись твердыми и неизменными на 5 лет. Целый ряд партийно-правительственных решений был направлен на усиление материального стимулирования работников сельского хозяйства за счет более совершенных механизмов оплаты труда (Постановление ЦК КПСС и Совета Министров в мае 1966 г. и др.) [11; С. 167]

Однако в решении этих задач был достигнут лишь частичный успех. В частности, процесс роста производства сопровождался увеличением затрат

ручного труда в абсолютных показателях, поскольку **сохранялся значительный объем немеханизированных работ**. Так, даже в 1985 г. ручным трудом в животноводстве Сибири было занято более половины работников. Все это по-прежнему требовало **привлечения на сезонные сельскохозяйственные работы значительного количества горожан**. Также частичный успех имели усилия по увеличению плодородия почв посредством мелиоративных работ – внедрение мелиорации носило локальный характер. В итоге, **переход к преимущественно интенсивным источникам развития отрасли так не состоялся**, что в условиях исчерпания экстенсивных возможностей (отсутствие резерва роста трудовых ресурсов и возможности ввода в сельскохозяйственный оборот новых земель) лишало сельское хозяйство позитивной перспективы. **Динамика развития сельского хозяйства имела «затухающий» характер**. За 15 лет (1966 – 1970 гг. по сравнению с 1981 – 1985 гг.) среднюю урожайность зерновых в регионе удалось повысить лишь на полтора процента, и она оставалась крайне низкой – 12,6 ц/га; производство молока на корову увеличилось за 20 лет (1965 – 1985 г) на 10%. Исключением являлась Кемеровская область, сельское хозяйство которой отличалось относительно высоким уровнем интенсификации. Такая ситуация была обусловлена индустриальным характером региона, где при высоком спросе на сельхозпродукцию доля сельского населения была крайне низкой (14%) и незначительными были площади земель, занятых под сельскохозяйственное производство [11; С. 171 – 174].

Сельское хозяйство Сибири в условиях меньшей обеспеченности средствами интенсификации стало заметно отставать от общесоюзного уровня по темпам роста производства важнейших продуктов (зерна, молока, говядины), технологическому уровню и экономическим показателям. При этом аграрное производство СССР, в свою очередь, отставало от уровня, достигнутого развитыми странами мира,

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие этапы выделяются в развитии сибирской промышленности в послевоенный период?
2. В чем специфика первого послевоенного десятилетия в развитии промышленности?
3. В каких отраслях велось активное новое строительство во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.?
4. Какую роль сыграла Сибирь в развитии ракетостроения и космической программе СССР?
5. Как изменились приоритеты промышленного развития со второй половины 1960-х гг.?
6. С какими трудностями столкнулась сибирская промышленность в 1960-е – 1980-е гг.?

7. Оцените позитивные и негативные последствия развития нефтегазового комплекса на севере Западной Сибири.
8. Какие трудности после окончания войны переживало сельское хозяйство? Чем вызвано ухудшение положения колхозников в 1947 г.?
9. Каковы итоги развития отрасли к началу 1950-х гг.?
10. Какие меры были предприняты для улучшения положения после смерти И.В. Сталина?
11. Какие достижения проблемы в сельском хозяйстве обусловлены освоением целинных земель?
12. Как изменились подходы к развитию сельского хозяйства к середине 1960-х гг.?
13. Какие меры и с каким результатом были предприняты для решения задачи интенсификации сельского хозяйства?
14. Чем, по вашему мнению, послевоенный этап индустриализации в Сибири отличался от довоенного (1930-х гг.)?
15. Имелись ли, по вашему мнению, возможности роста эффективности сибирской экономики в рамках существующей экономической модели?

Тема 10. Социальные и демографические процессы, условия жизни населения Сибири во второй половине 1940-х – начале 1980-х гг.

- 1. Социальные аспекты модернизации их специфика.**
- 2. Развитие социально-бытовой сферы.**
 - 1. Социальные аспекты модернизации их специфика.**

Социальное развитие Сибири во второй половине XX в. по-прежнему определялось *распространением модернизационных процессов как в экстенсивном, так и в интенсивном направлениях*. Экстенсивный аспект социальной модернизации выразился в расширении географических рамок этих процессов на север и на восток в следствие включения новых регионов в процесс экономического освоения. Интенсивный аспект связан с переходом модернизации в новую фазу, когда процесс количественного роста новых социальных явлений сменяется процессом их укоренения.

Главной составляющей социальной модернизации выступает урбанизация. В послевоенный период сохраняются ее более высокие темпы на территории Сибири по сравнению с европейской частью страны. При этом, те явления и особенности, которые на начальном этапе советской модернизации были характерны для районов Западной Сибири, теперь смещаются на север и восток, более отчетливо проявляясь на территории Восточной Сибири и севера Западной Сибири. Таким образом, можно говорить о северном и восточном векторах развития экстенсивных аспектов урбанизации.

Переход процессов урбанизации в интенсивную фазу характеризуется замедлением роста численности и удельного веса городского населения в целом, снижением масштабов миграций из деревни и ростом числа межгородских переселений, опережающим ростом населения в наиболее крупных городских населенных пунктах и агломерациях. Однако в Сибири доля городского населения по-прежнему росла более высокими темпами, чем в целом по Российской Федерации. Так, за 1959 – 1989 гг. в Российской Федерации она увеличилась на 76,6 %, в Западной Сибири – на 89,8 %. И к концу 1980-х гг. по показателю урбанизации по крайней мере Западная Сибирь практически сравнялась с европейской частью страны: соответственно 73,4 % и 72,7 %. Так что можно утверждать, что ***именно в послевоенный период Сибирь в полной мере превратилась в индустриальный регион.***

Специфика процессов урбанизации выразилась и в характере территориального размещения городской сети. Новые отрасли промышленности тяготели к крупным городам, сформировавшимся еще в предшествующий период, имеющим мощную научно-техническую базу, развитую инфраструктуру, большое количество квалифицированных кадров. Поэтому на новом этапе развитие машиностроения, химической промышленности, энергетики обусловило значительное повышение роли больших городов в экономике. Как отражение этих процессов, в европейской части Российской Федерации доля горожан, проживающих в небольших и средних городских поселениях снизилась, а удельный вес крупных городов соответственно значительно увеличился.

Но в Сибири динамика этих процессов имела заметные отличия. В Западной Сибири уже в 1959 г. насчитывалось около 15 крупных городов. И доля городского населения, сосредоточенного в крупных городах (с численностью свыше 100 тыс. человек) в конце 1950-х гг. здесь составляла две трети, в то время как в среднем по РСФСР – чуть более половины (51%). Отчасти это было обусловлено спецификой процессов индустриализации, о которых мы говорили ранее. При неразвитости сети городских поселений, транспортных коммуникаций, иной производственной инфраструктуры, нехватки подготовленных кадров промышленные предприятия возводились в основном в уже существующих городах, которые росли опережающими темпами. Эвакуация промышленных объектов из западных районов в годы войны стала дополнительным фактором развития именно крупных городских центров. Эвакуированные предприятия размещались в тех населенных пунктах, где уже имелась развитая промышленная и транспортная инфраструктура, кадры квалифицированных рабочих. Всем этим располагали именно крупные города.

Но уже с 1960-х гг. количество крупных городов существенно не увеличилось, а их удельный вес в общей численности городского населения даже стал заметно снижаться. Таким образом, *в Западной Сибири дальнейшая урбанизация происходила за счет роста численности малых городов, переходивших в категорию средних*. Если в 1959 г. к этой категории относились только 2 города, расположенных в Кузбассе – Междуреченск и Осинники, то к 1989 г. их насчитывалось 16. Некоторая их часть развилась за счет естественного демографического прироста, но большинство получили импульс к развитию за счет строительства крупных промышленных объектов и, особенно – добычи сырьевых ресурсов. Формирование одного из крупнейших в мире комплексов по добыче нефти и газа на севере Западной Сибири и огромные материальные ресурсы, выделенные под эти цели, привели к тому, что в одной Тюменской области в рассматриваемый период сразу пять городов из категории малых переросли в средние. Сургут и Нижневартовск продемонстрировали такие высокие темпы демографического роста, что буквально за два десятилетия (1970–1989 гг.) перешли из категории малых городов в крупные [7, С. 67-71].

Таким образом продолжившаяся в послевоенный период индустриализация дала новый импульс экстенсивным урбанизационным процессам именно в районах нового освоения.

На территории Восточной Сибири размещение городов определялось крупными промышленными центрами с высокой концентрацией населения и производств и небольшими населенными пунктами, географическое положение которых зависело от расположения запасов природных ресурсов. Эти локальные зоны расселения могли находиться друг от друга на значительных расстояниях, между ними пролегали десятки и сотни километров территории, на которой практически отсутствовала инфраструктура. Так, в Красноярском крае имелось всего два крупных города – Красноярск и Норильск, в которых концентрировалось около половины всех горожан края, другая половина состояла из жителей небольших городов и поселков городского типа, в большинстве своем мало отличавшихся от сельских поселений [27, С. 197-199]

Специфика, характерная для ранних этапов урбанизации, проявлялась в преобладании механического прироста городского населения над естественным. На долю миграционного притока в Сибири приходилось 53 % общего роста численности городского населения. Особенно это было характерно для новых городов Северо-Западной и Восточной Сибири, поскольку в данный период именно они находились в зоне первичного освоения. Так, освоение нефтегазовых месторождений севера Западной Сибири потребовало создания разветвленной сети городских поселений – опорных пунктов нефте- и газодобычи. Поэтому именно здесь наблюдался

рекордный рост числа новых городских поселений – на 87 % за тридцатилетие. В Восточной Сибири этот показатель также был выше уровня всероссийского (почти 50% по сравнению с 36 %) и только на Дальнем Востоке по-прежнему отставал (24,5%). Так что крайние восточные территории страны пока оставались слабо вовлеченными в процессы социальной модернизации.

Как и на предшествующем этапе урбанизации, заметную роль в формировании городского населения и масштабах его механического прироста играли не только стихийные экономические факторы, но и политические решения – например, административно-территориальные преобразования. Статус поселков городского типа получали те сельские населенные пункты, которые располагались в непосредственной близости от значимых промышленных объектов, центров добычи сырьевых ресурсов. Сельчане в одночасье превращались в «горожан», при этом их образ жизни, повседневные практики, как и сам внешний облик поселений, оставались сельскими. Так, в Красноярском крае с 1961 по 1965 гг. более половины общего прироста горожан было обеспечено именно этим фактором. Масштабные административные преобразования сельских населенных пунктов в городские свидетельствуют и о том, что в Восточной Сибири процесс урбанизации еще находился в своей экстенсивной стадии. Общий уровень урбанизации оставался довольно низким. Как и в предыдущий период формирование урбанистического образа жизни значительно отставало от процессов механического роста городов. По оценке сибирских исследователей социальных процессов, даже в Красноярске к концу 1960-х гг. лишь около четверти населения жило по стандартам городского образа жизни, а каждый десятый был фактически сельским жителем [27; С. 199].

Источником роста городского населения для районов нового освоения, как и ранее, в основном служила сама сибирская деревня. Городское население росло за счет миграции вчерашних сельских жителей. Обратной стороной урбанистического вектора миграции стало неуклонное сокращение сельского населения, особенно трудоспособных возрастов и молодежи. Например, в Восточной Сибири миграционный отток из села в 1,5 раза превышал естественный прирост. *До конца 1970-х гг. отток населения из сибирской деревни продолжал нарастать, и только в последующее десятилетие заметно замедлился.* При этом около $\frac{3}{4}$ мигрантов составляли уезжающие в города [36; С. 229]. Как следствие этого, число сел в Сибири за 1959 – 1979 гг. сократилось в 2 раза. Наибольшая убыль произошла с 1959 по 1970 гг. (35,8 %), в 1970-е гг. темпы снизились, составив 15,1 %.

Увеличение оттока сибирского населения из села в город помимо естественного процесса урбанизации было спровоцировано аграрной политикой партии и государства, а именно – курсом на ликвидацию так

называемых неперспективных сел. В эту категорию попадало до 80 % их общего числа. Предполагалось, что результатом такого изменения поселенческой структуры станет более быстрое развитие социально-культурной и бытовой сферы села, приближение ее к городским стандартам, и как следствие – снижения потока мигрантов из деревни в город. Но эффект от этих мер оказался обратным – 2/3 переселенцев мигрировали не в определенные для них «перспективные» сельские поселения, а в районные центры и города, поскольку сселение и ликвидация «неперспективных» поселений осуществлялись в приказном порядке, без учета желания самих сельчан. В селах, попавших в категорию неперспективных, прекращалось капитальное строительство, закрывались клубы, школы, магазины, ликвидировались автобусные маршруты. Такие условия вынуждали людей сниматься с обжитых мест. Хотя в общем процессе сокращения сельских поселений доля деревень, снятых с учета в связи со сселением, не превышала 30 %, однако искусственно ускоренная и даже насильственная ликвидация мелких поселений усилила процесс свертывания поселенческой сети. Мелкие села продолжали исчезать и после отмены политики деления сел на перспективные и неперспективные. По Уралу, Сибири и Дальнему Востоку за 1959—89 количество сел уменьшилось в 2,2 раза [1]

К началу 1980-х гг. такой источник роста городского населения, как деревня, был исчерпан, о чем свидетельствует замедление оттока сельского населения в города. К этому времени уже более 70 % населения Сибири проживало в городах.

Одним из признаков продолжающегося процесса урбанизации была и специфика возрастного состава сибирских городов. В то время как РСФСР приближалась к состоянию демографической старости, Северо-Западная и Восточная Сибирь находились в состоянии демографической молодости. Почти половина населения (47,2 %) в районах интенсивного промышленного развития находилась в возрасте 20–39 лет. Этим объясняется и повышенная доля детей, и чрезвычайно низкая доля лиц пожилого возраста в общей численности населения районов нового освоения. Эти же территории выделялись ускоренным ростом численности трудоспособного населения по сравнению с другими регионами Сибири и РСФСР – более чем в 2 раза.

Однако, интенсивные миграционные процессы на территории Сибири во второй половине XX в. все более заметно приобретали негативный характер. Увеличился поток обратной миграции из городов Сибири в европейскую часть страны. ***Постоянный отток населения превышал его прирост и был значительно выше, чем в других районах страны.*** Это свидетельствует о низкой приживаемости населения. Особенно болезненным было то, что среди покидающих Сибирь преобладали специалисты. ***Таким образом, если в довоенный период главной была проблема привлечения***

трудовых ресурсов из других районов страны, то на новом этапе на первое место вышла проблема их удержания. Решение этого вопроса напрямую зависело от улучшения социально бытовых условий и более широко – качества жизни.

2. Развитие социально-бытовой сферы.

В первое послевоенное десятилетие в городах Сибири в следствие масштабной эвакуации населения и отсутствия возможностей для нового строительства очень остро стояла жилищная проблема. В последующее десятилетие темпы строительства жилья оставались низкими, в городах абсолютно преобладал частный сектор. Например, в Кемерово, одноэтажная застройка к концу 1950-х гг. составляла 85 % городской территории. Господство частного сектора, пренебрежение условиями быта населения в период форсированной индустриализации обусловили также **крайне низкий уровень благоустроенности сибирских городов**. Так, из 12 городов Кузбасса только в четырех имелся коммунальный водопровод, общая протяженность которого составляла чуть более 2% от протяженности городской территории. Еще хуже обстояло дело с канализацией.

С конца 1950-х гг. в Сибири, как и по всей стране, развернулось масштабное жилищное строительство. Однако, строительство государственного жилья преимущественно затрагивало городское население и, несмотря на высокие темпы, отставало от роста его численности. Как уже отмечалось, в Сибири темпы урбанизации оставались очень высокими, городское население продолжало увеличиваться и за счет миграции, и за счет высокой рождаемости в условиях преобладания в составе горожан молодых возрастов. Уровень обеспеченности жильем в Сибири в начале 1960-х гг. едва превышал 7 кв. м на человека, тогда как в среднем по СССР составлял 8,8. Различия были также в степени обеспеченности жильем в крупных и малых городах, т.к. государственное жилищное строительство разворачивалось в первую очередь в крупных индустриальных центрах. В малых городах – вчерашних сельских поселениях – преобладало частное жилье, значительно отличался и уровень благоустроенности.

Помимо нехватки жилья высокий уровень рождаемости в развивающихся индустриальных городах Сибири порождал целый ряд других социальных проблем: обеспеченность дошкольными и школьными учреждениями, развитие системы здравоохранения и т.д. Специфика формирования населения в зоне первичного промышленного освоения (Ангари-Енисейский район, нефтегазовый комплекс на севере Тюменской области) обусловила своеобразную отсроченную реакцию на бытовые трудности. Молодые рабочие, приезжавшие на ударные стройки по комсомольским путевкам на первых порах легко мирились с бытовой неустроенностью, увлеченные романтикой освоения. Затем складывались

семьи, рождались дети, что формировало новые запросы к качеству жизни. Отставание в развитии социально-бытовой инфраструктуры приходило в противоречие с возрастающими потребностями населения. Эту ситуацию можно проиллюстрировать на примере Братска. За 1955–1970 гг. отток населения из него увеличился в 2,5 раза, а в 1970–1979 гг. – в 3 раза. Таким образом, заметный рост отрицательного потока миграции пришелся в Сибири на 1970-е гг. По данным В. В. и Е. В. Алексеевых, в целом за период 70–80-х гг. из-за тяжелых природно-климатических и материально-бытовых условий проживания Сибирь покинуло более 6 млн человек, т. е. около 30 % ее населения [4; С. 185-187].

Специфика географического размещения городской сети также оказывала влияние на возможности и перспективы решения социально-бытовых проблем. ***В районах нового освоения формировались моногорода,*** вокруг которых отсутствовала транспортная и иная инфраструктура, самым доступным видом транспорта зачастую был вертолет. Такие города напрямую зависели от внимания властей, организации завоза продовольствия, регулярности работы транспорта и не могли существовать автономно. К тому же, для второго и третьего поколений горожан условия моногорода, как правило, оказывались менее привлекательными для жизни: при общей ограниченности количества рабочих мест в таких поселениях места низкой квалификации преобладают над теми, где требуется высшее образование и узкоспециальная подготовка. Это ограничивает возможности не только карьерного роста, но и в более широком подходе – вообще перспективы самореализации, удовлетворения культурных запросов и иных социальных притязаний, что так важно для молодых людей. Неразвитость сферы досуга также вступает в противоречие с более высокими запросами к отдыху и развлечениям, характерным для молодежи.

Проблема моногорода – это также зависимость всех сфер его развития от градообразующего предприятия. Именно промышленное предприятие создает материально-техническую базу для развития сети высших и средних специальных учебных заведений, научно-исследовательских и проектно-конструкторских учреждений, а, следовательно, предопределяет их узкую специализацию. При скудости местных бюджетов средства на развитие социально-бытовой сферы, культуры и досуга выделяют профильные министерства и ведомства. Но для них приоритетными остаются интересы производства, требующие огромных материальных затрат. В результате развитие социально-бытовой и культурно-образовательной инфраструктуры финансируется по остаточному принципу. Все эти проблемы сибирских моногородов, сформировавшихся в индустриальную эпоху, в полной мере проявились уже 1970-е – 1980-е гг.

При опережающих темпах урбанизации обострялась проблема несоответствия развития торговой инфраструктуры, сферы услуг, местной легкой промышленности росту числа потребителей. В сочетании с централизованной системой распределения и удаленностью, в особенности для районов нового освоения, это создавало трудности с регулярным обеспечением привозными товарами. В 1982 г. были введены лимиты приобретение тканей, мыла, масла и других товаров.

Спецификой Сибири было своеобразное *неравноправие в обеспечении необходимыми товарами и услугами и даже в развитии транспортной и жилищно-бытовой инфраструктуры между разными категориями поселений*. В Советском Союзе, как известно, существовали так называемые закрытые города, три из которых находились на территории Сибири – Красноярск-26 (современный Железногорск), Красноярск-45 (нынешний Зеленогорск), Томск-7 (Северск). Главным градообразующим фактором для них являлось сооружение секретных объектов атомной промышленности. Закрытые города имели своеобразные условия архитектурно-градостроительного формирования, когда градостроительные проблемы решались комплексно и согласовано в силу секретности системы управления атомной промышленностью. В Министерстве среднего машиностроения, к которому относилась атомная промышленность, проектированием объектов занимался Государственный союзный проектный институт № 11, располагавшийся в Ленинграде. За каждым «закрытым» городом закреплялся опытный архитектор института, который долгое время проводил непосредственно на площадке строительства. При создании жилых районов использовались такие градостроительные принципы, как микрорайонирование, ступенчатое обслуживание населения, разделение транспортных и пешеходных потоков, свободная планировка, позволявшая учитывать условия рельефа, гидрологические объекты, естественные зеленые насаждения. О качестве застройки «закрытых» городов свидетельствуют премии Совета Министров СССР. В некоторой степени эти принципы нашли свое отражение и в планировке Новосибирского научного центра (Академгородка).

Поскольку текучесть вольнонаемных работников рассматривалась как угроза требованиям секретности, для их закрепления создавались комфортные условия проживания. С этой целью в «закрытых» городах поддерживался высокий уровень и материального обеспечения, и развития социально-культурной сферы. В то время как в большинстве городов Сибири наблюдалось хроническое отставание в сфере соцкультбыта, в «закрытых» городах ситуация была вполне благополучной. Также и материальное обеспечение их населения осуществлялось не только в первоочередном

порядке, но и в гораздо больших объемах, чем в среднем по региону и по стране [31; С. 271-274].

Другим приоритетным типом поселения были поселки при всесоюзных стройках и в районе формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Здесь, а также в Усть-Илимске, городах зоны БАМа население получало продукты и другие товары народного потребления лучшего качества и в большем количестве и ассортименте.

По сравнению с горожанами сельское население оставалось группой, наиболее обделенной материальными и социальными благами. При этом, начиная с 1953 г., социальные и материальные проблемы сельских жителей постоянно были объектом внимания партии и правительства. Новый этап в аграрной политике руководства страны начался после отставки Н.С. Хрущева. С 1966 г. в колхозах стала вводиться гарантированная ежемесячная денежная оплата труда, размеры которой рассчитывались на основании норм выработки и тарифных ставок, действовавших в совхозах. Это должно было способствовать сближению оплаты труда в колхозах и совхозах, поднять жизненный уровень сельских тружеников, сократить разницу между средней заработной платой на селе и в городе [1]. Эффект от этих и других мер, направленных на улучшение условий жизни сельского населения и уменьшение его оттока в города, оказался незначительным и переломить негативную направленность социальных процессов в деревне не удалось.

Еще одним проблемным аспектом условий жизни городского населения Сибири в рассматриваемый период стал ***резкий рост загрязнения окружающей среды, вызванный высокой концентрацией промышленного производства и пренебрежением санитарными нормами***. Размещение производительных сил в восточных районах в послевоенный период, как и в начале советской индустриализации, происходило по нормативам, разработанным для европейских районов страны, которые не всегда срабатывали в Сибири. Промышленное строительство не учитывало взаимного влияния отдельных производств внутри городов и промышленных зон, специфику местных природных условий (повышенной уязвимости и замедленности восстановления цикла природных процессов). Города формировались в прямой привязке жилого фонда к промышленному производству. При выборе площадок для городов и предприятий не учитывались особенности природно-климатических условий в том плане, чтобы рельеф местности, роза ветров не осложняли жизнь городов. Масштабные последствия такого подхода в первую очередь проявились в районах интенсивного промышленного развития.

Официальные документы государственных учреждений отразили тот факт, что уже на грани 1950-1960-х гг. произошло ухудшение качества окружающей среды и падение уровня здоровья населения в Кемеровском,

Иркутском, Черемховском, Братском промышленных районах. Например, в реке Томи, на которой располагались Кемерово, Новокузнецк, Междуреченск, Томск, в начале 1960-х гг. концентрация фенолов в 90 раз превышала норму. В реке Бачаты вода имела постоянный черный оттенок и содержала взвешенных частиц в 700 раз больше нормы. В результате этого вода в ней стала непригодной для использования даже в технических целях. В Восточной Сибири обострение экологической ситуации наиболее ярко проявилось в Иркутской области и Красноярском крае. Сброс неочищенных стоков в водоемы Иркутской области в эти годы вырос в 6 раз. В Красноярске общее количество промышленных предприятий перевалило за 100, они стали занимать более половины территории города, и в нем практически не осталось санитарно-защитных зон.

В этот период экологические проблемы городов Сибири стали привлекать внимание партийно-государственного руководства. Так, в 1963 г. было принято постановление Совета Министров РСФСР по оздоровлению реки Томи и воздушного бассейна в городах Кемеровской области. Но выделенных капиталовложений и принятых мер было недостаточно. Об этом свидетельствует тот факт, что через 10 лет в 1973 г. понадобилось новое закрытое постановление Совета Министров СССР (N 792-73) «О мерах по предотвращению загрязнения бассейна реки Томи неочищенными сточными водами и воздушного бассейна городов Кемерово и Новокузнецка промышленными выбросами». Однако и после этого ситуация принципиально не изменилась. В целом в 1960-е – 1970-е гг. техногенная нагрузка на природную среду Сибири возрастала значительно быстрее, чем осуществлялись какие-либо мероприятия по их охране и защите.

Жители многих промышленно развитых районов Сибири ощущали проявления экологического неблагополучия. За 1972-1979 гг. валовой выброс загрязняющих веществ в атмосферу в городах Сибири вырос в 2,5 раза. В конце 1970-х гг. на территории Сибири и Дальнего Востока выбрасывалось в атмосферу 34,2 % всего валового выброса промышленности страны. В городах Сибири число объектов, загрязняющих воду и воздух, вводимых без очистных сооружений, и число объектов без санитарно-защитных зон значительно превышало средние показатели по РСФСР. [20]

В результате многие города Сибири уже в начале 1980-х гг. попали в список самых загрязненных в Российской Федерации и Советском Союзе. К их числу относились города Ангара-Енисейского региона (Красноярск, Норильск, Братск, Ангарск), Кузбасса (Новокузнецк). Сибирские города занимали первые четыре места среди городов с наибольшим загрязнением территории. Наибольшее количество приходилось на Норильск, Новокузнецк и Ангарск. Самую высокую загрязненность воздушной атмосферы не только в Сибири, но и в целом в Российской Федерации имели Красноярский край и

Тюменская область. [20] Относительно благоприятной оставалась воздушная среда в городах Алтайского края и Новосибирской области. Но здесь население испытывало влияние радиационной загрязненности территорий вследствие многолетних ядерных взрывов на Семипалатинском полигоне. Испытания ядерного оружия, которые велись здесь до 1962 г. привели к загрязнению радионуклидами атмосферного воздуха, почвы и продуктов питания. Его уровень, как свидетельствуют специальные исследования, был значительно выше по сравнению с соседними регионами и существенно влиял на здоровье населения. Однако эта тема остается одной из самых закрытых и неразработанных.

Мало того, что при этом население не получало материальных компенсаций за вред, причиненный здоровью, само развитие системы здравоохранения в экологически неблагополучных городах находилось на низком уровне. Пожалуй, только в 1970-е гг. развернулось серьезное изучение экологических заболеваний, обусловленных вредными производствами. Во второй половине 70-х гг. произошло и увеличение капиталовложений в охрану окружающей среды. Особенно значительным оно было в Западной Сибири. В целом за пять лет они увеличились на 30 %, наиболее высокие темпы роста наблюдались Кемеровской, Тюменской, Томской и Омской областях. Косвенным образом это замедлило ухудшение показателей здоровья населения сибирских городов, но вплоть до конца рассматриваемого периода коренного улучшения ситуации не произошло.

В целом за рассматриваемый период все же произошло значительное улучшение условий жизни, особенно в крупных промышленно развитых городах, где более интенсивно шло жилищное строительство, происходило благоустройство городской среды, развивались транспортная и торговая инфраструктуры, образование, здравоохранение. Гораздо в меньшей степени этими процессами были затронуты сельские поселения и малые города. *Вместе с тем этот период стал временем нарастания социальных проблем, порожденных гипертрофированной и непродуманной индустриализацией, ориентировавшейся на решение ближайших проблем и не учитывавшей средне- и долгосрочные перспективы развития региона.*

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Приведите доказательства продолжения процесса урбанизации в Сибири в 1940-е – 1970-е гг.
2. В чем специфика размещения городской сети в данный период?
3. Какие негативные процессы характеризуют социальную динамику в Сибири в 1970-е – 1980-е гг.?

4. Что такое моногород? Охарактеризуйте социальные и бытовые проблемы сибирских моногородов.
5. Опишите объективные и субъективные обстоятельства, влиявшие на развитие сельских поселений в Сибири в данный период.
6. В каких городских поселениях и почему сложились более благоприятные, чем в других, социально-бытовые условия?
7. Какие субъективные и объективные факторы, по вашему мнению, определили экологическую ситуацию в городах Сибири? Почему решение экологических проблем на данном этапе развития Сибири оказалось невозможным?

Литература

1. Андреенков С. И., Ильиных В. А. Аграрная политика советского государства в Сибири / С. И. Андреенков, В. А. Ильиных - Текст : электронный // Историческая энциклопедия Сибири (2009). – Иркипедия. Энциклопедия и новости Приангарья. – URL: http://irkipedia.ru/content/agrarnaya_politika_sovetskogo_gosudarstva_v_sibiri_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения 16.01.2020)
2. Арзютов. Д. В. Бурханизм: североалтайская периферия / Д. В. Арзютов – Текст : непосредственный // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, Е.А. Михайлова. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2007. – С. 95 – 101. – ISBN 978-5-88431-134-3
3. Временное Сибирское правительство - Текст : электронный // Историческая энциклопедия Сибири (2009). – Иркипедия. Энциклопедия и новости Приангарья. – URL: http://irkipedia.ru/content/vremennoe_sibirskoe_pravitelstvo_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 07.10.2019)
4. Гонина Н. В. Проблемы развития городов в Ангаро-Енисейском регионе в 1954 – 1984 гг. / Н. В. Гонина – Текст : непосредственный // Экономическое развитие Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. 12–13 октября 2016 г. – Красноярск: Резонанс, 2016. – С. 184 – 187. – ISBN 978-5-9905562-3-2
5. Грик Н. А. Советское регулирование экономики и Сибирь в 1920-е – начале 1930-х гг. / Н. А. Грик - Текст : электронный // Электронный архив Томского политехнического университета. – ISSN 2413-1830 – URL: http://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/5673/1/bulletin_tpu-2002-305-7-05.pdf (дата обращения: 11.02. 20120)
6. Дамешек Л. М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти / Л. М. Дамешек - Текст : электронный // Современное историческое сибиреведение XVII - начала XX вв.: Сборник научных трудов / Под ред. Ю. М. Гончарова. – Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2005. – 310 с. – URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/skubnevski/Domeshek.html> (дата обращения: 14.10.2019)
7. Дашинамжилов О. Б. Урбанизация в Западной Сибири в 1959–1989 гг. / О. Б. Дашинамжилов – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. - № 1. – С. 67 – 71.
8. Долголюк А. А. Инвестиционный процесс в Сибири в советский период. / А. А. Долголюк – Текст : непосредственный // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегиональной научной конференции. 6–7 июня 2013 года. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 51 – 56. – ISBN 978-5-98901-119-3

9. Журавлев В. В. Рождение Временного Сибирского Правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции. / В. В. Журавлев – Текст : непосредственный // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории.: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Шишкина. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. 2001 С. 26-47.
10. Зиновьев В. П. Этапы индустриального развития Сибири / В. П. Зиновьев – Текст : непосредственный // Научная сессия Томского университета (апрель 1992 г.). – Томск: Изд-во ТГУ, 1993. Часть 1. Социально-экономические и гуманитарные науки. – С. 91-94.
11. Зиновьев В. П. Сибирь в экономике России XVIII - начале XX вв. / В. П. Зиновьев – Текст : непосредственный // Сибирь в составе России. XIX - начало XX вв. – Томск, 1999. – С. 29-30.
12. Индустриализация Сибири // Сибирская Советская энциклопедия – 1929 год. – URL: <http://45f.ru/sse/industrializaciya-sibiri/> - Текст : электронный (дата обращения: 17.01.2020)
13. Исаев В. И. Изменения социальной сферы в городах Сибири в период форсированной индустриализации (вторая половина 1920-х –конец 1930-х гг.) / В. И. Исаев – Текст : непосредственный // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегиональной научной конференции. 6–7 июня 2013года. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 246 – 266. – ISBN 978-5-98901-119-3
14. История крестьянства Сибири. Т. 5: Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960-1980-е гг. / Под ред. Н. Я. Гущина. – Новосибирск, 1991. – 493 с. – Текст : непосредственный
15. История Сибири с древнейших времен / отв. ред. А. П. Окладников. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1968 – 1969. – Т.3. Сибирь в эпоху капитализма. – 511с. – Текст : непосредственный
16. История Сибири с древнейших времён до наших дней. / гл. ред. А. П. Окладников. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. – 490 с. – Текст : непосредственный
17. История Сибири с древнейших времён до наших дней. / гл. ред. А. П. Окладников. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – Т.5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 455 с. – Текст : непосредственный
18. Исупов В. А. Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: вторая половина 1920-х –1930-е гг. / В. А. Исупов – Текст : непосредственный // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегиональной научной конференции. 6–7

- июня 2013 года. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 238 – 246. – ISBN 978-5-98901-119-3
19. Карпов В. П. О роли науки и техники в создании Тюменского нефтегазодобывающего района. / В. П. Карпов – Текст : непосредственный // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегиональной научной конференции. 6–7 июня 2013 года. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 94 – 101. – ISBN 978-5-98901-119-3
 20. Карпунина И. Б. Ликвидация «Неперспективных» деревень / И.Б. Карпунина - Текст : электронный // Икипедия. Энциклопедия и новости Приангарья. – URL: http://irkipedia.ru/content/likvidaciya_neperspektivnyh_dereven_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 04.02. 2020)
 21. Колчак Александр Васильевич : / Икипедия. Энциклопедия и новости Приангарья. – URL: http://irkipedia.ru/content/kolchak_aleksandr_vasilevich - Текст : электронный (дата обращения: 08.11. 2019)
 22. Красовицкая Т. Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917-1929 гг.) / Т. Ю. Красовицкая – Текст : непосредственный // Этнические и религиозные факторы в формировании и эволюции российского государства, отв. ред Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. – М.: Новый хронограф, 2012. – 448 с. – ISBN 978-5-94881-205-2
 23. Куксанова Н. В. Экологическая ситуация в сибирском регионе в период активного промышленного освоения (1950–1980гг.) / Н.В. Куксанова - Текст : электронный // Сибирская заимка. – ISSN 2308–4073– URL: <http://zaimka.ru/kuksanova-ecology/> (дата обращения: 04.02.2020)
 24. Ларьков Н. С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны / Н. С. Ларьков, В. И. Шишкин – Текст : непосредственный // Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, 2013. - С. 76–114. – ISBN 978-5-98901-128-5
 25. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). / Б. Н. Миронов. – Санкт-Петербург, 1999. Т. 1. – Текст : непосредственный
 26. Новая экономическая политика // Историческая энциклопедия Сибири (2009). – URL: http://irkipedia.ru/content/novaya_ekonomicheskaya_politika_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 - Текст : электронный (дата обращения: 23.01. 2020)
 27. Рафикова С. А., Копылов И. В. Урбанизационные процессы 1960-х гг. в Красноярском крае: естественная и механическая составляющие / С. А. Рафикова, И. В. Копылов – Текст : непосредственный // Экономическое развитие Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. 12–13

- октября 2016 г. – Красноярск: Резонанс, 2016. – С. 196 – 199. – ISBN 978-5-9905562-3-2
28. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. / Отв. ред. член-корр. РАН В. А. Ламин. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005. – 193 с. – ISBN – Текст : непосредственный
29. Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX — начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения / А.В. Ремнев - Текст : электронный // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. ISSN 2308–4073 – URL: <http://zaimka.ru/remnev-imperium/> (дата обращения: 07.12.2019)
30. Ремнев А. В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века / А.В. Ремнев - Текст : электронный // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. ISSN 2308–4073 – URL: <http://zaimka.ru/remnev-colony/> (дата обращения: 09.12.2019)
31. Реут Г. А. Закрытые города Красноярского края как феномен советского градостроительства. / Г. А. Реут – Текст : непосредственный // Экономическое развитие Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. 12–13 октября 2016 г. – Красноярск: Резонанс, 2016. – С. 271 – 274. – ISBN 978-5-9905562-3-2
32. Сибирь в период промышленного капитализма 60-90 годы XIXв. // Сибиринг.ру. Западная Сибирь: география, города, природа и природные зоны. – URL: <http://www.sibering.ru/articles/articles-29.html> - Текст : электронный (дата обращения: 14.10.2019)
33. Савицкий. И. М. Организация производства ракетно-космической техники на предприятиях оборонной промышленности Сибири в условиях «холодной войны» (1946–1965 гг.) / И. М. Савицкий – Текст : непосредственный // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегиональной научной конференции. 6–7 июня 2013 года. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 76 – 85. – ISBN 978-5-98901-119-3
34. Сибирь в составе Российской империи / отв. Ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с. – ISBN – Текст : непосредственный
35. Соловьева Е. И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. / Е. И. Соловьева – Текст : непосредственный // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. С. 214–226.
36. Усольцева А.В. Миграция сельского населения Томской области в 1950 – 1980-е гг. / А. В. Усольцева – Текст : непосредственный // Аграрное освоение и демографические процессы в России в X – XXI вв. XXXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений. Уфа. 20 – 23 сентября 2016. отв. ред.

- Швейковская Е.Н. – М.: ИСл РАН, 2016. - С. 226 – 229. – ISBN 978-5-7576-0362-9
37. Цубикова Л. С. Коллективизация крестьянского хозяйства в Восточной Сибири в 1920-е – 1930-е гг. / Л.С. Цубикова – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 4. – Ч.1 – С. 189-192. – ISSN 1997-292X
38. Черняк Э. И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / Э. И. Черняк. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 238 с. – ISBN – Текст : непосредственный
39. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. / И. Д. Шиловский. – Новосибирск: ИД «Сова», 2003. – ISBN 5-87550-150-2 – Текст : непосредственный
40. Шиловский М. В. Сибирь в составе России: основные проблемы экономического развития дореволюционного периода / М. В. Шиловский – Текст : непосредственный // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. / Отв. ред. А. П. Деревянко. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1998. – С. 85-89. – ISBN
41. Шиловский М. В. Сибирь в XX веке: некоторые итоги развития / М. В. Шиловский / М. В. Шиловский – Текст : непосредственный // Вопросы истории Сибири XX века. – Новосибирск, 2001. – Вып. 5. – С. 3-24.
42. Шиловский М. В. Социально-политические процессы в сибирском городе во время Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) / М. В. Шиловский - Текст : электронный // Современное историческое сибиреведение XVII - начала XX вв.: Сборник научных трудов / Под ред. Ю. М. Гончарова. - Барнаул: Изд-во "Аз Бука", 2005. – 310 с. – URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/skubnevski/Shilovskiy.html> (дата обращения: 21.11.2019)
43. Шишкин В. И. Февральская революция в Сибири (2-10 марта 1917 года) / В. И. Шишкин – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». - 2016 г. - № 4 (12). – С. 31-41. – ISSN 2312-1300